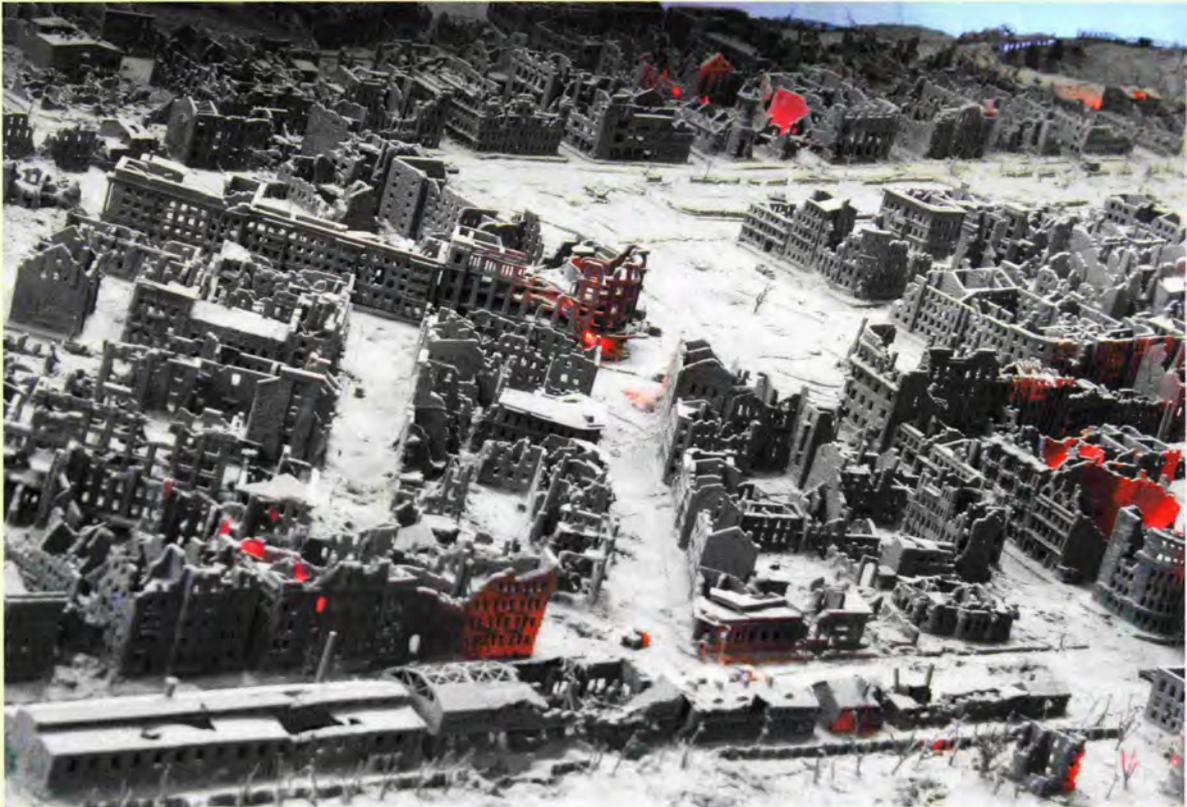

Deutsch-russische Geschichtswerkstatt
Русско-немецкая мастерская истории

Сталинград

КАК МЕСТО ПАМЯТИ
В РОССИИ
И ГЕРМАНИИ

GESCHICHTSWERKSTATT
EUROPA

ИЗДАТЕЛЬ

Ost-West Trikster e.V.
V.i.S.d.P.: Констанце Штоль (Первый руководитель)
info@ost-west-trikster.org
www.ost-west-trikster.org

РЕДАКЦИЯ

Инза Ланг, Констанце Штоль, Ксения Средняк, Антон Артамонов, Елена Огаркова

ФОТОГРАФИИ

Участниц и участников немецко-русской мастерской истории

ДИЗАЙН ОБЛОЖКИ

Анатолий Артамонов, Антон Артамонов
Титульное фото: Модель разрушенного города Сталинграда (Музей-панорама «Сталинградская битва»)

ПЕРЕВОДЧИК

Екатерина Дженкова

ТИРАЖ

100 экземпляров на русском языке

ИЗДАТЕЛЬСТВО И АДРЕС

„Экспресс-печать“, Волгоград, ул. Пражская
[Волгоград, 2008]

Эта документация финансирована фондом „Воспоминание, ответственность и будущее“ и фонд Роберта Боша

GESCHICHTSWERKSTATT
EUROPA

 STIFTUNG
ERINNERUNG, VERANTWORTUNG
UND ZUKUNFT

Robert Bosch Stiftung

Оглавление

1. Предисловие	4
2. Общая информация.....	5
История немецко-русской мастерской истории (Констанце Штоль) 5 · Что такое мастерская истории? Как она работает? (Елена Огаркова) 7 · Ход проекта 8 · Участники и участницы проекта 9	
3. Подготовка – сбор информации.....	14
Поиск информации в литературе: Сталинград – как место памяти в немецкой исторической науке (Ребекка Блуме) 14 · Сталинград как место памяти в российской историографии (Ксения Средняк) 19	
Два опроса: Различия в памяти поколений (на основе интервью) (Денис Цой) 26 · Рассказ Эрики (Ребекка Блуме) 27	
4. Штрихи	30
Личные впечатления – восемь эссе 30 · <i>Антон Артамонов</i> – Впечатления 30 · <i>Ксения Средняк</i> – Впечатления (встреча русской и немецкой групп в феврале 2007 года) 31 · <i>Мартин Подолак</i> – несколько мыслей о поездке в Волгоград 32 · <i>Петер Буковски</i> – Россошка и мы 34 · <i>Сандра Дальке</i> – Волгоградский музей-панорама 39 · <i>Констанце Штолль</i> – Что кажется мне не терпящим отлагательства или: Что делает наше немецко-русское взаимопонимание по поводу различных культур памяти таким трудным? 42 · <i>София Ромадина</i> – <i>Мои мысли о проекте</i> (Февраль 2007) 49	
5. Анализ музейных экспозиций.....	49
Анализ постоянной экспозиции Государственного музея-панорамы Сталинградской битвы, проведенный в рамках работы немецко-русской мастерской истории. Волгоград, февраль 2007 г. (Торстен Хоппе) 49 · Музей «Память»: Концепция, Структура, Судьба (Антон Артамонов) 51 · Фотовыставка «Сталинград» в Немецко-русском музее Берлин-Карлсхорст (Торстен Хоппе) 52 · От выставочного контекста к контексту проекта. Контекстуальный анализ с точки зрения теории «Второго модерна» (Констанце Штолль) 53 · Сравнение: Немецко-русского музея Берлин-Карлсхорст и государственного музей-панорамы. Или: музей как отражение (Елена Огаркова) 59	
6. Форум.....	62
О неразрывности, переменах и некоторых неожиданностях. Впечатления о проведении open-space «Сталинград как памятное место в России и Германии», Волгоград, 15 и 16 марта 2008 г. (Хеннинг Хорх) 62	
7. Итоги	66
8. Литература	69
Немецкая литература 69 · Российская литература	73
9. Ссылки	74

1 Предисловие

Настоящее издание представляет собой документацию первого проекта немецко-русской мастерской истории. Данный проект носит название «Сталинград в европейской перспективе памяти: Немецкие и русские студенты исследуют различия и сходства памяти о Сталинграде в России и Германии». Проект осуществлялся с сентября 2006 года при финансовой поддержке фонда «Память, ответственность и будущее» и фонда Роберта Бош в рамках программы «Европейская мастерская истории» и был реализован при содействии общественного объединения «РИА – 21 век» (Волгоград). Создание нашей немецко-русской мастерской истории и достигнутые нами результаты завершают первый цикл работы по данной теме.

Нам удалось выполнить многое из задуманного в начале проекта, а также получить непредполагавшиеся результаты. Мы отказались от издания двуязычных комментариев к экспозициям волгоградских музеев, которые были нами проанализированы. Возникшие вопросы об исторических, культурных и общественных основах музейной репрезентации истории оказались актуальнее, чем дистанцированное, оторванное от реальности комментирование.

Наши первоначальные намерения изменились во время непосредственной работы над темой. Опыт проведения проекта показывает, насколько сложными, спорными и важными являются наши дискуссии. Это обсуждения, затрагивающие общественные и идейные различия русских и немцев, отличия в памяти поколений и разнообразные точки зрения – на сегодня, 2008 год. Несмотря на всю свою сложность, которая заключается в необходимости адекватно охватить и объяснить подобные отличия, не квалифицируя их при этом как правильные или неправильные, такие обсуждения и дискуссии чрезвычайно важны для взаимопонимания в Европе во избежание утверждения старо-новых, идеологически приукрашенных различий между Востоком и Западом. Полученный во время проекта опыт подтверждает необходимость приобретать и передавать ответственность при построении осмысленного исторического сознания.

Мы решили представить документацию в виде собрания текстов, которые были созданы нами в процессе реализации проекта. В ходе него мы прилагали все усилия, чтобы освоить тему, зафиксировать впечатления и достижения и, по возможности, наладить личностный обмен. Тексты были и являются для нас – живущих в четырех разных городах и трех разных странах – одним из важнейших инструментов коммуникации.

Мы выражаем искреннюю благодарность фонду «Память, ответственность и будущее», а также фонду Роберта Боша за финансовую поддержку, и благодарим госпожу Леоноре Мартин за курирование проекта. Особую благодарность хочется высказать в адрес доктора наук Кристине Гельц (Университет Берлин), которая оказала нам большую поддержку благодаря личной заинтересованности в нашей работе, ее интересным и критичным замечаниям в дискуссиях, а также некоторым прагматически ценным рекомендациям.

2 Общая информация

История немецко-русской мастерской истории (Констанце Штоль)

Как это часто бывает, данная история также не разворачивается в одной плоскости. Наша мастерская истории не является продуктом прямолинейного развития. Различные мотивы, случайности и интересы пересекались до того ...

В ноябре 1998 года я впервые приехала в Волгоград как практикант Немецко-русского обмена (Берлин). Холодным вечером, практически уже в темноте я оказалась у памятника-ансамбля «Мамаев Курган», но вовсе не у центральной триумфальной лестницы, на ступеньках которой лозунги «За советскую Родину», «За Сталина» уже создают настроение воспоминаний. По ошибке я вышла из троллейбуса на одну остановку раньше и должна была прокладывать себе дорогу на курган через неосвещенный парк. «Почти как на войне», – пронеслось тогда у меня в голове. Это достаточно непрочное, неудачное сравнение между мной и моими предшественниками, моим вчера и сегодня передавало тогда отчетливый след стыда. Это чувство усилилось, когда внезапно надо мной возвысилась призывающая на борьбу женщина с мечом, называемая «Родина-Мать». Мои противоречивые чувства сложно описать – даже сегодня. Вся легкомысленность прошла. Меня охватило ощущение пугающей могущественности и неизбежно оставило только одну мысль, одно чувство: этот памятник с его воинственной женщиной настолько громадный, как и то событие, о котором он призывает помнить!

Импульс

За этой первой последовали другие поездки в Волгоград, важные разговоры с русскими о Сталинградской битве, о воспоминаниях, о немцах и о вопросе, были ли они все нацистами или не были, о неоправданных обобщениях и совсем небольших дифференцирующих различиях... Не в последнюю очередь частые попытки извиниться со стороны русских знакомых за то, что немцы, конечно же, не все были убежденными нацистами и активными приверженцами нацистского режима, усилили во мне желание как-нибудь совместно с русскими всерьез заняться тематикой памяти. Первый план проекта, который возник на основании сбора информации о Сталинграде, был посвящен вопросу, каким образом можно использовать память о Сталинградской битве при формировании прав человека. В 2005 году заявка на проведение проекта уступило в конкурсе «История и права человека» фонда «Память и будущее» другим интересным проектам. Вторая попытка, на этот раз в рамках программы «Европейская мастерская истории» в 2006 году, была более успешна. В сентябре 2006 года наша немецко-русская команда из 14 немецких и российских участников приступила к работе.

Проект

В описании проекта зафиксировано: «Сталинград заряжен мифически – город является местом памяти *par excellence*.¹ [...] Сталинградская битва (1942-1943) представляет собой в национально-историческом плане *conditio sine qua non* для

¹ По Этьену Франсуа и Хагену Шульцу под местом памяти понимается «[...] длительно существующие, переживающие поколения места кристаллизации коллективной памяти и идентичности, которые переплетены с общественными, культурными и политическими обычаями и которые изменяются в таком объеме, в котором изменяется способ их восприятия, принятия, применения и переноса». См.: Deutsche Erinnerungsorte, Bd. I, Etienne Francois, Hagen Schulz (Hrsg.), München, 2002. S.18.

России и Германии – память о Сталинградской битве для русских и немцев национальная неизбежность. Однако кто помнит где, что и как? [...]»

Наше исходное наблюдение заключается в том, что в России и Германии по-разному вспоминают о Сталинградской битве. По сей день определяющий импульс исходит из факта советской победы и немецкого поражения. Российская память о Сталинграде – это все еще событие масштабов страны. Даже спустя 65 лет после победы над 6-ой армией в центре официальной памяти Волгограда стоит патриотизм как первостепенный памятный мотив. Репрессиям до и после войны, как и военным ошибкам Сталина, отводится незначительная роль в кристаллизации коллективной памяти. В Германии о Сталинграде вспоминают чаще всего благодаря теле- и кинопродукции, которая обращает преимущественное внимание на страдание и смерть немецких солдат. Белые пятна в немецкой памяти о Сталинграде все еще сводятся к тяжести совершенных немцами преступлений.

Чтобы ограничить нашу область исследований, мы сконцентрировались на двух волгоградских выставках, посвященных Сталинградской битве: с одной стороны, на экспозиции Государственного музея-панорамы «Сталинградская битва», с другой стороны, на выставке «Ангелы спасения» в музее центрального универмага г. Волгограда. Нашей задачей явилось исследование и критическое сопоставление экспозиций на предмет замысла выставки, ее назначения и функций, а также мнений и отзывов. Другой вопрос касался отражения участия солдат из других европейских стран в Сталинградской битве. Целью проекта первоначально выступала разработка немецко-русского комментария к выставкам. Он должен был быть опубликован и служить основой для экскурсий в вышеназванных музеях.

... в качестве начала

С момента начала проекта в его содержательной стороне произошли некоторые изменения: мы должны были отказаться от сложной задачи дачи рекомендаций (в непосредственном смысле) по дальнейшему развитию выставок, анализ которых мы провели. Вопреки первоначальному планированию мы смогли организовать дополнительную поездку в Германию. Так был устранен некоторый перекос в первоначальном замысле, который с самого начала вызывал сомнения у большинства участников. Ведь каким образом мы хотели сравнивать немецкую и русскую культуру памяти, не принимая во внимание немецкое соответствие тем двум выставкам, которые были выбраны для посещения в Волгограде? Становилось все яснее, что мы не хотим мириться со сложившимися условиями данного перекоса, вызванного положением между немецкой и русской культурами памяти: Битва состоялась на русской земле и завершилась, как известно, победой Красной Армии и поражением 6-ой армии вермахта. По большей части данный факт обусловил то, что в отличие от России, в Германии нет жертв Сталинградской битвы среди гражданского населения. Как мы неудовлетворенно отметили, для культуры памяти это означает следующее: В Германии есть только участники войны (и их близкие), которые помнят о данном событии или от этого отказываются. В связи с этим в стране нет музея о Сталинграде, как нет и остановки метро с одинаково звучащим именем. Естественно? Так же естественно, как и то обстоятельство, что в России 9-го мая, а в бывших странах-союзниках 8-го мая празднично вспоминают конец войны, в то время как правительство ФРГ в 70-х годах в конкуренции с ГДР проголосовало против такого дня памяти, что еще в 80-х годах существовали попытки объявить 8-ое мая «Днем Поражения» и «Днем Советизации средней Германии»?

В любом случае благодаря заинтересованности Немецко-русского музея в Берлин-Карлсхорсте в нашем проекте мы все-таки смогли обратить внимание на немецкую традицию памяти о Сталинграде с позиций музея.

Институционализация нашей немецко-русской мастерской истории не была предусмотрена изначально. С октября 2007 года мы являемся зарегистрированным общественным объединением «Западно-Восточный Трикстер». Нам удалось получить одобрение на продление сроков действия проекта нашей мастерской истории, в соответствии с чем будем продолжать работу над проблемой Сталинграда как места

памяти во втором цикле проекта: в качестве ответа на предыдущий проект мы обратимся к реакциям/рефлексиям молодых людей на официальную традицию памяти о Сталинграде в России и Германии.

Что такое мастерская истории? Как она работает? (Елена Огаркова)

Организация совместной работы студентов и аспирантов из Волгограда, Гамбурга и Бремена, анализирующих современное состояние памяти о Сталинградской битве, в форме мастерской по истории, оказалась интересным, новым и, как все новое, трудным делом.

Удивительно, но именно название «мастерская» вызвало большое число критических и даже ироничных откликов в России. Возможно в связи с тем, что «мастерская» предполагает рукотворность, сделанность, подгонку результата под заранее известный образец. Нет. Немецкие и российские участники проекта воспринимают подобную работу как творческую, созидательную, свободную и имеют в виду одухотворенную атмосферу мастерских великих художников и мыслителей прошлого.

Тема, ставшая предметом наших интеллектуальных и, подчеркнем, душевных усилий, очень сложная. Что представляет собой память о Сталинградской битве для молодых людей Германии и России, потомков (внуков) смертельных врагов, сразившихся друг с другом на берегах Волги? Именно форма мастерской, как сообщества людей разных, но имеющих общую цель – понять «другого», наиболее эффективна и органична для данного проекта.

*Денис, Ксения, Констанце
Волгоград, март 2008*

Со стороны волгоградских участников как позитивные называются следующие принципы мастерской:

- Отсутствие диктата организатора или руководителя;
- Возможность обсуждать любой аспект и быть услышанным;
- Неформальный характер общения;
- Свобода выбора того или иного сюжета исследования проблемы;
- Развернутая система коммуникации, как между партнерами в малых, проблемных группах, так и всех участников (наличие Форума как объединяющего пространства мастерской);
- Открытость мастерской для всех заинтересованность людей в Германии и России, возможность присоединиться к проекту, что и произошло.

Удивительная метаморфоза – рождение чувства понимания и если не признания, то хотя бы уважения к мнениям своих товарищей по мастерской.

Продолжительная совместная работа в группе, когда каждый участник привносит свой опыт в коллективный итог, оказалась интересной и результативной. В то же время возможно говорить о затруднениях, обусловленных не столько методом работы мастерской, сколько стереотипами и инерцией нашего общественного поведения.

- Более доверительное общение возникало при личных контактах, а не на уровне всего проекта.
- Не готовность озвучивать трагические моменты истории своих семей периода войны и тем самым ставить под угрозу появляющиеся симпатии и расположение друг к другу.

- Пассивное и активное сопротивление попыткам рассматривать российскую традицию памяти, в том числе в сфере музейной коммуникации, односторонне – как продукт пропаганды.

Было и несколько проблем, которые можно и нужно преодолевать. Несмотря на хороший уровень знания русского языка со стороны немецких участников сохранилась проблема понимания и толкования специальных терминов, высказываний и суждений. В подобных двуязычных проектах, затрагивающих вопросы истории, социологии, психологии, культуры, необходим квалифицированный переводчик.

Одним из препятствий было разное понимание того, насколько глубокие научные знания нужны о самом событии для изучения памяти о нем?

Проект, в котором предметом анализа являются музеи, должен иметь более широкое сотрудничество с ними.

И, наконец, особенность этой молодежной мастерской, связанная с возрастом участников. Разница 10-15 лет весьма существенна, т.к. мы имеем дело с убеждениями и заблуждениями, сформированными до и после распада СССР и падения Берлинской стены. Впрочем, наличие возрастных полюсов сделало проект еще более интересным и его результаты более интригующими.

Ход проекта

Лето 2006	установление контактов с возможными заинтересованными лицами в Гамбурге и Волгограде..
Сентябрь 2006	Начало проекта.
Конец 2006	Создание Интернет-форума как важное средство коммуникация между нами.
Январь/Февраль 2007	14-дневная первая поездка по проекту в Волгоград; группа знакомится; посещает и анализирует выставки в Музей-панораме и музее „Память “; многочисленные обсуждения в группах с гостями и без; встречи со школьниками..
Май 2007	3 участника из Волгограда прибывают на рабочую встречу и координационную встречу в Берлин и в Драйлебен. Посещение немецко-русского музея Берлин-Карлхорст. Решение о продолжении проекта в рамках программы „мастерская истории Европы“.
Июль 2007	Направление исследования проекта „мифы, герои, гибель" - и что думают подростки о Сталинграде? Разработка выставочной программы о рефлексиях молодых людей на традиционную культуру памяти к Сталинграду в России и Германии.“
Осень 2007	Начало работы над Флаером для Волгоградского Музея-панорамы.
Октябрь 2007	Русско-немецкая мастерская истории становится официально зарегистрирована как Ost-West Trikster e.V.
Март 2008	Вторая и последняя поездка по проекту в Волгоград: презентация результатов проекта на Open Space

Участники и участницы проекта

Насколько отличается мотивация к работе в немецко-русской мастерской истории, настолько отличными являются и биографии отдельных участников. В этом разделе кратко представлены немецкие участники и участницы проекта.

Анатолий Артамонов, 28 лет, родился в Волгограде. Закончил Волгоградский архитектурно-строительный университет по специальности экономика. С 2005 года руководитель военно-исторического клуба "Пехотинец", где люди занимаются изучением истории, реконструируя события периода Сталинградской битвы.

Участие в проекте вызвало интерес к тому, как люди в Европе понимают историю периода Сталинградской битвы.

Антон Артамонов, 23 года. родился в Волгограде. Закончил Волгоградский архитектурно-строительный университет по специальности экономика. В 2005 году, с моим братом, создали военно-исторический клуб «Пехотинец», где люди

увлекающиеся историей занимаются военно-исторической реконструкцией периода Сталинградской битвы. Сейчас он аспирант того же университета и заместитель руководителя в этом Клубе. Поскольку его увлечение напрямую связано с изучением истории Сталинградской битвы, то его интерес к этому вполне логичен. Кроме того, его дедушка, воевал и прошел от Сталинграда до Берлина. Однако, этот период его жизни так и остался для него неизвестным. К тому же по этой теме много неясного и не изученного.

Ребекка Блуме, 29 лет, родилась в Геттингене. В своей магистерской работе по предмету «История культуры в Восточной и Восточно-центральной Европе», написанной при университете Бремена, тематизируется позиция латышского оккупационного музея в дискурсе истории в Латвии. Одновременно она заканчивает обучение по профессии учителя по предметам история и искусство. Особенно она интересуется разнообразием перспектив при взгляде на историю, в частности, кто что помнит в зависимости от своей культурной и социальной принадлежности.

Петер Буковски, 37 лет, родился в Шлезвиг-Гольштейн. Во время его учебы в университете Гамбурга особый упор делался на истории ГДР и немецко-немецких отношениях в эру Хонекера. Он предпринимал длительные поездки по территории бывших советских республик. В его семье, которая по большей части происходит из бывших восточных немецких областей, очень много говорили о войне и послевоенном времени, прежде всего, о бегстве и насильственном перенаселении и переходе к оседлости семьи в Шлезвиг-Гольштейне. Его интерес принадлежит, прежде всего, изменениям в памяти.

Сандра Дальке защитила диссертацию по теме сталинизма. Она ведет исследования и преподает в университете бундесвера в Гамбурге. Основными темами, которыми она занимается, являются история Советского Союза, господствующая система и индивидуум при сталинизме, история русского и советского фильма.

Ее отношение к теме, по большей части, профессиональное. Так как ее бабушка и дедушка рано умерли, у нее нет личных связей и опыта немецкой культуры воспоминаний, памяти о Второй мировой войне. Сандра принимала участие в первой поездке в Волгоград как так называемый *eye-witness*, т.е. как человек, который открывает нам глаза с позиций истории как науки при анализе выставок.

Кристине Гёльц, 44 года, родилась в Людвигсбурге. Она защитила диссертацию по славистике и в последнее время работала в Бремене, руководя семинаром Восточно- и Центрально-европейские изучения истории культуры России..

В ее семье было пацифистское воспитание, обязанное собой движению «Никогда снова!» 68-го года. Поиск в Англии могилы погибшего дедушки, который за свои «заслуги» в легионе Кондор был несколько раз награжден орденами, стал для тогдашней шестнадцатилетней девушки впечатляющим личностным воспоминанием, напоминанием о войне и ее последствиях и сопровождался смешанными чувствами, когда приходилось спрашивать у англичан по фотографии, не оставляющей никакого сомнения, о нацисте, которого хотела оплакать бабушка. Непосредственно со Сталинградом ее связывает научный интерес. Мастерскую истории она сопровождает

в качестве партнера по проекту от Университета Бремена и, таким образом, обеспечивает связь между университетом и участниками проекта.

Торстен Хоппе, 32 года, родился в Эрлангене. Свое обучение истории при Университете Гамбурга он закончил в 2005 году магистерской работой о североамериканских и западноевропейских исследованиях сталинизма. Оба его дедушки принимали участие в войне и впоследствии попали в плен. Один дедушка провел много лет в лагере в Сибири. Большая часть родственников, в том числе и его мать, бежали в конце войны с родины в Восточной Пруссии в Западную Германию, которая позже стала Федеративной Республикой. К мастерской истории он присоединился осенью 2007

года.

Хеннинг Хорх, 35 лет, родился в Бремене. Во время учебы в Университете Бремена основные интересовавшие его темы лежали в областях «новейшая история и история современности», в частности «Политическая культура, социальная история, история менталитета, литература и искусство» Центральной и Восточной Европы (в особенности России и Украины). Его магистерская работа освещает теорию познания Александра Богданова в контексте социалистических проектов общества на рубеже 20-го века.

В истории семьи также присутствует тема «Вторая мировая

война», концентрируясь около Сталинградской битвы, однако многие вопросы остались открытыми. В его семье – оба деда были в России – чувствуется память, воспоминания о войне, однако во многом они остаются невысказанными или сознательно вытесняются из разговоров, вот, например, слова бабушки: «Давайте не будем больше говорить сегодня о старых вещах!». Во время немецко-израильского обмена школьниками он смог обратиться к этим воспоминаниям и пережить то, в каком качестве выступали израильские и немецкие школьники в вопросах идентичности – как потомки жертв и преступников, и в то же время как подростки со своим будущим в жизни. Рассматривать прошлое с различных перспектив, в контексте кажущихся несоизмеримых противоречий (Восток-Запад) – вот то, что привлекает Хеннинга в работе мастерской истории. 80-ые и 90-ые годы показали, в конечном счете, как могут исчезнуть границы и противопоставления. Хеннинг присоединился к работе мастерской истории в ноябре 2007 года.

Штефан Лангкатель, 23 года, Притцвалк (Бранденбург). В настоящее время он учится 6-ой семестр и изучает «Интегрированные европейские исследования» в Университете Бремена. В его семье часто вспоминали Вторую мировую войну. Его бабушки и дедушки пережили насильственное переселение и бегство и рассказывали о своих переживаниях. Его дед впоследствии попал в Румынии в военный плен, который он провел в Куйбышеве, сегодняшней Самаре. Штефан был в первый раз в Волгограде три года назад, когда он познакомился с работой Народного союза по уходу за немецкими военными захоронениями и принимал в ней участие.

Елена Оргакова, 38 лет, родилась в Волгограде. По профессии историк и получает ученую степень кандидата наук теперь по теме изобразительные источники по истории Сталинградской битвы. Она была приглашена первоначально сопровождать проект как историк-консультант и позже крепко решила стать участницей мастерской истории. Проект вызывал интерес по нескольким причинам: С одной стороны, она видит, что существует не разработанность вопросов эволюции памяти о II Мировой войне и в частности о Сталинградской битве в России. Особенно важно для нее узнать мнения и взгляды на Сталинградскую битву молодых людей из Германии, разговаривать об этом. Кроме того, она хотела бы расширить теоретическую и источниковую базу собственных исследований, а также получить новые знания и

впечатления.

Мартин Подолак, 29 лет, родился в Гернинге, Дания. Когда ему было 17 лет, в рамках обмена школьниками он провел целый год под Москвой в русской семье, затем он работал в Москве над созданием одного проекта на добровольных началах. В настоящее время он живет и работает в Копенгагене. Его интерес, как к России, так и к истории привел его к участию в мастерской истории. Мартин является контактным лицом по вопросам Новых средств массовой информации. В настоящее время важной сферой его деятельности является обслуживание внутренней коммуникационной платформы в интернете («Форум»), а также в расширении данного Интернет-ресурса.

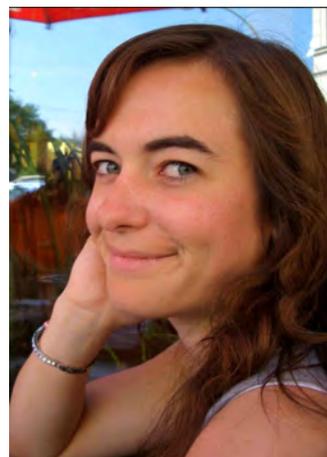
Ксения Средняк, 23 года, родилась в Волгограде. Летом 2007 г. успешно защитила диплом на тему: «Литераторы в третьей волне эмиграции» на историческом факультете Волгоградского государственного университета. Тема Сталинградской битвы «сопровождала» ее со школы – это и сам город, ставший местом памяти, и уроки истории, и работы по истории ее семьи в период Сталинградской битвы. Но главным аргументом в пользу участия в проекте явился в большей степени ее интерес к проблеме памяти в европейском контексте. Имея опыт участия в международных проектах, посвященных II мировой войне, она обратила внимание на сходства и различия в восприятии одних и тех же событий представителями разных стран. Данный проект позволил ей продолжить свои изыскания в этой области.

Констанце Штоль, 41 год, родилась в Виллингене. Она изучала славистику и историю во Фрейберге и Гамбурге. Благодаря Немецко-русскому обмену она в 1998 году в первый раз приехала в Волгоград. С тех пор и по настоящее время она работает в сотрудничестве по развитию со странами Восточной Европы и создает совместно с партнерами преимущественно из России социально- и культурно-политические проекты. Ее дед по материнской линии не вернулся в 1945 году с Восточного фронта. Брат по отцовской линии рано умер во время войны. Культуру воспоминаний в родительском доме она оценивает как не лишнюю проблем, так как мало что рассказывалось, но много забывалось и забывается. Она считает, что до сегодняшнего дня немецкая культура памяти во многом обусловлена дилеммой немцев, носящей отпечаток совершенных ими преступлений. Перешагивая через границы одной культуры, она интересуется также количественными данными срезов, которые показывают отношение к прошлому в русском обществе, а также отношение к значению, которое до сих пор играет война в России и Германии. По ее инициативе был начат проект, она является его координатором.

Денис Цой, 20 лет, родился в Волгограде. В настоящее время студент 3 курса Волгоградского государственного университета по специальности «История». Изучает проекты международных организаций в Гималайских странах. Его участие в Российско-немецкой мастерской истории обусловлено его личным интересом в идее проекта. Он считает, что изучение памяти о Сталинградской битве является очень перспективным. Помимо этого, он приобретает личный опыт проектной деятельности и просто общение с интересными людьми.

Бирте Вахтель, 26 лет, родилась в Вильгельмсхавене. В 2004 году она начала обучение в Университете Бундесвера в Гамбурге, которое закончила весной 2008 магистерской работой. В ее магистерской работе тематизировался бойкот Олимпийских игр, проводившихся в 1980 году в Москве, в немецко-немецкой прессе. Оба деда участвовали в войне, но только на территории Европы. В связи с этим с Россией ее связывает личный интерес.

Арина Фенич, 23 года, родилась в Волгограде. По образованию Архитектор. Координатор проекта с русской стороны. Является директором Волгоградского общественного учреждения РИА 21 век. Мотивом участия в проекте, явился вопрос понимания Сталинградской битвы в разных странах Европы, в частности Германии.

3 Подготовка – сбор информации

На одной из первых встреч немецких участников мастерской мы задались вопросом, какие образы ассоциируются у нас со Сталинградом. Нам пришлось признаться себе, что мы обладаем небольшими фактическими знаниями. Вместо них многие из нас видели перед глазами картины белых заснеженных полей и вкривь и вкось стоящие на них полузамерзшие фигуры, ноги которых были обмотаны тряпьем. Никто не мог вспомнить, что он подробно изучал данную тему на школьных занятиях, или познакомился с ней посредством музейной экспозиции, или каким-либо иным образом получил точную информацию об этом событии.

Перед тем, как начать сбор информации о Сталинграде как месте, связанном с воспоминаниями, мы просмотрели различные художественные и документальные фильмы, провели интервью и брич-опрос среди русских и немцев. Кроме того, результаты нашей работы мы соотносим со специальной историко-научной литературой обеих стран и результатами проведенных нами интервью

Поиск информации в литературе

Сталинград – как место памяти в немецкой исторической науке (Ребекка Блуме)

Несколько недель назад я встретила на улице в Бремене молодого человека, у которого на красной футболке красовалась надпись «1943 Сталинград». На расспросы о том, почему он носит эту футболку, парень ответил, что таким образом он хочет выразить свои политические воззрения. Тем самым он противостоит неофашистским тенденциям, существующим в среде немецкой молодежи, указывая на «величайшее» поражение национал-социалистской Германии. На этом маленьком примере можно хорошо продемонстрировать, насколько прочно Сталинградская битва вошла в коллективную память немецкого народа в качестве значимой метафоры.

Исторические дебаты и формирование социальной памяти

Критический анализ истории в средствах массовой информации, во время проведения общественных мероприятий, в музеях и в рамках других организаций, которые занимаются историей, во многих случаях является связанным с анализом настоящего и будущего. В дискуссиях о ситуации в мировой политике и политических решениях история часто используется главными действующими лицами этих дискуссий как оружие². История становится составной частью политической полемики и аргументации.

Она интерпретируется таким образом, чтобы легитимировать и поддержать интересы участников дискуссии. В дебатах об исторических событиях речь часто идет не об истории как таковой, она представляет собой только своеобразный передний план, за которым на самом деле стоят дискуссии об основополагающих представлениях, нормах и ценностях. Участвующие в дискуссиях пытаются представить свою интерпретацию истории и, тем самым, их ценностные представления в качестве общепризнанных³.

В обществе существует множество различных дискуссионных моментов, касающихся истории. Частично они пересекаются друг с другом, отличаясь при этом правилами и темами. Правила определяют те, кто в этой полемике получает слово и чьи аргументы будут услышаны. Дискуссии предполагают соглашение участников относительно предмета обсуждения. Они могут реализовываться в форме текстов, языковых

² Wolfrum, Edgar: Geschichte als Waffe. Vom Kaiserreich bis zur Wiedervereinigung, Göttingen, 2001.S.5.

³ Ders.: Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland 1949-1989. Phasen und Kontroversen. In: Aus Politik und Zeitgeschichte B45/98, 1998. S.3–15, hier S.5.

сообщений и символических высказываний, например, в форме памятников, торжественных акций или картин.

Когда в каком-либо обществе утверждается новое толкование истории, это часто отражается в формах символического выражения; символическое пространство, которое занимает определенное место в рамках исторического дискурса, изменяется. Так, например, если в каком-либо государстве утверждается новое видение истории, в нем вводятся другие праздники, другие государственные символы, старые памятники демонтируются, устанавливаются новые. Элита, занимающаяся интерпретацией истории, стремится сделать свое видение прошлого наглядным как в общественном пространстве, так и в темпоральных понятиях, присущих обществу, например, в календаре. Эти временные, пространственные и символические «памятные места⁴» являются в качестве «нарративных аббревиатур⁵» формой быстрого взаимопонимания в обществе относительно политических, общественных и личных ценностных представлений. Название «Сталинград», например, употребляется в качестве сокращенного именованья событий, имевших место в этом городе на юге России между октябром 1942 и февралем 1943 гг. Каждому участнику диалога тотчас становится понятно, что речь идет не о городе, а о событиях, связанных с битвой. За этим понятием стоит целый ряд значений: например, широко известное именование «решающий момент войны» (см. данный во введении пример с надписью на футболке) или «предательство Гитлером простых солдат».

Исторические дискурсы имеют, таким образом, наряду с символической также и деятельностную форму аргументации и коммуникации, посредством которых, например, действующие лица в дискуссиях на исторические темы пытаются утвердить свои различные толкования как «истинные», чтобы тем самым завоевать право на собственную интерпретацию, выбор способа действия и ценностные представления⁶. Основные действующие лица подобных дискуссий представляют каждый свою позицию как объективную и являющуюся «исторической правдой».

Можно также сказать, что в этих дискуссиях буквально выторговываются социальные рамки общих для определенной группы населения воспоминаний. Эти рамки определяют, о чем следует помнить, а о чем надлежит забыть, чтобы укрепить сплоченность группы. Каждый индивид обладает воспоминаниями, только обмениваясь ими и соотнося их с воспоминаниями остальных⁷. Исходя из этого воспоминания всегда коллективны, индивидуальная память – это только комбинация из различных коллективных воспоминаний групп, к которым принадлежит индивид⁸.

Прошлое может быть использовано для легитимизации существующих структур, для делегитимизации данных структур или реализации притязаний на истинность и право интерпретировать историю других участников полемики⁹. Кроме того, оно может быть использовано как демонстрация сплоченности какой-либо группы и ее отдельных членов, в то время как группа объединяется на основе коллективных воспоминаний¹⁰. Общие воспоминания становятся составляющей самоидентификации и самосознания группы. Идентификация, которая в данном процессе может создаваться и поддерживаться только на общественном уровне¹¹, помогает группе и ее членам

⁴ Große-Kracht, Klaus: Gedächtnis und Geschichte: Maurice Halbwachs – Pierre Nora. In: Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 1(1996). S.21–31, hier S.28.

⁵ Там же, S.28.

⁶ Niedermüller, Peter: Zeit, Geschichte, Vergangenheit. Zur kulturellen Logik des Nationalismus im Postsozialismus. In: Historische Anthropologie 2, 1997. S. 245–267, hier S. 249.

⁷ Assmann, Jan: Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen, München, 1999. S.36.

⁸ Там же, S.37.

⁹ Там же, S.124.

¹⁰ Там же, S.39.

¹¹ Butler, Judith: Das Unbehagen der Geschlechter, Frankfurt a.M., 1998, S.38.

сохранять в изменяющихся жизненных ситуациях непрерывность самосознания и тем самым «самоосмысления»¹².

После того как здесь были намечены общие тенденции дискуссий на исторические темы, далее следует более подробно остановиться на теории «памятных мест», которая была разработана Пьером Нора.

«Памятные места» как метафоры коллективных воспоминаний»

Проект Нора представляет собой попытку заново изложить национальную историю Франции. В связи с «возникновением хаотичного разнообразия противоречащих друг другу взглядов на историю начиная с постколониального периода», Нора искал новые возможности приблизиться к истории. Хронологическое изложение истории было в сложившихся условиях невозможно, поскольку невозможно было собрать в связную, хронологически последовательную и логичную историческую картину поток сведений, который обрушивается на общество с момента развития электронных средств передачи информации.

Нора констатирует своим проектом пространств памяти конец «предсовременных» сообществ-носителей коллективной памяти, которые в сельской местности рассказывали мифы о прошлом, чтобы объяснить свое происхождение, сделать более понятным настоящее и обозримым – будущее, и тем самым укрепить свое сообщество. Сегодняшние противоречащие друг другу исторические картины являются продуктом воспоминаний не какого-либо одного сообщества, а многих малых групп или индивидов. Целью проекта Пьера Нора было представить Францию больше не как исторический продукт и не как результат четко структурированной хронологической последовательности событий, а как символическую реальность¹³.

Единственное наследие предсовременных исторических мифов Нора видит в местах, связанных с воспоминаниями. Это такие места, которые обладают в нашей памяти субъективной значимостью, то есть связанные с социальным аспектом воспоминаний и еще носящие следы исторического мифа. Память, которая перемещается в пространстве воспоминаний, не исторически-безжизненна, а актуальна. Она может быть обработана и подготовлена для нужд общества. Она придает законную силу либо лишает ее социальные и политические отношения, позволяет использовать себя в качестве инструмента и приспособляется к потребностям общества-носителя воспоминаний¹⁴.

Говоря о местах, связанных с воспоминаниями (памятных местах), мы имеем виду не только материальные точки на карте. Другие материальные объекты, такие как флаги, школьные учебники, символы, гербы, которые часто рассказывают часть истории той или иной страны, могут представлять памятные места, поскольку в них сконцентрирована история, рассказы прошлого. Нематериальные, духовные символы, которые указывают на прошлое, также могут быть связаны с памятными местами в общественном сознании. К таким нематериальным носителям воспоминаний относятся среди прочего немецкий «Feierabend» (конец рабочего дня), определенные выражения в языке, календари или слова, в которых кристаллизуются воспоминания, как, например, фраза «wie Paulus vor Stalingrad» (как Паулюс под Сталинградом). Место, связанное с воспоминаниями, может также иметь просто функциональный компонент. Это такое общее место в памяти, которое подверглось ритуализации. Общественный ритуал относится, например, к данному комплексу.¹⁵

¹² Там же. См. тоже Bergmann, Klaus: Identität. In: Bergmann, Frölich, Kuhn, Rüsen, Schneider (Hg.): Handbuch der Geschichtsdidaktik, Seelze-Velber, 1997. S.23-29, hier S.24.

¹³ Nora, Pierre: Das Abenteuer der Lieux de mémoire. In: François, Etienne: Nation und Emotion. Deutschland und Frankreich im Vergleich. 19. Und 20. Jahrhundert. Göttingen, 1995. S.85.

¹⁴ Carcenac-Lecomte, Constanze: Pierre Nora und ein deutsches Pilotprojekt. In: Carcenac-Lecomte, Czarnowski, Frank, Lüdtke (Hg.): Steinbruch Deutsche Erinnerungsorte: Annäherung an eine deutsche Gedächtnisgeschichte. Frankfurt a.M., 2000. S.16.

¹⁵ Там же, S.18.

При анализе памятного места становятся очевидными различные пласты воспоминаний, а также различные взгляды и отношение к нему. Таким образом, можно рассмотреть конструкцию воспоминания.¹⁶ Тем самым в центре внимания оказывается не историческое содержание памятного места, а историография, обращение с данным фрагментом прошлого.

Сталинград как памятное для немцев место: его инструментализация национал-социалистской общественностью

Для того чтобы подойти к рассмотрению Сталинграда как места памяти, необходимо для начала описать пласты воспоминаний, которые накопились вокруг этого события.

Уже в пропаганде национал-социализма из Сталинградской битвы был сделан мощный символ. Еще до того, как начались военные действия в Сталинградской области, так называемая операция «Blau», цель которой состояла в том, чтобы прорваться к месторождениям нефти на Кавказе, приобрела идеологическую направленность. Данный факт не в последнюю очередь выражался в том, что битва использовалась в качестве инструмента при вербовке немецких и иностранных добровольцев в ряды СС. Пропаганда утверждала, что речь идет о «борьбе против большевизма».¹⁷ Этот пропагандистский лозунг позже появится снова. Во время битвы немецкие средства массовой информации сообщали прежде всего о победах под Сталинградом и в Сталинграде. Большая часть поражений замалчивалась. Сталинград воспринимался при этом как место, имеющее идеологическое значение, как центр советской индустрии, который должен быть захвачен. Важную роль при подготовке сообщений имело и название «город Сталина».¹⁸ Участвовавшие в наступлении немецкие солдаты изображались в статьях газеты «Völkischer Beobachter» («Народный обозреватель») как «защитники Сталинграда». Пропагандистская идеологическая конструкция национал-социалистических средств массовой информации представляла битву в Сталинграде как рационально необходимую с военной и идеологической точки зрения. В данную операцию оказались вовлечены несколько советских армий, к тому же привлекалась риторика, направленная против Советского Союза. Битва вновь толковалась как борьба с большевизмом и представлялась как «освободительная борьба» не только Германии, но и всей Европы. При этом пропаганда опиралась на распространенные в немецком обществе и поддерживаемые средствами массовой информации страхи относительно возможной экспансии Советским Союзом.¹⁹

Павшие солдаты были признаны данью, принесенной национал-социалистской общественностью. Они стали жертвами политики национал-социалистов. Правда, ничего не говорилось об убитых среди мирного населения Сталинграда. И это молчание продолжилось в послевоенной Германии, несмотря на то, что убийства среди мирного населения составляли часть обвинительного заключения на Нюрнбергском процессе и таким образом должны были быть известны общественности Германии.

Сталинградская битва в отношениях между ГДР и ФРГ

Особую роль в интерпретации битвы в ГДР взял на себя Национальный комитет «Свободная Германия» (NKFD) – группа, поддерживаемая правительством Советского Союза, в которой находились некоторые из немецких офицеров, принимавших участие в Сталинградской битве. Некоторые члены правительства ГДР были выходцами из данной группы. Так, например, членом «Свободной Германии» был Вальтер Ульбрехт. Тем самым в 50-х годах Сталинградская битва стала своего рода мифом, на котором основывалось существование ГДР. На фоне Корейской войны историография ГДР противопоставляла последовавшей в 1950-1953 гг. ремилитаризации ФРГ

¹⁶ Nora, Göttingen, 1995, S.87.

¹⁷ Wegner, Bernd: Vom Lebensraum zum Todesraum. Deutschlands Kriegsführung zwischen Moskau und Stalingrad. In: Förster (Hg.): Stalingrad, Ereignis, Wirkung, Symbol. München, 1993. S.23.

¹⁸ Kumpfmüller, Die Schlacht von Stalingrad. Metamorphosen eines deutschen Mythos. München, 1995. S.31.

¹⁹ Там же, S.46.

последовательную цепь событий, как то: поражение в Сталинграде, произошедшее вследствие этого «очищение» солдат от идей национал-социализма, переход многих немцев в лагерь поборников мира, образование Национального комитета «Свободная Германия», образование ГДР.²⁰ Ответом ГДР на вопрос о вине и виновных послужило освобождение от национал-социализма с помощью Сталинградских событий и нахождения солдат в военном плену. Социалистическое, антифашистское, мирное общество не могло быть виновным в преступлениях национал-социализма.

В то время как Советский Союз в текстах, появившихся в ГДР, выступает как явно превосходящая Германию, морально незапятнанная держава, поражение в Сталинградской битве представляется в автобиографических и литературных текстах, посвященных осмыслению тех событий, как следствие многочисленных ошибок немецкого руководства. При этом немецкий солдат выступает как беспомощная жертва беззащитной национал-социалистской политики, которая именуется «предательством» немецкого солдата.²¹ Тем самым предпринимается попытка избежать вопроса о вине немецкого народа. В 60-х годах такой взгляд на историю был в большой степени подвергнут сомнению. Поколение детей участников войны связывало свой протест против буржуазного истеблишмента с жесткой критикой отношения к национал-социалистскому прошлому. Наряду с критикой того факта, что со времени национал-социализма не происходило смены элиты общества, ей подвергался и вопрос о самовозведении себя участниками войны в статус жертв, что находило выражение в одностороннем освещении страданий простых солдат на войне и в плену. Эта атака на устоявшийся образ битвы в памяти западных немцев очень подпортила миф о Сталинграде. Указание на ответственность отдельных солдат на случившуюся катастрофу шокировало многих людей, которые увидели, что столкнулись с позабытой, вытесненной из памяти историей.²² Это привело к тому, что западно-германской общественностью самой теме битвы стало уделяться гораздо меньшее внимание. Люди не были готовы обсуждать трудную тему собственной вины. Но и в ГДР тема Сталинградской битвы обсуждалась с гораздо меньшей интенсивностью. Там это изменение произошло в результате перехода власти от Вальтера Ульбрехта к Эриху Хонекеру, а также в результате произошедшего в ГДР с опозданием развенчания сталинизма. Миф о Сталинграде в ГДР был помимо всего прочего важной основой для признания законности власти Ульбрехта и просто отслужил свое.²³

Воспоминания о битве при Сталинграде снова стали актуальными в обоих германских государствах только в конце 70-х – начале 80-х годов. По обеим сторонам германо-германской границы этот факт совпал с рядом памятных дат в 80-х гг., связанных с сорокалетием военных событий. В ГДР о Национальном комитете «Свободная Германия» писали совсем немного. На переднем плане в сообщениях советских авторов, доминировавших в средствах массовой информации, были сила и мощь Красной армии. В ФРГ сорокалетний юбилей тех памятных событий был ознаменован тем, что снова появилось новое поколение, а с ним – новые взгляды среди общественности. Для этого времени определяющим стало то, что стали слышны голоса бывших тогда еще молодыми солдат-фронтовиков. Это были простые солдаты, которые выступали за «точку зрения низов». Таким образом, были дополнены прежние представления, однако такие воззрения оставляли возможность возведения себя в статус жертв. В среде молодежи воспринятая национал-социалистская схема интерпретации событий нередко воспроизводилась без всяких сомнений и

²⁰ Там же, S.174.

²¹ Там же, S. 202.

²² Frei, Norbert: „Stalingrad“ im Gedächtnis der (West-)Deutschen“. In: Peter Jahn (Hg.): Stalingrad erinnern. Stalingrad im deutschen und im russischen Gedächtnis. Berlin, 2003, S.8–15., hier S.12.

²³ Ebert, Jens: „Erziehung vor Stalingrad“. Die Schlacht in der ostdeutschen Mentalitätsgeschichte. In: Jahn, Peter (Hg.): Stalingrad erinnern. Stalingrad im deutschen und russischen Gedächtnis. Berlin, 2003. S.21.

размышлений. Правда, это время отличалось еще и тем, что исследователи критически подходили к рассмотрению высказываний современников событий.²⁴

Сталинградская битва в ФРГ в прошедшие два десятилетия

Два прошедших десятилетия ознаменовались для Германии тем, что конкуренция относительно «правильного» взгляда на историю между двумя государствами не была актуальной вследствие объединения. Возможно, есть взаимосвязь между попыткой создать среди общественности позитивное отношение к Германии и тенденцией, которая отодвигает на задний план тему преступлений национал-социалистов и выдвигает на передний план историю страданий немецкого народа.²⁵ Еще одно направление изменений воспоминаний в Германии связано с тем, что поколение участников войны постепенно вымирает. С уходом этого поколения, которое еще связывает с воспоминаниями о войне очень личные переживания, память о войне в Германии сильно изменится. Одновременно со сменой поколений память о прошедших событиях теряет свое значение. Она оживает только по памятным датам или как политический лозунг представителей общественности, как например, в примере с надписью на футболке. Хотя для многих молодых людей Сталинград и сегодня является одной из первых ассоциаций со второй мировой войной, но название города является как бы пустой словесной оболочкой. Многие из них все еще рассматривают Сталинград как решающий момент в войне. Это положение широко представлено и в школьных учебниках. В массмедийной обработке битва на Волге в последние годы все чаще используется только как яркая кулиса. Снятый американцами фильм о Сталинграде «Enemy at the Gates» («Враг у ворот») использует место действия Сталинград только как фон, на котором разворачиваются события военной истории, где героизм комбинируется с любовной историей. Само историческое событие не находится на переднем плане. Следующий пример – компьютерная игра «Call of Duty», новая версия которой появилась в 2003 г. и в которой военные действия под Сталинградом представляют собой обрамление игры в снайпера. Игроки – мужчина и женщина – должны выиграть битву в Сталинграде. Несколько иное применение тем событиям нашла одна туристическая фирма. Она специализируется на групповых поездках по важнейшим в истории Германии местам сражений. Наряду с путешествиями в Верден есть также предложение поехать с группой в Волгоград, чтобы там пройти по следам Сталинградской битвы.

Сталинград как место памяти в российской историографии (Ксения Средняк)

Наверное, у многих, читающих эти строки, возникнет невольный вопрос: как человек, вся сознательная жизнь которого проходит в Волгограде, может объективно рассматривать память о Сталинградской битве в масштабе всей страны? Задавшиеся подобным вопросом будут во многом правы, так как представления о Сталинграде жителей Волгограда значительно расходятся с общей тенденцией по стране. Я уже перестала удивляться, когда люди моего поколения (18-25 лет), проживающие в разных частях необъятной России, при упоминании Сталинградской битвы испытывают некоторое замешательство: вроде в школе проходили, а когда и что было конкретно, не помним. Об этой тенденции, несмотря на заявленную тему доклада – «Мы помним тебя, Сталинград, и героев твоих не забыли»²⁶ - говорил и советник губернатора Курганской области В. Усманов, на протяжении нескольких лет занимающийся проблемами молодежной памяти о Великой Отечественной войне.

²⁴ Ueberschär, Gerd: Die Schlacht von Stalingrad in der deutschen Historiographie. In: Wette, Ueberschär (Hg.): Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a.M., 2003. S.201.

²⁵ Wrochem, Oliver von: Stalingrad erinnern. Zur Historisierung eines Mythos. In: Zeithistorische Forschungen, Online-Ausgabe, 1 (2004), H.2, URL: <http://www.zeithistorische-forschung.de/-16126041-Wrochem-2-2004>.

²⁶ Доклад В. Усманова на конференции «Сталинградская битва: военно-экономические и социально-политические аспекты», Волгоград, 1 февраля 2008 г.

В Волгограде ситуация принципиально иная. Помимо главных символов города – Мамаева Кургана и музея-панорамы «Сталинградская битва», составляющих смысловое пространство Сталинграда как места памяти, – нас сопровождают названия улиц, остановок, площадей, связанные с военным прошлым города. Идя по центру, почти на каждом доме можно увидеть мемориальную табличку, увековечившую память

Ваш подвиг в памяти нашей сохраним навсегда

о сражении или отдельных его участниках. В каждом районе – свой парк или сквер с танком Т-34 на постаменте, братской могилой или мемориалом в честь павших солдат. Так, возвращаясь домой, я выхожу из троллейбуса с надписью «65 лет победе в Сталинградской битве», прохожу по аллее с портретами ветеранов сражения, наконец, захожу в подъезд, поднимаюсь за почтой и взгляд мой невольно падает на эту листовку:

Как видите, в Волгограде трудно не помнить, в отдельных случаях даже невозможно. И все же: что мы помним и как? Отражаются ли общероссийские тенденции в восприятии войны и ее отдельных событий на памяти жителей Волгограда, прежде всего молодого поколения? И почему в условиях столь плотной насыщенности нашего личного пространства всевозможными знаками, отсылающими нас к событиям 1942-1943 гг., люди умудряются забывать? Эти вопросы стоят в центре моего внимания в данной статье, представляющей собой взгляд изнутри, т.е. соображения жительницы этого города-символа, города-напоминания.

65 лет Великой Победы в Сталинградской битве

Память как мост между обществом и его историей

Приступая к рассмотрению сложного и во многом спорного вопроса, связанного с культурой памяти о Сталинградской битве, следует иметь в виду, что само изучение памяти как феномена находится в отечественной науке на стадии становления. С одной стороны, ею занимаются многие отрасли социально-гуманитарного знания, среди которых философия, социология, история, культурология, а с другой – ни одна наука не берет на себя полной ответственности за точное определение содержания данного понятия. Поэтому в попытке разобраться, что же представляет из себя память и каковы ее связи с историей, я буду прибегать к трудам известных социологов и культурологов вне зависимости от их принадлежности к той или иной стране.

Для начала необходимо разобраться, какие существуют виды памяти. Не вызывает сомнений наличие индивидуальной и коллективной ее форм. По мнению историка

культуры Ю. Лотмана, коллективная память представляет ни что иное, как «надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений»²⁷. При этом она не включает в себя механически индивидуальные формы: происходит взаимопроникновение, но не смешивание. Это позволило исследователю сделать вывод о том, что в памяти общества единство существует лишь на некотором уровне и подразумевает наличие частных «диалектов памяти», соответствующих внутренней организации коллектива²⁸. Похожая мысль звучит и у известного французского социолога М. Хальбвакса: любое важное для общества историческое событие при ближайшем рассмотрении распадается на «серию картинок, проходящих через индивидуальные сознания»²⁹.

В какой же ситуации при этом оказываются те, кто не был непосредственным свидетелем событий, например, мы, внуки и правнуки участников войны, не имеющие личных воспоминаний об этом? Ответ прост: происходит заимствование памяти. Чтобы прикоснуться к исторической реальности, мы выходим за рамки лично пережитого и усваиваем точку зрения коллектива. При этом наши представления формируются на основании различных каналов трансляции, главные из которых, если говорить о Сталинградской битве, - общество и семья, в меньшей степени исторические источники. Таким образом история как таковая имеет весьма косвенное отношение к нашей памяти. В этой связи можно согласиться с точкой зрения уже упомянутого М. Хальбвакса: «воспоминание в весьма значительной мере является реконструкцией прошлого при помощи данных, полученных в настоящем, и к тому же подготовленной предшествующими реконструкциями, которые уже сильно видоизменили прежнюю картину»³⁰. Иными словами, наша память о Сталинградской битве во многом – воспоминание о чужих, уже переработанных воспоминаниях.

Учитывая это обстоятельство, нельзя забывать и то, что человеческая память избирательна – таково свойство не только индивидуальной, но и коллективной памяти. Мы вспоминаем то, что важно для нашей современной жизни, что помогает перекинуть мостик от ушедшего «вчера» в волнующее «сегодня». Неслучайно, Х. Вельцер, разводя историю и память, отмечает, что последняя «всегда связана с конкретной идентичностью»³¹, то есть призвана определить место человека, социальной группы или нации в современном мире. Соответственно, отбор событий прошлого как в индивидуальной, так и в коллективной памяти происходит с позиции сегодняшнего дня, исходя из его запросов и потребностей. Отсюда и то количество мифов, которым окружено любое важное историческое событие: для истории мифы – враги, а для памяти – необходимая подпитка. В этой связи показательным замечание М. Ферретти о том, что если основываться исключительно на памяти, то Советский Союз и Западная Европа участвовали в двух разных войнах³².

Память о Сталинграде как часть памяти о войне в России

Просматривая литературу по теме, я столкнулась с парадоксом: о немецкой памяти о войне написано гораздо больше, чем о российской. При этом многие, в том числе отечественные, исследователи предпочитают анализировать волны памяти в ФРГ, в то время как изучение эволюции памяти в СССР-России находится на стадии становления и практически не разработано. Предпосылками для начала освоения этой тематики послужили открытие в 1990-е гг. ряда ранее запретных тем, фактическая

27 Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т.1. Таллинн, 1992. С. 200.

28 Там же. С. 201.

29 Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С.23.

30 Там же. С. 33.

31 Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 60.

32 Ферретти М. Непримируемая память: Россия и война // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 138.

потеря обществом монолитной правды о войне и, наконец, сильные ревизионистские настроения, проявившиеся в постановке знака равенства между социализмом и нацизмом (книги В. Суворова). В этих условиях стало понятно, что память представляет собой самостоятельный предмет изучения: она не только меняется во времени: разные социальные и национальные группы, поколения участников, их детей и внуков имеют свои, далеко не тождественные, представления о войне.

Своеобразным прорывом на этом пути стали конференция «Война. Другая память», организованная международным «Мемориалом» и фондом им. Г. Бёлля в преддверии 60-летней годовщины окончания II мировой войны, издание в 2005 г. сборника «Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа», куда вошли статьи и выступления представителей различных научных дисциплин на тему памяти и ее эволюции³³, выставка П. Яна «Память о Сталинграде». Большое значение для обозначения основных тенденций в развитии представлений о войне в российском обществе имеют статьи Б. Дубина «Память о войне против памяти о победе»³⁴, Л. Гудкова «Память» о войне и массовая идентичность россиян³⁵, М. Ферретти «Непримиримая память: Россия и война»³⁶, И. Хёслера «Что значит проработка прошлого?»³⁷, И. Щербаковой «Над картой памяти». Сталинградская битва в этой связи является неотъемлемой частью исследуемого исторического пласта, однако она вписана в ткань повествования и как особый элемент памяти не рассматривается. Этой теме «больше повезло» на уровне исследований и конференций, проводимых непосредственно в регионе. С 2001 г. на базе Волгоградского государственного университета действует центр германских исторических исследований. В 2003 г. центром была проведена международная научная конференция под названием «Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет». Практически через все выступления на ней красной нитью прошла проблема памяти о Сталинграде в России и Германии. Историографический обзор, представленный в докладах А. Борозняка³⁸ и Н. Вашкау³⁹, показал, каким образом общие тенденции в изучении войны находят отражение в исследовании битвы на Волге. Так, давая характеристику основным периодам отечественной историографии, А. Борозняк прослеживает эволюцию образа Сталинграда от «великого и героического»⁴⁰ (советское время) до «великого и трагического»⁴¹ (современная историография). Последнее определение стало возможным благодаря снятию запрета с данных о потерях советских солдат в Сталинградском сражении, которые, по неполным данным на 1993 год, составили 1 129 619 человек, в том числе безвозвратные – 478 741 человек⁴², началу исследования судеб женщин, детей, стариков в Сталинграде⁴³, потерь среди гражданского населения⁴⁴, появлению

33 Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. 784 с.

34 Дубин Б. «Память о войне против памяти о победе» // Материалы конференции «Война. Другая память» // <http://www.memo.ru/daytoday/conf2005/titul.htm>

35 Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 83-103.

36 Ферретти М. «Непримиримая память: Россия и война» // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 135-146.

37 Хёслер И. Что значит «проработка прошлого»? // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 156-169.

38 Борозняк А.И. Проблематика битвы на Волге в отечественной исторической науке 40-90-х гг. // Труды Волгоградского центра германских исторических исследований. Вып. 2: Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет. Волгоград, 2003. С. 15-23.

39 Вашкау Н.Э. История Сталинградского сражения в публикациях волгоградских исследователей // Труды Волгоградского центра германских исторических исследований. Вып. 2: Сталинград: чему русские и немцы научились за 60 лет. Волгоград, 2003. С. 24-31.

40 Борозняк А.И. Указ. соч. С. 15.

41 Там же. С. 19.

42 Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 179-182.

43 Юдина Т.В. Гражданское население Сталинграда в битве на Волге // Труды Волгоградского центра германских исторических исследований. Вып. 2: Сталинград: чему русские и немцы

человеческого измерения войны. Вместе с тем, даже на академическом уровне, не говоря уже о массовом историческом сознании, «героическое» по-прежнему заслоняет «трагическое». Такие вопросы, как провал эвакуации мирного населения Сталинграда и области, лагеря советских военнопленных на оккупированной территории, угон мирных жителей Сталинграда и области в Германию, дети Сталинграда и др. еще малоизучены⁴⁵. Более того, по признанию полковника в отставке О. Кудряшова, не прекратились попытки «канонизировать Сталинградскую битву»⁴⁶, как и всю историю войны в целом.

Как мы помним? или Сталинград в Волгограде

В последнее время все громче и истеричнее становятся сетования по поводу памяти о Сталинграде и войне в молодежной среде. Молодые люди воспринимаются как группа риска, ведь в их круге, в представлении большей части общества, размываются или, лучше сказать, забываются привычные константы. В докладе на конференции, приуроченной к 65-летию окончания Сталинградской битвы, В. Усманов, освещая вопрос молодежной памяти, с негодованием говорил о «периоде разброда и шатания, когда одни ударяются в буддизм, а другие пьют»⁴⁷. В этой, на его взгляд, кризисной ситуации память о войне и ее важнейших сражениях, каковым была Сталинградская битва, должна стать «скрепляющим цементом российского общества»⁴⁸.

Однако так ли все мрачно и безнадежно? И видим ли проблему там, где она действительно есть? В начале статьи я уже отметила, что память является конструктом из предшествующих представлений, дополненных знаниями, полученными в настоящем. Представим себе обычного волгоградского школьника. Его память о Сталинграде – это причудливый синтез из рассказанного на уроках, увиденного в музее-панораме «Сталинградская битва», услышанного от бабушек и дедушек, это компьютерная игра «Сталинград», которую он когда-то прошел до конца был этим горд, это картины войны, запомнившиеся по художественным фильмам, это боевая техника, стоящая в центре города, по которой он любил лазить в детстве, это, наконец, сувениры с изображением Матери-Родины, которые он возьмет с собой друзьям из другого города, но которых нет и не будет в его собственной комнате. И все же какой личный смысл он вкладывает в понятие «Сталинград»? Какую память вызывает в нем это место, с чем ассоциируется? Дабы не быть голословной и не впасть в обобщения, приведу данные опроса, проведенного среди старшеклассников средней школы № 93 г. Волгограда 14 марта 2008 г. В этот день участники нашей мастерской и школьники после совместного просмотра фильма «Мы из будущего» обсуждали проблемы памяти о войне в России и Германии. Предваряя дискуссию, мы провели небольшой опрос на тему: что для вас Сталинград? Он не является репрезентативным, т.к. количество респондентов составило всего 25 человек. Вместе с тем, в ответах учащихся, на мой взгляд, прослеживаются тенденции, характерные для памяти молодого поколения Волгограда. Выделяются несколько смысловых групп, на которые можно разделить ответы. Итак, Сталинград определяется через:

- **саму битву в ее историческом значении:** переломный момент в ходе Второй мировой войны и Великой Отечественной войны (3); война (2); победа (4); история (2); часть всеобщей истории; великая битва русского народа; Сталинградская битва; пленение Паулюса; город, который дал надежду миллионам людей;

научились за 60 лет. Волгоград, 2003. С. 101-105.

44 Кузнецова Н.В. Изменения в численности населения Сталинграда в 1943-1953 гг. // Там же. С. 106-110.

45 Вашкау Н.Э. Указ. соч. С. 30.

46 Сталинградская битва: Материалы научных конференций, прошедших в Москве и Волгограде к 50-летию сражения. Волгоград, 1994. с. 41.

47 Доклад В. Усманова на конференции «Сталинградская битва: военно-экономические и социально-политические аспекты», Волгоград, 1 февраля 2008 г.

48 Там же.

- **героизм и патриотизм:** великий подвиг (2), мужество, о котором нельзя забывать (2); то, что вселяет патриотизм в наши сердца; отвага, доблесть, честь; героизм; то место, где патриотом был каждый солдат, каждый житель, все..; символ русского патриотизма;
- **город и его достопримечательности:** город-герой (5), Мамаев курган, Родина-Мать; возрожденный город; красивый, стойкий, мужественный город; город – бывший солдат; родной город; мой любимый город; город, в котором я живу; город, который знает весь мир;
- **эмоциональное восприятие потомками:** чувство гордости (5); безграничная благодарность героям войны (2); то, что нельзя вычеркнуть из истории (4); мое прошлое; память поколений; ласкающее слух слово, которое не сотрется из моей памяти никогда; ему я обязана своей жизнью; вечная память;
- **трагедию:** боль (6); ужас (2); кровь; страх; потерянные жизни; погибшие молодые люди; смерть, но во имя жизни;
- **место памяти:** место с очень сильным эмоциональным полем; город-памятник; символ; место рефлексии.

Как мы видим из ответов школьников, их память – это отголоски чужих смыслов, переработанные с учетом современных потребностей молодых людей. Здесь мы встречаем и скрытые цитаты из учебников истории, и определенную патетику, свойственную официальной памяти, и попытки идентифицировать себя в настоящем через понятие прошлого. Последнее обстоятельство находит отражение в смешении употребления названий «Сталинград» и «Волгоград»: часть школьников подчеркивает свою принадлежность именно Сталинграду, хотя с исторической точки зрения это неверно. Отчасти это продиктовано устоявшейся традицией и/или потребностью испытывать чувство гордости за свой город, видеть свою причастность к великому прошлому.

Несколько удивило то, что в ответах не получила отражение связь Сталинграда с семейной историей. Вместе с тем, наметившийся в последнее время сдвиг в отечественной историографии в сторону «великого и трагического» характерен и для памяти молодежи: понятие «боли» звучит наравне с понятием «подвиг». Внимания также заслуживают определения Сталинграда через его значение как памятного места, своеобразного символа.

Таким образом, современная память о Сталинградской битве, носителями которой являются молодые люди, вобрала в себя опыт предшествующих поколений. Однако в результате получилась не простая их сумма, а качественно новое образование, состоящее из традиционного, «героического», пласта, восприятия через трагедию, появившегося относительно недавно, и значительного элемента забвения, являющегося неотъемлемой частью любой памяти. Что выйдет из этого огромного «плавильного котла», предсказать пока трудно.

Беглые заметки о праздновании 65-летней годовщины разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом

Не понаслышке зная о том, как отмечаются в России юбилейные даты, связанные с войной, я не ждала от данного события особенных откровений. Их и не случилось. В голове возникали аналогии с празднованием 60-летия окончания Великой Отечественной войны: тот же сценарий, но на местном уровне. Парад на площади Павших борцов, стандартные речи официальных лиц и возложение венков к Вечному огню, появление на общественном транспорте и уличных баннерах надписи «65 лет великой победе в Сталинградской битве», заметки в СМИ с рассказами ветеранов. Как и в 2005 году, в этот раз на первом плане была не война, а победа. По многим параметрам официальная культура памяти сохранила основные черты советского периода с его «триумфальным» подходом.

Однако это лишь одно из звеньев длинной цепочки. Продвинемся по ней дальше и выйдем на академический уровень. Как и всегда в юбилейные годы, в университетах города была проведена серия научных конференций, посвященных проблемам изучения Сталинградской битвы. Темой конференции в Волгоградском государственном университете были военно-экономические и социально-политические аспекты Сталинградской битвы, в музее-заповеднике «Сталинградская битва» - боевые действия войск; в Волгоградском государственном педагогическом университете – духовно-нравственные и социокультурные основы победы на Волге (а фактически патриотическое воспитание молодежи); в Волгоградском государственном техническом университете – Сталинградская битва и ее роль в становлении и развитии социально-культурного пространства региона; в Волгоградском государственном медицинском университете – роль медицинских работников в Сталинградской битве; в Волгоградской академии государственной службы –

ул. Профсоюзная

историческая память о Сталинградской битве в современных коммуникативных технологиях (единственная конференция с участием зарубежных исследователей). Как присутствовавшая на конференции в Волгоградском госуниверситете, могу сказать, что основное содержание докладов составлял вклад того или иного региона или бывшей советской республики в победу под Сталинградом⁴⁹, т.е. частичная замена проблемного принципа территориальным. Кроме того, выступления характеризовались высоким уровнем эмоциональности и использованием соответствующей риторики.

Следующей ступенью, на которой я бы хотела остановиться, являются волгоградские школы. В каждой из них прошли мероприятия, посвященные памятной годовщине: это концерты с приглашением ветеранов, выставки детского рисунка, написание эссе и научных работ на тему Сталинградской битвы в истории семьи. В этой связи интересен опыт средней школы № 93, которая отметила эту дату проведением литературно-музыкальной гостиной на тему: Сталинградская битва в стихах волгоградских поэтов. Просматривая запись этого мероприятия, я обратила внимание на то, что многие школьники и учителя в конце заплакали.

На уровне повседневной жизни волгоградцев и тем более россиян празднование юбилея не отразилось никак, если не считать того, что, посмотрев прошедшие по центральным каналам фильмы о Сталинграде, некоторые жители других городов решили поздравить своих волгоградских друзей или родственников с праздником. Такие неожиданные и во многом комичные sms-сообщения типа «Поздравляю с Днем Великой Победы под Сталинградом!» или «С 65-летним юбилеем Победы в Сталинградской битве» получила не только я, но и некоторые мои знакомые, что говорит о значительном смещении смысла события в обыденном восприятии людей.

Подводя итог всему вышесказанному, хочется вернуться к строкам М. Хальбвакса о том, что история обычно начинается в тот момент, когда затухает или распадается

⁴⁹ Аннаоразов Ж. «Бессмертные имена Великой Победы (о вкладе туркменистанцев в Великую Победу под Сталинградом)»; Демчук А. «Оренбуржцы – участники Сталинградской битвы»; Аквердиев Э. «Воины-дагестанцы в боях за Сталинград»; Аюпов Р. «Вклад БАССР в разгром немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.»; Боть В. «Роль Тулы и туляков в обороне Сталинграда»; Елисеев В. «Единство народов СССР в Сталинградской битве» и др.

память⁵⁰. Несмотря на продолжающееся внешнее следование традиции памяти о Сталинградской битве, оно теряет свой первоначальный смысл в связи с все большим удалением от индивидуальных воспоминаний и в значительной степени приобретают форму ритуала. Теперь эта форма будет либо наполнена новым содержанием, отвечающим современным потребностям государства и общества, либо... пора начинать писать историю.

Два опроса

Чтобы узнавать кое-что о том, как вспоминают среди русских и немцев о Сталинградской битве, мы провели интервью с представителями 4 поколений. Мы печатаем здесь 2 опроса наших членов:

Различия в памяти поколений (на основе интервью) (Денис Цой)

До участия в работе российско-немецкой мастерской истории, вопрос о том, как помнят Сталинградскую битву разные поколения, никогда не возникал в моей исследовательской деятельности. В школьные годы мои представления о Сталинградской битве сводились к стратегическому противостоянию двух армий. Одни дивизии переходили в наступления, другие пытались отстоять каждую пядь своей Родины. Уже будучи студентом исторического факультета, мой взгляд на битву на Волге стал более глубоким и основательным, но будучи воспитанным на советских фильмах и литературе, точка зрения официальной идеологии, а вместе с ней и стереотипность, не подвергалась с моей стороны никакой критике.

С началом работы Мастерской пути наших исследований привели меня к человеку, принимавшему непосредственное участие в Сталинградской битве - Новиченкову Василию Евдокимовичу, в 1942 году рядовому сапёрной роты войск НКВД и его семье. Мой вопрос о том, как, по его мнению, различается память о битве у разных поколений, он оставил открытым и рассказал только о своих личных воспоминаниях. В возрасте 17 лет Василий Евдокимович попал на фронт. Он был уроженцем Сталинграда и считал своим священным долгом встать на защиту родного города. Большое впечатление на меня произвёл эпизод октября 1942 года. Подразделение Василия Евдокимовича, находясь в составе 62 армии, было прижато к Волге и вело тяжёлые оборонительные бои. И вот, в один из вечеров, юному Новиченкову выпало опасное задание – пробраться к ручью под немецкими прицелами и набрать питьевой воды для своих товарищей бойцов:

«...маленькими перебежками я благополучно добрался до источника такой желанной воды. Подставив котелок, я поднял глаза и с большим изумлением встретил взгляд молодого немецкого солдата, который также набирал воду. На мгновение наступила немая сцена. Немец первым сориентировался в ситуации и бросился на меня. Ему удалось обеими руками вцепиться мне в горло и повалить на землю. Быстро теряя силы, я случайным движением руки нащупал на поясе своего противника нож и с размаху вонзил длинное лезвие ему в бок. Тёплая и липкая кровь струилась по моей руке, хватка на горле стала ослабевать. Я скинул с себя немца и быстро встал на ноги. Взгляду предстала ужасная картина. Совсем ещё молодой парень, ненамного старше меня, корчился в предсмертной агонии. Лицо его было искривлено гримасой боли, но на всю жизнь я запомнил его глаза, в которых застыл простой человеческий страх. Мысли в голове проносились со сказочной быстротой и словно страшный удар пришло осознание того, что я прервал жизнь молодого парня, который выполнял приказ своего командира. Силы стали быстро покидать меня и я уселся на сырую, обгарённую свежей кровью землю. Слёзы текли из моих глаз... ».

Столь откровенный рассказ представителя старшего поколения показал мне войну не как столкновение армий и даже не как национальную трагедию, а в полной мере дал

⁵⁰ Хальбвакс М. Указ. соч. С. 42.

понять весь ужас, выпавший на каждого отдельного человека. Все мы слышали о гибели той или иной армии, дивизии, но мало кто действительно вдумывается, что погибли десятки тысяч, прервались жизни огромного количества людей! Ветераны войны, люди пенсионного возраста воспринимают Сталинградскую битву как часть своей жизни, потому что каждый из них своими глазами видел непосредственные последствия страшного человеческого горя, которое окружало их в молодости.

Но объектом нашего исследования были не только ветераны, но и представители младшего поколения. Дети Василия Евдокимовича, Антонина и Татьяна, не пережив лично того, что произошло на Волге осенью-зимой 1942-43 гг., имели очень живое представление о тех событиях. Культ победы поддерживался государственной политикой и война проходила через все сферы жизни первых послевоенных поколений. Ещё свежи были душевные раны тех, кто отстоял Сталинград, и они рассказали о подвиге своим детям, которые застали разрушенные здания и страдания людей, чьи судьбы поломала война.

Ситуация резко меняется со вторым послевоенным поколением – внуками Василия Евдокимовича. Мне удалось узнать о представлениях из личной беседы. Сразу бросается в глаза отпечаток официальной идеологии. Основным источником информации о Сталинградской битве для них являются телеэкраны и литература советских авторов, а не рассказы их дедушек и бабушек, поэтому Сталинград для них является не личным местом памяти, а героической страницей истории их Родины. Победа на Волге для них является национальным, но не личным праздником. События давно минувших дней уже не отражаются горьким плачем матерей, не дождавшихся своих сыновей, а учебники истории пишут о действиях армий, но не о смерти близкого тебе человека.

С течением времени новые поколения помнят Сталинградскую битву только по старым фильмам и учебникам истории, которые зачастую не отражают истинного положения дел, а пишутся в соответствии с интересами государства. Ориентируясь на молодых людей старших классов школ и студентов, можно сказать, что современная молодёжь уже относится к Сталинградской битве как к просто важному историческому событию, но не как к народной борьбе с захватчиками. В ходе исследований, молодым людям задавался вопрос - что для них значит слово «Сталинград» и ответами были стандартные фразы, услышанные на уроке или по радио. Это говорит о том, что память о той трагедии перестала быть живой, народной, а стала посредственным атрибутом жизни в Волгограде. Вид многочисленных памятников героям напоминает, что был подвиг, но какой именно, мало кто знает. Нынешнее поколение не способно понять сути данного события, которое изменило нашу судьбу.

Таким образом, чем дальше летит время, тем память о Сталинградской битве становится всё более механической и теряет своё значение. Трудно сказать что будет передаваться следующим поколениям, но можно с уверенностью утверждать, что слово «Сталинград» навсегда останется в анналах истории как место памяти о грозных событиях минувших дней.

Рассказ Эрики (Ребекка Блуме)

Серый январский день, послеобеденное время, деревня в Саксонии-Ангальт. Я открываю зеленую калитку в больших воротах дома моей двоюродной бабушки Эрики*. Под ногами, на вымощенной булыжником дорожке, ведущей к истертой каменной лестнице, врасыпную разбегаются худые котята. Через старые двойные рамы маленького окошка слышны звуки телевизора. Я звоню и слышу, как Эрика подходит к двери. Она варит кофе, я вхожу в гостиную, где меня охватывает тепло выложенной изразцами печки. На столе лежат лупа для чтения, газетные статьи и пульт дистанционного управления от телевизора. Со стены на меня смотрят разные фотографии. На них изображены похожие друг на друга мои бабушка и двоюродная

* Имя изменено автором статьи.

бабушка Эрика. Они еще молоды, у обеих светло-русые тугие косы, смеясь они искоса смотрят в объектив фотоаппарата. Кроме того, на стенах висят разные черно-белые фотографии 40-ых годов, пара ландшафтных картин, первый локон с головы Эрики. На одной из фотографий рядом с окном изображен мой прадедушка в твидовом пиджаке, моя прабабушка с легкой улыбкой смотрит со стены на посетителя. В шкафу для посуды стоят разные старые книги. Эта небольшая выставка семейной истории дополняется собранием современных вещей и аппаратов для здоровья. Наряду с относительно большим телевизором к ним можно отнести электрический теплосберегающий коврик для кресла и странно выглядящий стул к письменному столу, который сконструирован из пружины и поверхности для сидения в форме шара.

Эрика заходит с посудой для кофе, я устанавливаю камеру. Эрика садится перед фотографиями, на которых изображены она и ее сестра в молодости. Возможно, они были сделаны еще во время войны. На одной фотографии Эрике лет шестнадцать. Она делает вступление для рассказа на камеру и объясняет, почему сегодня она будет рассказывать о Германе Шмидте*. Ранее мы договорились, что Эрика побеседует со своим другом и мне об этом расскажет. Я не хотела расспрашивать его сама, так как я с ним не знакома и поэтому сомневалась, будет ли он рассказывать о своих воспоминаниях.

Эрика рассказывает, что Шмидт три года воевал в России. Он лишь потому выбрался из Сталинграда, что был ранен. Эрика подчеркивает, что это было внутреннее ранение, подробнее об этом она не знает. Внутреннее ранение. Она повторяет слова несколько раз, как будто в них есть символический смысл. Но, к сожалению, вскоре рассказ заканчивается. Герман Шмидт сказал ей, что он не хочет говорить о своих воспоминаниях, написано ведь немало книг об этом. Единственное, что он еще сказал, это то, что населению Сталинграда тогда приходилось намного хуже, чем солдатам. Сам он после своего выздоровления отправился в Италию. После окончания войны Шмидт пешком через Альпы вернулся в Германию. Эрика впечатлена.

Шмидт не хотел бы говорить о том, что он пережил, и это понятно. Его воспоминания, наверняка, болезненны. И все-таки рассказ – это не то же самое, что можно прочитать в книге. Вполне возможно, что своим близким он рассказывал о пережитом. Вероятно, что существуют вещи, о которых он никому не рассказывал. Об этих умалчиваемых деталях не прочитаешь ни в одной книге.

Рассказ Эрики постепенно уходит от нашей темы. Теперь речь идет о деде Шмидта, Кукуке Платтенберге†. Он был таким же пессимистом, как и его внук. И немного чудаковатый. Эрика рассказывает несколько историй на нижненемецком диалекте равнинной местности у Магдебурга. Отвечая на вопрос о фермерском хозяйстве Шмидта, она начинает говорить о своей собственной семье, потом рассказ переходит к сестре Германа и ее работе у одной старой женщины в послевоенные годы. В рассказе также упоминается мать Шмидта. Отношения и связи в таком маленьком селе тесно переплетаются. Рассказ затрагивает целое переплетение дружеских и родственных отношений. Для Шмидта тоже есть место в этом сплетении.

Плавнo к рассказу Эрики присоединяются ее воспоминания о ее поездке автостопом на Запад, о нидерландском водителе грузовика, который за рулем грыз орехи, о переходе границы в Мариенборне. При переходе границы Эрика пару раз обманывала служащих.

Жизнь в деревне была лишь отчасти связана с войной. В рассказах Эрики не обозначен четко конец войны. Все просто продолжается. Линия рассказа переходит от военного времени к Германской Демократической Республике. Голода на деревне практически не испытывали.

Один вопрос возвращает разговор к Сталинградской битве. Что вы знали о Сталинграде? Ответ: Польша была просто прогулкой. Прогулкой? Вообще-то ее отец

* Имя изменено автором статьи.

† Имя изменено автором статьи.

всегда говорил, что войну нам не выиграть. Потом, глубоко в России, следуют первые поражения, Сталинград. Сначала прогулка по Польше, затем картина в глубине России. Обе линии в ее рассказе имеют мало общего с происходившим тогда. Скорее всего, это был такой способ говорить о событиях. Я вспоминаю рассказ моего деда о том месиве осенью под Москвой, в котором застревали танки. Это было даже хуже зимы.

К теме о Сталинградской битве Эрика вспоминает еще изображение Мадонны из котла окружения. Ее нарисовал один пастор, который в 1942 году под Сталинградом отмечал Рождество вместе с солдатами. Эрика повторяет высказывание Шмидта, что жителям города тогда приходилось намного хуже, чем солдатам. Вспоминая Сталинград, она думает об этом рисунке как об иллюстрации и символе тех событий. Эта картина является составной частью немецкой памяти о Сталинграде. Какой взгляд на битву она иллюстрирует? Для начала – страдания солдат. Но, как кажется, еще и страдания жителей Сталинграда, на что указывают непосредственные ассоциации Эрики. Рисунок объединяет две эти группы. Кажется, он придает ужасам войны конкретное лицо. Простые люди оказываются жертвами большой политики. Кроме того, Эрика связывает с этим и празднование Рождества в таких ужасных условиях. Сама идея, отмечать в такой ситуации Рождество, подчеркивает человеческие потребности солдат. Люди, которые хотят праздновать Рождество, не могут быть безликими солдатами. Тем самым проявляется бессмысленность битвы. Рисунок пастора многое объяснил в немецком обществе. Он воплощает собой память об ужасах Сталинграда. На нем изображена скорбящая женщина, символ печали, скорби о погибших. Теме вины немецких солдат практически не отводится места на этой картине.

Я спрашиваю Эрику, когда она сама стала думать, что война проиграна. Победить или проиграть. Как будто бы речь идет об общественной игре. Я употребляю эти громкие слова. Она говорит, что до марта 1943 года была на принудительных работах для государства. Там же работали несколько девушек, у которых близкие были в Сталинграде. Вначале были сообщения об успехах, потом Сталинград и другие печальные известия. Под «печальными известиями» понимаются поражения. Что конкретно в этом печального? Сообщалось ли о многих погибших? То, что Эрика ранее упомянула о близких ее знакомых, указывает на этот факт. Но здесь примешиваются и личностные переживания, возможно, также с инструментализацией восприятия того времени. Это не только личные, конкретные потери, но и идентификация с Германией и потеря для «отчизны». Что являлось «печальными» известиями для одной стороны, было праздничным событием для другой. Люди усвоили мышление какой-либо стороны. Поражение немцев автоматически воспринимается как печальная новость. Все личные потери суммируются и в совокупности образуют общие потери. Почему при этом складываются всегда только потери нашей стороны и противопоставляются потерям «другой» стороны? Разве существует разница, был ли погибший немцем, русским, венгром или румыном?

Эрика рассказывает о смерти ее кузины Марии^{*} во время воздушной бомбардировки Магдебурга. История Эрики рассказана применительно к пережитому в семье. Официальные исторические данные не играют при этом практически никакой роли. В ее рассказе о конце войны за семейной катастрофой, смертью Марии, следуют воспоминания о военнопленных из концентрационного лагеря Нордхаузен, массовый расстрел в соседней деревне, в котором был задействован кто-то из Драйлебен. Паутина контактов на селе не дает остаться ему анонимным. Эрика называет его имя. Эрика описывает свой ужас при виде заключенных, свой разговор с одним обессиленным мужчиной в кухне, неверие в то, что она видела. Это было для нее первым соприкосновением с преступлениями национал-социалистского государства, в которые раньше она не хотела верить. После этого были колонны с беженцами, неожиданные встречи, знакомые лица в этих колоннах. Торговцы-менялы, которые

^{*} Имя изменено автором статьи.

приходили из городов в деревни, чтобы заполучить что-нибудь съестное. Из этого получились интересные контакты.

Рассказ Эрики невозможно прервать. В отличие от Германа Шмидта она рассказывает. Некоторые воспоминания также причиняют боль. Это по ней видно. Взгляд обращен внутрь, в себя, как будто она там видит картины воспоминаний. Она неохотно дает себя перебивать. Ее рассказ представляет события из перспективы относительно защищенной жизни женщины в маленькой деревушке равнинной местности. Сталинград – это отдаленная форма без конкретного содержания, потому что у нее нет близких членов семьи, которые там воевали. Поэтому в ее рассказах заметна официальная линия событий, которая, кажется, заимствована из хроники событий того времени. Также в ее рассказ примешиваются объяснительные мотивы послевоенного времени, как например символизация страданий простого солдата, жертвы большой политики. Эрика связывает со Сталинградской битвой страдания солдат, поражение и потери ее подруг. Однако для ее личных воспоминаний битва практически не играет какой-либо роли. Она предстает как одно из многочисленных военных событий, которые происходили далеко, в «глубине» России.

4 Штрихи

Личные впечатления – восемь эссе

После первой поездки в Волгоград в январе 2007 г., которая вызвала массу впечатлений, мы поставили перед собой задачу написать эссе, в том числе и для того, чтобы сделать результаты проекта более достоверными. Нашей задачей было изложить в свободной форме личные впечатления, то есть в наши намерения не входил анализ определенных аспектов проекта. Далее следуют эти документально зафиксированные впечатления.

Антон Артамонов – Впечатления

К 31 февраля мой брат и я с коллективом нашего военно-исторического клуб «Пехотинец» готовили инсценировку пленения фельдмаршала Паулюса в подвале Центрального универмага, где располагается сейчас музей «Память». Так получилось, что дни пребывания немецкой группы в Волгограде совпали с этим событием. И поскольку мне как игравшему роль переводчика необходимо было говорить по-немецки, я очень волновался, однако мои старания были высоко оценены немецкими участниками мастерской, которые посетили нашу постановку.

После инсценировки пленения Паулюса я смог в полной мере включиться в процесс обсуждения проекта. Мне было не только приятно общаться с немцами, но и узнавать от них новое о Германии, рассказывать им что-то о России. Особенно радовала погода, которая так и нашептывала нам о тех далеких сталинградских морозных днях. Поиграли в снежки. Я снова вспомнил детство...

Самое гордое чувство возникало, когда немецкие участники выражали восхищение нашим городом. Гуляя с ними по Волгограду, я испытывал некоторую неловкость, говоря, что дома, мимо которых мы идем, строили пленные немцы. Самое интересное, что мы сами порой не замечаем, как много таких домов в городе.

В один из вечеров мы пригласили наших гостей к себе домой на просмотр художественного фильма, снятого членами нашего клуба. В нем мы отразили свое видение войны и образы солдат, в том числе немецких, и, конечно, не предполагали, что когда-нибудь будем показывать свой фильм людям из Германии. Некоторую неловкость вызывала и жестокость советских солдат по отношению к пленному немцу, показанная в одном из эпизодов фильма. Однако реакция зрителей была вполне адекватной, ведь на войне это в порядке вещей.

Затем мы продемонстрировали наши экспонаты – военную форму и снаряжение солдат времен II мировой войны. Я немного удивился тому, что немцы толком не знают, что входило в экипировку солдат рейха. Но, откровенно говоря, русские люди тоже не представляют, как и во что были одеты солдаты Красной Армии, поэтому мое удивление быстро прошло.

Что касается совместных дискуссий по проекту, то они привели меня к изменению представления о Сталинградской битве. Я взглянул на само событие и то, каким образом меняется его восприятие во времени, с различных точек зрения. Именно этого порой не хватает, чтобы трезво оценить некоторые аспекты, которые, как казалось ранее, не требуют обсуждения.

Ксения Средняк – Впечатления (встреча русской и немецкой групп в феврале 2007 года)

Две недели нашей мастерской verging wie im Fluge☺. Волгоград провожал вас солнцем, а я стояла в пробке и переживала, что увижу уже уходящий поезд. Через несколько минут после моего появления на вокзале заиграла «Издали долго...» и мы дружно замахали убегающему от нас вагону, еще не осознавая, что наша первая встреча подошла к концу. Наверное, жаль, что мы не написали своих впечатлений сразу – многое уже поблекло. Но, с другой стороны, как писал русский поэт С.А. Есенин, «большое видится на расстоянии» (в том числе и временном), поэтому сегодня будет меньше эмоций, но больше фактов.

Одним из главных результатов нашей встречи явилось, на мой взгляд, личное знакомство участников – без этого невозможно было бы почувствовать себя единой командой. Вместе с тем, стало понятно, что мы очень разные и наши ожидания от проекта тоже очень различаются. Однако при условии эффективной работы и взаимодействия друг с другом это, скорее, не ослабит проект, а обогатит его.

Еще одним «открытием» стало осознание того, что формы работы, использованные во время мастерской, являются самыми эффективными, т.е. личное общение участников, работа в малых группах предпочтительнее, нежели индивидуальная работа или работа в больших группах. Кроме того, важно ощущение «погружения» в проект – у меня такое ощущение было несколько дней, когда после завершения наших обсуждений я продолжала думать об этом, мысленно продолжала дискуссию, пыталась осмыслить и систематизировать сказанное. Иначе говоря, в эти дни затрагиваемые нами темы были главным содержанием моих мыслей вне зависимости от того, где я находилось. (...)

Теперь несколько слов о содержательной части мастерской. Здесь для меня было много открытий, вопросов, иногда даже парадоксов, вызванных различиями в культуре памяти наших стран. Кстати, очень интересно было обнаружить эти различия даже на уровне языка: когда язык передает смысловые нюансы, которые сложно передать в переводе в связи с отсутствием аналогов. Но есть и много общих моментов, которые сближают «память» в наших странах. Один из них – это разница между профессиональной памятью (историки) и общественной (сюда же можно отнести и официальную память, которая существует в нашей стране). Отсюда яснее видится и задача проектов, подобных нашему, - связать эти два явления и, возможно, наметить путь для создания нового вида памяти (критической, но уже на уровне общества).

Центральным событием нашей мастерской явился, естественно, непосредственный анализ музеев. Идея ориентиров в изучении экспозиций всегда витала в воздухе, но теперь я впервые задумалась над формулировкой непосредственных вопросов, что помогло взглянуть на давно знакомые музеи с другой стороны.

Вполне естественно, что в ходе нашей мастерской и общения возникало множество попутных тем (это и беседы об историческом образовании, и исторические

реконструкции, и разговор о фильмах и интервью, и экскурсии), что не только расширяло кругозор, но и позволяло посмотреть на музеи и память в более широком контексте. Я почерпнула много нового лично для себя, в том числе и того, что касается Волгограда (например, в музее детей Сталинграда была первый раз). (...)

Мартин Подолак – несколько мыслей о поездке в Волгоград

В начале

Для того чтобы объяснить, в чем я вижу свою задачу как участника проекта, я хотел бы в самом начале указать на то, что подвигло меня принять участие в работе мастерской истории.

Я как раз искал возможность по прошествии нескольких лет снова интенсивно заняться изучением России в рамках общественной работы/на общественных началах. Я хотел расширить свои представления о стране. С учетом моего увлечения историей предложение участвовать в работе мастерской пришлось как нельзя кстати. Это была замечательная возможность принять участие в исторических исследованиях, которая в ином случае не представилась бы мне в рамках моего заочного обучения. К тому же меня интересовал процесс рождения проекта по истории и методика работы группы.

Для того чтобы с самого начала внести свой конструктивный вклад, я помог в поиске информации в источниках, а также способствовал обеспечению беспрепятственной коммуникации путем создания на базе интернета форума, что позволило создать хорошую основу для нашей работы.

Перед нашей поездкой я, слыша слово «Сталинград», всегда имел перед внутренним взором определенный набор картин. Еще во время своих длительных поездок и пребывания в России я пытался понять относящуюся к Сталинграду систему образов, определений и оценок, существующую в обеих странах.

Три точки зрения

Возможность осуществить это предоставила первая поездка. Путешествие в рамках проекта все время было посвящено избранной теме. Однако мы могли также помимо этого познакомиться с жизнью населения Волгограда и наблюдать за ней, совершенно абстрагируясь от истории. У меня постоянно возникал вопрос о том, насколько история некоего места сопровождает его жителей в повседневной жизни, до какой степени (насколько часто, с какой степенью интенсивности...) население вообще осознает и осмысливает свою историю, и какой статус как средство самоидентификации имеет Сталинградская битва. Мое впечатление таково, что битва присутствует повсеместно, как в облике города, так и в сознании (и подсознании) людей.

Наряду с точкой зрения на историю немцев и волгоградцев следовало бы упомянуть и еще одну – третью: это точка зрения русских людей, которые не связаны лично с Волгоградом. Можно ли в этом случае найти и обозначить различия внутри самой России?

Мне было бы очень интересно дойти до сути этой проблемы вместе с группой.

Разные города

В представлении русских людей, как мне кажется, тесно связаны названия «Сталинград» и «Волгоград», в то время как в Германии это название («Сталинград») служит обозначением судьбоносного для второй мировой войны сражения. Так, опираясь на «русскую» точку зрения, я сначала представлял себе обычный российский крупный город. В разговорах с русскими Волгоград все время был просто городом, одним из многих, сначала он именовался Сталинград, «ну хорошо, это – город-герой, но все же один из многих». Если же я говорил о Сталинграде с кем-либо в Германии, то это всегда было связано с тематикой второй мировой войны.

Если немного обострить формулировку, то для меня речь шла в зависимости от того, с представителями какой культуры я имел дело, о различных местах, различных

городах. Я не полностью, несмотря на полученные новые знания, ассоциировал немецкий «Stalingrad» с названиями «Сталинград» или «Волгоград».

Единый город

Перед началом путешествия я предпринял попытку обобщить впечатления, которые могли бы помочь осознать понятия «Wolgograd», «Волгоград», «Stalingrad» und «Сталинград» как единое место, а именно как место соприкосновения воспоминаний, памятное для обоих народов. Во время пребывания в Волгограде я все больше понимал, насколько это трудновыполнимое дело. Различные памятные места/памятники я мог связать только с памятью о советских героях, но не с образом, который, как я мог полагать, приблизил бы меня к пониманию событий. Только в нескольких случаях мне было действительно понятно значение некоего памятного места, то есть я мог привести различные аспекты к общему знаменателю: например, при взгляде на разрушенную мельницу рядом с музеем-панорамой Сталинградской битвы. Там я мог представить себе войну, насколько это вообще было возможно, там я увидел и почувствовал, как представители поколения наших дедов уничтожали друг друга, и как тяжел на самом деле груз истории. Там мне пришлось думать о том, что именно на тех людей пошли войной наши предки. Это было представление, которое я, наверное, никогда по-настоящему не пойму, для этого у меня слишком много личных связей с Россией и живущими там людьми. Рассказы ветеранов наглядно показали мне, насколько близка еще история второй мировой войны, и это произвело на меня сильное впечатление.

Задача, которую я сам лично поставил перед собой в начале, состояла в том, чтобы суметь осознать Сталинград/Волгоград не только как единое место, которое вмещает в себя понятие памятного места для русских и немцев, но и как современный город.

Таким образом, я попробовал собрать воедино, буквально, как говорят в Германии, «в одну шапку», различные образы, памятные места, понятия. И эта самая шапка будет в конце концов символизировать для меня наше путешествие, в воспоминаниях об этой учебной поездке все те места/города, которые до этого существовали для меня раздельно, соберутся воедино.

Как, вероятно, можно понять из вышеизложенного, на меня произвела сильное впечатление теория о памятных местах, так же, как и постановка вопроса о социальной, коллективной и культурной памяти. Мастерская истории пробудила во мне интерес к этим новым для меня областям.

Решающий момент

Аспект исторической науки, взятый в более узких рамках и интересующий меня больше всего – это вопрос о решающем моменте во второй мировой войне и являющейся ее частью войны Германии против Советского Союза, а именно где и когда он произошел.

Можно ли с полным правом утверждать, что Сталинградская битва может рассматриваться как такой поворотный момент или нужно иметь в виду и другие военные операции? Можно ли вообще рассматривать как решающий момент в войне некие военные действия, или это в большей степени обстоятельства, определяющие ход войны, и именно они должны именоваться решающим моментом? Что вообще понимать под решающим моментом? Насколько это понятие уместно и достаточно ли его, чтобы описать «начало конца» третьего рейха? Я хотел бы во время работы проекта углубиться в этот комплекс проблем, и для начала оценить актуальное

Координирующая встреча в Драйлебене, май 2007

состояние исследований по данной тематике, выяснить, какие мнения в литературе и науке существовали раньше и существуют теперь и по каким причинам.

Где мы находимся

Наше первое путешествие и последовавшую за этим его оценку я рассматриваю как выяснение и определение предмета нашего исследования. Мы прочувствовали трудности, которые возникают при соприкосновении с другим восприятием истории и сможем в будущем лучше на них настроиться. Мы познакомились с партнерской группой, что является важнейшей основой будущей совместной работы. Мы смогли составить первое впечатление о существовавших в Советском Союзе и существующих в России воспоминаниях о Сталинградской битве и том, как они реализуются в форме музеев и памятных мест. Все это соответствует моим ожиданиям от поездки.

Задачи

Я вижу задачу мастерской истории в том, чтобы стороны смогли ознакомить друг друга с обоими существующими (или их больше чем два?) местами памяти под названием Сталинград, осознать их различие и тем самым максимально сблизить их. Такая близость могла бы облегчить обмен знаниями и мнениями, поскольку взаимное признание различных точек зрения очень способствует межкультурной дискуссии. Тем самым проект имеет для меня не только научно-историческую значимость, он помогает достичь взаимопонимания представителям различных народов. Донести и сделать понятным для людей двух разных культур отличную от их точку зрения – это важная задача. Я охотно принимал бы участие в ее решении и в дальнейшем.

Петер Буковски – Россошка и мы

Небольшая деревенька Россошка находится приблизительно в 35 километрах к северо-западу от Волгограда. Осенью и зимой 1942/43 эта местность находилась в центре «котла», в который Красная армия взяла войска генерал-полковника Паулюса. Россошка до 1942 г. была маленькой деревушкой вблизи от аэродрома Гумрак, где уже во время войны было устроено кладбище с более 600 захоронений. После Сталинградской битвы место, где до этого проживало более 2000 человек, перестало существовать – Россошка была сожжена и уничтожена бомбами. Только в 50-х гг. деревня снова была отстроена в нескольких километрах к западу.

Разногласия вокруг памятного места

В мае 1992 г., за несколько месяцев до того, как Советский Союз прекратил свое существование, сотрудники службы перезахоронения Народного союза «Немецкая служба ухода за военными захоронениями» начали в волгоградском регионе поиск могил и останков немецких солдат. Это было абсолютно новым делом, поскольку во времена Советского Союза о реализации подобного рода планов на территории России нельзя было даже и думать. В намерение Народного союза входило первоначально устройство различных кладбищ. Поскольку возникли разногласия с местными властями, которые категорически не принимали план создания сети памятных мест, выбор пал в конце концов на единственный опорный пункт: Россошку. Несмотря на то, что согласно подписанному между ФРГ и РФ договору Народному союзу предоставлялась относительная свобода действий в отношении возведения сооружения, на местном уровне оказывалось противодействие, которое должно было быть преодолено прежде всего. После того, как строительство уже началось, с русской стороны последовало возражение относительно того, что немецкое солдатское кладбище не может быть основано до тех пор, пока в том же месте не появится захоронение русских солдат. Министерство обороны России даже выделило деньги, с помощью которых должно было быть устроено соответствующее захоронение русских воинов. Если же верить данным Народного союза, эти деньги так никогда и не дошли до Волгограда. По этой причине пришлось искать средства для сооружения русского кладбища на месте. Поскольку деньги выделялись большей частью на добровольной основе и поступали медленно, строительство русского кладбища продвигалось

медленно. Немецкая часть мемориала была готова в 1998 г., но ее нельзя было открыть, поскольку русская часть еще была не готова. Тогда немецкая сторона приняла участие в подготовке к открытию русского кладбища.

Весной 1999 г. (15 мая) состоялось, наконец, торжественное открытие, однако мероприятия этому по случаю были омрачены печальными политическими событиями. В начале апреля многие российские политики пребывали в большой тревоге из-за начавшейся операции НАТО против Сербии. Волгоградская Областная Дума запретила вследствие этого участие в торжественном открытии мемориала в Россошке некоторых немецких политиков федерального уровня под предлогом того, что немецкие солдаты принимают участие в воздушных налетах на Югославию.

Бывшие ветераны войны из России выразили резкий протест против появления памятника павшим немцам на русской земле, в Волгограде состоялись демонстрации протеста. Несмотря на это возведение мемориала было завершено, и поздней весной 1999 г. первые российские и немецкие участники Сталинградской битвы, их близкие, потомки и те, кто просто интересуется историей, смогли, наконец, там побывать.

Мы в Россошке

Ранним утром 3 февраля 2007г., на следующий день после официального празднования в музее-панораме Сталинградской битвы, наша маленькая немецко-русская группа собирается в дорогу – в Россошку. Наш водитель знает дорогу, потому что совершал этот путь уже не раз. Непосвященные же, как нам рассказывают, часто не могут попасть в Россошку, поскольку на трассе много развилки, и на пути следования недостаточно указателей. После доброго часа пути по практически безлюдной местности, которая на всем протяжении покрыта снегом, мы подъезжаем к мемориалу, находящемуся далеко за пределами Волгограда. Мемориал возведен в прямом смысле слова на пустом месте. Кругом, насколько хватает взгляда, не видно никакого человеческого жилья, только даль до горизонта и вокруг нас, куда ни глянь, скудный степной ландшафт и снежные наносы. Холодный ветер бодрит, воздух ясен и чист.

Посещение русско-немецкого солдатского кладбища в Россошке

Мемориал протянулся по обеим сторонам главной улицы. На одной ее стороне находится немецкая часть, на другой – русская. Немецкая часть захоронения поделена на две части и простирается на площади без малого в 6 гектаров. Заасфальтированная дорога ведет посетителей к центральной площади с большим крестом из металла. Вокруг устроенного в форме круга кладбища идет, так же по кругу, стена из гранитных блоков протяженностью в 470 метров, на которой в будущем должны будут быть выбиты имена всех павших и пропавших без вести. На входе в сам мемориал можно прочесть надпись на немецком

языке: «Это солдатское кладбище было возведено на земле, где в 1942 г. во время наступления были разрушены деревни Большая и Малая Россошка, которые были основаны в 60-х гг. 19 века. Земля здесь пропитана кровью десятков тысяч солдат и мирных жителей – их голоса зывают к нам: мы пали в тяжелые, страшные часы. Нам не дано было возможности жить в этом мире. Живые, помните о нас и позаботьтесь о том, чтобы на этой земле был вечный мир». Для того чтобы имена павших не были забыты, на стене вокруг захоронений были размещены большие бронзовые памятные доски. На них размещены не только имена похороненных здесь, но и имена пропавших без вести, которые не вернулись из Сталинграда – гигантский рельеф из отдельных

судеб, проходящий по всей длине 470-местровой стены. На настоящий момент бронзовыми досками снабжены две третьих стены. Кроме того, на территории стоят более 100 больших гранитных кубов. На каждом из этих кубов – около 900 имен немецких солдат, павших в Сталинградской битве. В общей сложности Народный союз собрал более 100 000 имен и дат рождения и смерти павших «сталинградцев», то есть немецких участников Сталинградской битвы. Они бережно нанесены на полированные поверхности гранитных кубов: имя и фамилия, дата рождения и предположительный месяц смерти зимой 1942/43 гг. Из-за снежных сугробов, достигающих местами трех метров, нам не удалось обойти всю территорию, к тому же многие мраморные плиты и кубы были покрыты снегом и льдом.

На другой стороне улицы находится русская часть кладбища, здесь была заложена русская часть мемориала. Около 3000 советских солдат нашли здесь место упокоения. И теперь, мертвыми, они снова лежат друг напротив друга – русские и немецкие солдаты.

Деньги и могилы

Каждому посетителю кладбища сразу бросается в глаза, что немецкая часть захоронения оформлена значительно более помпезно. В сооружение этого мемориала Народный союз инвестировал несколько миллионов немецких марок и евро, что можно увидеть по его состоянию. Одни только мраморные плиты, на которые нанесены имена павших и пропавших без вести, были связаны с текущими расходами, которые составляли 10 миллионов евро в год. Гигантомания немного напоминает военные мемориалы советских времен. Русская же часть, напротив, получилась скорее скромной. Здесь находятся крест и несколько надгробных камней, на которых частью нанесены имена павших, частью же они отмечены лишь надписью «Неизвестный солдат». В нашей немецкой группе мнения относительно разницы в размерах между немецкой и русской частями захоронения разделились. Так, одна сторона высказалась, что мы, как поколение немцев, рожденное после войны, ничего не можем поделать с тем, что российское государство не может или не хочет выделить для «своих» мертвых столько же денег, сколько предоставила Германия. Другая сторона, напротив, испытывала чувство стыда оттого, что немецкие солдаты, по-видимому, в Россоске более значимы, чем русские. Мне тоже более близка эта точка зрения. С одной стороны можно только приветствовать, сто Народный союз предпринял усилия и взял на себя расходы, чтобы возвести памятник убитым в Сталинградской битве и не дать забыть события зимы 1942/43 гг. С другой стороны, действительно стыдно смотреть, как к этому подходят с двойными мерками. Насколько бы ни были возвышенными устремления Народного союза – тот факт, что здесь вспоминают почти исключительно павших немцев и эта память находит такое воплощение в бетоне, создает дисбаланс, перекося в организации воспоминаний. В битве пали сотни тысяч солдат – русские, украинцы, белорусы, немцы, румыны – а из-за диспропорции в размерах обоих мемориалов возникает впечатление, что есть мертвые первого и второго сорта.

Когда я во время обратной дороги до Волгограда заговорил об этом с некоторыми из моих русских друзей, реакция была скорее сдержанная: мне указали на различную культуру воспоминаний в обеих странах, сказали, что различное оформление обоих мемориалов в Россоске, кроме того, является логичным результатом разного объема финансирования. Берлин в состоянии выделять на это гораздо большие суммы, чем Москва. Так что это, мол, финансовая реальность. Русская сторона (такое складывается впечатление) смотрит на все это явно с меньшей долей драматичности. Никто не чувствует себя задетым, обиженным, различие в размерах мемориалов объясняется больше с помощью объективных аргументов.

Много имен, мало фактов

Тот, кто хочет пройти по следам Сталинградской битвы, не пройдет мимо Россоски. Здесь был один из эпицентров битвы, именно в этой местности находился знаменитый

«котел». И городские музеи, и прежде всех музей-панорама Сталинградской битвы в центре Волгограда, наверняка являются основным источником информации, когда речь идет о событиях, процессах, цифрах и историях, связанных с битвой.

В Россошке же, напротив, заинтересованный посетитель находит сравнительно немного информации. Многие имена и даты в первую очередь нужны как опознавательные знаки-зацепки для скорбящих родственников. Многих более подробных сведений вы здесь не обнаружите. В маленьком домике на краю поля представлены предметы, найденные в земле: ордена, отличительные знаки, столовые принадлежности, фляжки. Эти вещи находятся для посетителей в свободном доступе, как своеобразные трофеи. Но помимо этого посетитель покидает мемориал не обладая полной информацией, а скорее в беспомощном состоянии, со многими вопросами, на которые не было получено ответа. Является ли кладбище автоматически мемориалом? Где здесь ясно видны ужасы войны, ужасы битвы? Возникает ли после прочтения тысяч имен некая историческая связь? Проясняются ли здесь судьбы отдельных солдат, или скорее путем беспристрастного занесения в алфавитный список сотен тысяч имен солдат возникает анонимизация, обезличивание, хотя в задачи создателей входило обратное? Одно имя, одна судьба. Тысячи имен, тысячи судеб. Без фоновой информации об этих судьбах история остается туманной и не поддается осмыслению.

На месте событий

Поездка в Россошку тем не менее важна, потому что пребывая там, находишься на одном из величайших в истории полей битвы. Раньше я пребывал в заблуждении, что в местах вроде этого можно лучше понять, проследить и осмыслить историю. Я исходил из того, что пространственная близость поможет создать и временную близость к истории, которая поможет подойти вплотную к произошедшим событиям. По этой причине я посетил многие мемориалы, памятники, исторические значимые места в надежде здесь – на месте событий – напасть на след событий, лучше понять и классифицировать их. Вообще-то почти во всех случаях эта надежда оказалась поспешным суждением, заблуждением. Массовые убийства евреев национал-социалистами у взорванных газовых камер в Биркенау и на грузовой платформе в Треблинке не стали мне более понятными – наоборот. Именно в местах этих убийств я менее всего осознавал ход событий. Посещение бывшего варшавского гетто не сыграло роли для осознания подавленного там восстания, мне кажется, имело бы даже больший смысл обратиться просто к хорошей монографии. И похожая ситуация сложилась здесь, в Россошке.

Перед моим внутренним взором хоть и разыгрываются сцены, которые я связываю с событиями, но более глубокое понимание не возникает из простого присутствия. Исторические события не могут быть поняты здесь лучше, чем в отдалении. Может быть, иногда даже необходимо сохранять определенную профессиональную дистанцию, чтобы не попасть под влияние патетических надписей на памятниках, мощных бетонных сооружений и перечисленных здесь имен сотен тысяч павших солдат. Однако я не могу отрицать, что места вроде Россошки имеют для меня большую притягательность. Завораживающее чувство – стоять там, где в то время советскими войсками был закрыт сталинградский «котел». Все случилось на этом самом месте! Только ради этого следовало совершить поездку сюда.

Примирение или китч вокруг примирения?

В дискуссиях о Сталинграде как памятном месте повсеместно возникает слово «примирение»: «примирение над могилами», «примирение бывших противников», «примирение немцев и русских» и. т. д. Это понятие появляется и в связи с Россошкой: так, во время торжественного мероприятия в начале 2003 г. по случаю празднования памятной даты послы обоих бывших враждебных государств по принятой официальной символике подали друг другу руки в знак примирения. В немецкой прессе можно было после прочитать, что «в начале нового столетия имя «Сталинград»

будет связано с уверенностью в том, что человеческая ненависть и глубочайшая враждебность могут превратиться с помощью безграничной силы примирения в мир и дружбу».

При прочтении имен на гранитных кубах я спросил себя, может ли вообще существовать что-либо, похожее на примирение. Можно ли помириться с кем-либо, кто застрелил твоего отца, деда, брата или друга? Мы – рожденные в послевоенное время – не имеем необходимости в примирении с кем-либо. Так кто и с кем должен примириться? Не является ли слово «примирение» абсолютно неправильно выбранным? Примириться могут противники после спора. В войне Германии против Советского Союза погибли миллионы людей, как может при таких обстоятельствах состояться примирение? Не закрывает ли собой в большей степени это понятие две

различные точки зрения на такое общественное событие, как Сталинградская битва? Уменьшает ли оно горе из-за миллионов смертей? Какую роль играют государственные и политические организации в этом «примирении»? Какие инструменты – формы и методы примирения – выработаны немецкой и русской стороной? Какие последствия для российского и немецкого общества имеет официальная риторика примирения? Не делается ли постоянно вместе с

примирением попытка автоматически подвести черту, согласно максиме: «Мы помирились, все снова хорошо, простить и забыть». Мне кажется, что понимание друг друга над могилами павших могло бы быть более полным, имея оно другие формы. Гораздо важнее воспринять друг друга, верно оценивать и проявлять уважение. Тот, кто пытается прикрыть старые раны примиренческим китчем, достигнет прямо противоположного эффекта. Серьезное толкование (истории) может состояться только тогда, когда проблемы, перенесенные страдания и темные пятна общей истории будут открыто высказаны и станут темой обсуждения.

Перспективы

Мое отношение к местам вроде этого скорее амбивалентно. Насколько я умею ценить атмосферу кладбищ, мемориалов, памятных мест, настолько же часто я сомневаюсь в их целесообразности. Возможно, это дерзкое заявление, но я действительно рискну усомниться в педагогической целесообразности возведения в южно-русской местности, буквально «нигде», столь помпезного сооружения. Волгоград – не оплот туризма. Посетители, которые приезжают сюда, осматривают, как правило, музей-панораму Сталинградской битвы и монументальный памятник «Родина-мать» на Мамаевом кургане. Лишь очень немногие располагают свободным временем, чтобы выехать за пределы города в Россошку. За короткое время нашего пребывания там приехали еще две-три группы туристов. Вполне возможно, что летом

посетители идут активнее, однако этого недостаточно, чтобы оправдать гигантоманию и миллионы евро, которые необходимо ежегодно тратить на устройство солдатского кладбища и поддержание его в порядке. На обратном пути в Волгоград был момент, когда находившийся снаружи монумент показался мне гигантской пустой тратой денег; практически готовый случай, чтобы им заинтересовался Союз налогоплательщиков Германии, ведь служба по уходу за солдатскими захоронениями финансируется в немалой степени из денег федерального бюджета и бюджетов федеральных земель.

Несомненно, для близких и потомков очень важно иметь место, где они могут скорбеть об усопших. Однако как долго родственники смогут предпринимать непростое путешествие сюда? В перспективе можно предположить, что все меньше и меньше посетителей из Германии будут находить дорогу в Россошку. Народный союз по уходу за солдатскими захоронениями недолго будет получать неограниченное финансирование. Готовность немецкого населения жертвовать деньги значительно сократилась в последние годы вследствие различных сложностей относительно переговоров по пенсиям и изменением возрастных показателей его членов. Тем самым Народный союз уже в среднесрочной перспективе будет страдать от дефицита финансирования. Мемориал в Россошке, если заглянуть в его отдаленное будущее, будет брошен на произвол судьбы и придет в упадок. Народный союз между тем явно также исходит из этого, на его официальной странице (в Интернете) можно прочитать: «На противоположной стороне руководство района устроило в 1997 г. захоронения русских солдат. Оно воплощает собой совершенно иную архитектурную концепцию. Однако в результате того, что там имеется одна парковка, из-за общности сети дорог, а также благодаря объединяющей силе природы оба кладбища срастутся и станут единым монументом, направленным против войны.

Что подразумевается под «объединяющей силой природы»? Может быть, сорняки в один прекрасный день сделают всю работу и заполнят собой все дороги и сам мемориал. Может быть, под этим понимается забвение. Забвение тем самым может быть целебным и также служить взаимопониманию. Наше посещение Россошки подняло много вопросов, которые нуждаются в обсуждении. Мы стоим в начале пути, и нам предстоит еще проделать большую работу.

Сандра Дальке – Волгоградский музей-панорама

Музейный комплекс

Волгоградский государственный музей-панорама «Сталинградская битва» был открыт для посетителей 6 мая 1985 года, два месяца после того, как Михаил Горбачев был избран генеральным секретарем ЦК КПСС. Музейный комплекс, который планировался и строился во времена Брежнева, явившиеся кульминацией памятных воспоминаний о Великой Отечественной войне и почитания ее героев, состоит собственно из панорамы битвы, дающей обзор в 360°, и восьми выставочных залов, которые расположены вокруг напоминающего пантеон «Зала Славы». Внешние, темные выставочные залы, которые напомнили некоторым участникам мастерской истории окопы, сильно отличаются от белого, уходящего ввысь и наполненного светом купола Зала Славы. Оформление восьми выставочных залов соответствует типичному для истории Сталинградской битвы советскому порядку представления: зал 2 посвящен началу Сталинградской битвы, зал 3 – мужеству и отваге защитников Сталинграда, зал 4 – уличным боям в Сталинграде, зал 5 – помощи солдатам со стороны населения, зал 6 – контрнаступлению советских трюпов, зал 7 – маршалам и генералам, которые принимали участие в битве, зал 8 – «победе советского народа в Сталинградской битве». В зале 8 находится единственный вход в Зал Славы и к находящейся выше панорамной картине.

Маленькие и большие герои

Называя отдельные помещения и располагая их в определенном порядке, можно достичь, по крайней мере, частично хронологическую и причинно-следственную организацию экспонатов; однако, речь идет не столько о конкретных связях, соотношениях или временной последовательности событий в битве, сколько о маленьких и больших героях при кровопролитной защите Сталинграда. Проходя по отдельным залам, посетитель должен понять испытания и геройские поступки простых жителей Сталинграда, рабочих, врачей и медсестер, солдат, политических и военных

руководителей. Большинство представленных здесь людей получают и одновременно теряют свою индивидуальность через типичную краткую биографию, многочисленные фотографии и портреты, несущие отпечаток социалистического реализма. Их страдания и самопреодоление переживались как каждым индивидуально, так и должны были в их типичности служить примером. Зал Славы образует сакральный центр музея, в котором посетитель завершает свой поход, конечно, если он придерживается заданного порядка. В этом зале маленькие и большие, живущие и мертвые герои после совместно пережитых мучений и благодаря представленной коллективной готовности к пожертвованию сливаются в картину одного советского народа. Как архитектура музея, так и выбор, и расположение экспонатов до сих пор выполняют задачу продлить культ героев, интегративное воздействие Великой Отечественной войны и распространить это влияние на мирное время, обязать родившихся позднее к самоотверженной службе за государство.

Белые пятна

Таким же убедительным, как все представленное, показанное, является не упомянутое или сокрытое: современная советская хроника событий и документы о немецко-советском Пакте о ненападении от 1939 года хоть и находятся с недавнего времени в музее, но представлены они на выставке в тяжелых металлических пластинах, которые расположены менее заметно, по краям выставочных залов. Как критично заметила ведущий сотрудник музея, экономические связи и отношения, на фоне которых проходила битва, освещены очень поверхностно. Преступления сталинского партийного руководства против советского населения вообще не находят отражения: последствия коллективизации на юге России, террор против верхушки Красной армии в 1937-1938 годах, депортация целых групп населения, стратегические ошибки и военная некомпетентность, равно как и осознанное решение сталинского партийного руководства не производить эвакуацию города и, таким образом, допустимость большого числа жертв среди гражданского населения – все это нигде не упоминается. В разговоре с участниками мастерской истории ведущий научный сотрудник музея сказала, что данные аспекты не могут быть представлены или представлены в музее лишь отчасти и завуалировано, поскольку необходимо принимать во внимание немногих еще живущих ветеранов, достижения и жертвы которых требуют уважения. Их расплывчатые и туманные формулировки о влиянии российского министерства внутренних дел и военных советников при оформлении выставки, как и актуальная историко-политическая культура позволяют предположить, что критическое переоформление, изменение выставки не являются желаемыми.

Ритуал: праздник Победы

Триумфальный прием, Февраль 2007

Музей принимает участие в торжественной церемонии. Каждый год 2-го февраля в связи с победой над немцами в музее-панораме проводится прием для ветеранов. В этом году присутствовать при данном мероприятии смогли и участники мастерской истории. Церемония начинается с возложения венков в память о погибших у Вечного огня на Аллее Героев в центре Волгограда. Избранные ученики и ученицы из многих школ несут в военной униформе вахту у Вечного огня. Вслед за этим ветераны собираются в Зале Славы музея-панорамы, где организован показ документального фильма о войне. У

входных дверей их также встречают 15-17-летние юноши и девушки в униформе, что является существенной частью церемонии. Как представительницы молодежи две девушки дали патриотическое обещание присутствующим ветеранам так же, как и они,

защищать отчизну и перенять у них эстафету. Используя мотив передачи эстафеты следующему поколению и обещания молодежи перед лицом старших, осуществляется переход одного существенного элемента ритуального инвентаря сталинской диктатуры в другой контекст. В своем символическом значении обещание существенно отличается от индивидуально-обусловленной клятвы. Обещание девушек расценивается как обещание всей молодежи, которая тем самым символически приравнивает себя к коллективу защитников. В качестве представителей от российского государства в церемонии принимали участие губернатор Волгоградской области и его заместитель, которые обратились с речью к присутствующим, засвидетельствовали передачу эстафеты и, таким образом, придали ей официальность.

Интерес к церемонии, особенно со стороны молодежи, проявляли скорее некоторые, многим церемония казалась анахронизмом. Число тех немногих живых ветеранов, которые пришли на мероприятие в украшенной орденами униформе, составило приблизительно 40 человек. На церемонии присутствовали в качестве зрителей лишь немногие пожилые люди.

Историческая политика и новые формы самопредставления

Даже если актуальная путинская историческая политика активно пытается исходить из патриотической формы памяти, особенно типичной для брежневских времен, и способствовать таким образом созданию в обществе, ищущем ориентиры, «империальной идентичности», церемонии такого рода, как кажется, не оказывают теперь большого влияния на молодежь. В 2002 году Путин издал декрет о «Патриотическом воспитании граждан Российской Федерации». Необходимо усилить у молодежи желание служить в армии и готовность защищать отечество. В соответствии с этим Путин пригласил историков создать новый учебник по истории, который придавал бы большее значение, почтение Великой Отечественной войне и заслугам русских генералов, чем ранее. Чтобы подчеркнуть это стремление, он приехал 2-го февраля 2003 года, в годовщину празднования 60-летия конца Сталинградской битвы, с большой делегацией в Волгоград. Результатом этой новой политики явилось повторное введение для юношей в русских школах уроков военной подготовки и военизированных спортивных занятий, которые находят поддержку у подростков мужского пола.

Кажется, что в вопросах патриотического воспитания молодых людей большего воздействия, чем старомодные церемонии в музеях, достигают милитаристские, ксенофобские, прославляющие атавистическую мужественность новые фильмы, как например, «Наши» Александра Невзорова, фильм из двух частей «Брат» (1997 и 1998) и «Война» Алексея Балабанова. Эти фильмы о русских Рэмбо пользуются большой популярностью и вдохновили также президента собственной персоной на недавнее появление перед камерами с голым мускулистым торсом, которое оказалось для западных наблюдателей несколько странным, но, тем не менее, эффективным для эфира.

Штефан Лангкабель – Волгоград 1

Во время нашей поездки в Волгоград я пережил мою первую русскую зиму. (...)

Церемонии к годовщине битвы я представлял себе торжественней и компактней. Я испытал странное чувство, глядя на ветеранов. Сейчас, как мне кажется, я лучше могу понять, что у людей появляются патриотические чувства, несмотря на то, что все проходило несколько чопорно, натянуто, формально. Мне показалось, что ветераны только раз в год выходят «из своего убежища». Где же они в другое время? До этого в России я встречал лишь несколько старых людей. Что делали ветераны после церемонии? Пошли ли они потом просто по домам, был ли официальный банкет? Говорят ли что-нибудь сами ветераны на таких церемониях или они являются просто

пассивными слушателями, если не сказать статистами? Бывшие когда-то героями, получают ли они более высокую пенсию, чем другие граждане в пенсионном возрасте? Тогда я поймал себя на мысли, что празднества кажутся мне лицемерными, надуманными. Некоторые вопросы остались для меня открытыми.

Обращение русских с немецким оружием и немецкими символами меня очень удивило. Кажется, что у каждого второго мальчишки в его комнате лежит немецкий стальной шлем. У принимавшего меня хозяина было два таких. Как-то утром меня угостили чаем в чашке со свастикой и немецким орлом. Фашистские символы несут меньший негативный заряд, чем у нас, обращение с ними не кажется напряженным. Я уже часто слышал, как удивляются иностранцы немецкому чересчур восприимчивому, острому отношению к нацистским символам и жестам, например, поднятию правой руки. Конечно, им хорошо говорить, им ведь не надо нести бремя нацистской истории.

С одной из участниц проекта я вел дискуссию о реквизитах и находках, которые собирали двое из наших русских участников мастерской истории. В принципе, я уважаю тех, кто интересуется армией и военным делом. Я сам какое-то время интенсивно этим занимался. Однако я заметил, что я восприимчиво отношусь к личным вещам. Когда перед тобой лежит воинская книжка немецкого солдата – это очень странное чувство. Предположительно, некоторые отверстия от пуль в стальных шлемах были проделаны позже. Однако сама мысль о том, что кто-то здесь, так далеко от «родины» был смертельно ранен, а с его «останками» обращаются, как с сувениром или чем-то подобным ... Все это неприятно изумило меня. Я не хотел бы проводить границу между немецкими и советскими солдатами, хотя лично мне ближе судьба немецких солдат. В любом случае, я заметил, как во мне затронули болезненное место. Мне вспомнились слова «отсутствие почтения, уважения». Особенно отчетливо перед глазами встала вся бессмысленность того, почему и зачем немцы воевали в Сталинграде, так далеко от родины. Особенно это чувствуешь, когда стоишь на немецко-русском солдатском кладбище в Россошках и смотришь в широкую, голую степь. Вести войну, чтобы завоевать такую безотрадную местность?! Как будто немцам с их «обществом благосостояния» (по сравнению с советским уровнем жизни на тот период времени) это было так нужно.

Как говорилось раньше, отчасти я могу понять интерес к военному делу и войнам. Так, мне нравятся некоторые, типичные для войны феномены, например, братство, товарищество, героизм, единение, сплоченность. «Правила войны» предлагают показать себя, играть героя ... В данном случае затрагиваются, наверное, глубокие мужские потребности.

Что я хотел бы в заключение сказать: Я понимаю очарование, вызванное военным делом. Однако никогда не следует забывать, что все оружие создано и придумано для того, чтобы убивать. В конечном счете, здесь прекращается все очарование!

Что касается увлечения войной, то здесь речь идет не о феномене только среди русских и немецких подростков. Я рассматриваю это как общую проблему преимущественно лиц мужского пола. Описанная выше ситуация, в которой немецкие участники отчасти с юмором, отчасти наивно заинтересованно рассматривали оружие, была для меня уже удручающей! Схожие реакции вызвала у меня чашка со свастикой.

Квинтэссенцией нашей первой поездки стало для меня то, что я хотел бы в своей дальнейшей профессиональной деятельности заниматься проектами, которые служили бы утверждению, закреплению мира. При этом важна работа с подростками, молодежью. Сталинград как символ бессмысленности войны напрашивается сам собой.

Констанце Штолль – Что кажется мне не терпящим отлагательства или: Что делает наше немецко-русское взаимопонимание по поводу различных культур памяти таким трудным?

Для начала

Я вспоминаю о четырнадцати днях нашего пребывания в Волгограде в феврале 2007 года – как раз во время 64 годовщины окончания битвы при Сталинграде – как о полных и напряженных. Как о холодных и забирающих силы, не столько из-за ощущаемой минусовой температуры и кашля, который мучил меня целых две недели, а скорее из-за холода, идущего от предмета воспоминаний – Сталинградской битвы – из-за сложности с понятиями и моего впечатления, что при коммуникации мы все время оказывались в тупике. А также из-за ужаса этой битвы. Существует несколько мест в этом мире, где до сих пор чувствуется национал-социалистский террор – Волгоград является для меня одним из них. Меня угнетает физически и морально бесстыдство той воли к разрушению и истреблению, которая была присуща национал-социалистской военной логике. В моем багаже – боязнь, ярость и ответственность как немца, а также нежелание «любови к отчизне». В этом ничего не меняет постоянно слышимый странный совет некоторых волгоградских друзей – освободиться, наконец, от этого типично немецкого комплекса неполноценности. Меня мучает национал-социалистское прошлое немцев не в связи с биографическим и, таким образом, возможно, несущим вину стечением обстоятельств, это, скорее, ужас от того, что эта катастрофа сделана людьми. Простой страх перед войной, отвращение от вытеснения, замещения переживаний. Ужасно, жутко.

Чтобы предотвратить неправильное впечатление: Встречи, общение между нами, русскими и немецкими участниками и участницами, казались мне совсем не холодным или затруднительным. Конечно, более свободное обхождение наших волгоградских коллег с историей разрушения своего города – что является, наверное, способом длительной защиты, который становится возможным благодаря триумфальному культу героев – помогло пережить ожившую через воспоминания реальность войны:

Какой Бог?

убийства, насилие, смерть от холода и голода. Мне казалось, что мы могли хорошо понимать друг друга, как бы настраиваясь на общение друг с другом, что в нашей команде были теплые встречи, легко достигался обмен мнениями, несмотря на языковой барьер. Прежде всего, скоро выяснились схожие моменты в образе мыслей, обусловленные тем, что мы принадлежим к одному поколению. Национально-идеологические отличия быстро нивелировались и стали для обеих сторон источником вдохновения. Желание все время работать,

думать и размышлять, каким образом мы можем приблизиться к предмету нашего проекта, к решению поставленных задач, было огромным.

Я остановлюсь на некоторых аспектах, чтобы показать, что для меня представляется сложным при решении задуманного нами.

Ключевые наблюдения – немецкие воспоминания о «Сталинграде»

Как мы выяснили, существенным для немецкой культуры памяти является то, что, с одной стороны, в немецком обществе о «Сталинграде» часто вспоминают; в 50-60-ые годы память о Сталинградской битве отражается, в основном, в художественных фильмах и романах. В 70-ые годы Вторая мировая война и, соответственно, Сталинград не играли существенной роли в общественной памяти. С 1980 по 2003 год (год 60-летней годовщины «гибели, поражения 6-ой армии») накапливается телевизионная документация по этой теме. С другой стороны, данные сообщения транслируются по телевидению, в основном, к юбилейным годовщинам или по менее значимым каналам. Единственными в своем роде были в Германии две выставки о преступлениях вермахта⁵¹, а также выставка о Сталинградской битве в 2003 году в

⁵¹ Первая выставка была показана с 1995 по 1999 в 33 различных местах, вторая выставка носила другую идею, согласно которой битва при Сталинграде и путь 6-ой армии более не выделялись по отдельности, и была показана с 2001 по 2004 в 11 местах.

музее Берлин-Карлсхорст. В Главном немецком историческом музее в Берлине, в отделе, относящемся к войне на Восточном фронте, на Сталинградской битве внимание особо заостряется. Хотя событие, о котором часто вспоминают, не имеет пространственных связей с Германией – Сталинград не находится в Германии, не существует музея и нет станции метро с одинаково звучащим названием, Сталинград присутствует в качестве места памяти в сознании немцев как одно из важнейших исторических событий Второй мировой войны. Это значит, что Сталинград является в Германии памятным местом вне пространства.

Во время размышлений и анализа в немецкой группе мы пришли к заключению, что общественная память и память, находящая отражение в средствах массовой информации, сильно отличаются от научных споров и их результатов. Соответственно, отличаются также значение битвы и роль, которая сегодня отводится «Сталинграду» в общественном мнении и/или в специализированном, историографическом, мире.

Так как во время работы нашей мастерской истории в Германии не проходила никакая выставка, то мы сконцентрировались на анализе выбранных отрывков из фильмов, изучении научных текстов, а также сами проводили интервью с современниками тех событий и членами их семей. Информация, которую мы передали нашим русским коллегам, состоит в том, что в общественном сознании большинства немецкого населения не случайно преобладают следующие предположения и ассоциации:

- битва при Сталинграде представляет собой поворотный момент в войне на Востоке;
- 6-ая армия считалась непобедимой;
- немецкие воины были дисциплинированными и послушными;
- немецкие солдаты предстают в воспоминаниях исключительно как жертвы военного командования, при этом ответственность должны нести несколько «негодяев», которые презирали людей и были ни на что не способны;
- участие немецких солдат вермахта 6-ой армии в уничтожении советского (украинского, еврейского, русского) гражданского населения не упоминается;
- фашистские, антисемитские, антибольшевистские воззрения немецких солдат также не упоминаются – замалчиваемым остается и сохранившийся до сегодняшнего дня антибольшевизм некоторых современников событий (в еще большей мере это относится к латентному антисемитизму многих современников событий);
- в высказываниях современников постоянно проскальзывает печаль, сожаление о несостоявшейся победе;
- в общем и целом, память и/или знания о фактических событиях являются достаточно ограниченными: немцы, в особенности молодые люди, знают немного об этом событии Второй мировой войны. Мы наблюдаем и другой феномен, который, однако, не можем подтвердить статистически, как это делает социальный психолог из Эссена Гаральд Вельцер: У немецкого поколения детей (например, родившихся в 1932 году), родственники которых не были задействованы в Сталинграде, нередко отрицается способность помнить. Это происходит под предлогом того, что они были подростками (сам по себе уже странный критерий для способности помнить), а также того, что взрослые ничего бы не сказали лишнего в условиях большой секретности нацистской пропаганды. Часто можно услышать пустую фразу: «Мы ничего обо всем этом не знали». Данный ответ является значимым для объяснения позиции этого поколения: Единственно возможная память (о чем бы то ни было) связана причинными отношениями с дошедшим до нас и здесь не используемым знанием о холокосте, становясь, таким образом, неприемлемой. Формулируя положительно, можно сказать: «Неспособность к воспоминаниям» объясняется нацистской пропагандой и политикой секретности. В этой логике присутствует моральный императив, который опять-таки был нарушен нацистами. Если бы нацисты так хорошо не скрывали свои злодеяния, то можно было бы о них

догадаться; следовательно, сегодня существовала бы память о них, и, возможно, – и это является собственно центральным моментом – конкретная семья тоже смогла бы противостоять тем ужасам. А так ...⁵²

Эти воспоминания, эта культура памяти до сих пор определяют по преимуществу миф о Сталинградской битве в Германии. Этот миф в большой степени раздувала машина пропаганды Геббельса еще до того, как 6-ая армия действительно капитулировала 2 февраля 1943 года. *Мифическое* в этой форме памяти создается при помощи подбора слов в названиях (например, «Гибель (дословно: закат) 6-ой армии» в особенности у Гидо Кноппа, который опирается на язык национал-социалистской «народной общности», а также при помощи постоянно встречающегося упоминания битвы как исторической вехи для «Немецкого рейха», как определенного поворотного момента в военных событиях). В этой связи правильнее и точнее для общественного дискурса было бы установить, что восприятие битвы как вехи не может относиться к военно-стратегическому ходу событий, а должно восприниматься как симптом окончательно надломленной военной эйфории немцев: надежда на победу исчезала на глазах.

Русская память о «Сталинграде»

В начале нашего проекта с русскими коллегами мы основывались, прежде всего, на прямом сравнении высказываний. При этом, как мне кажется, мы довольно быстро

Чествование ветеранов

установили наличие некоторых схожих черт. Так, признанными историками и специалистами также подтверждается наличие в российском обществе схожего расхождения между мнением большинства, так называемым мейнстрим-мнением, и мнением научной элиты: Результаты исследований с трудом приживаются среди населения. Конечно, в Германии так же, как и в России, это связано с разными функциями памяти, которые отличаются применительно к большинству населения и людям с профессией историк. Тем не менее, общество не должно отказываться от достижений сопоставительных

исследований и анализа историографических документов, особенно если речь идет о коллективных воспоминаниях, о памяти, способствующей созданию идентичности.

Неточность в понятиях и первые предположения

Мы постоянно говорили о воспоминаниях и памяти, как будто точно зная, что под этим мы подразумеваем. Беседы с русскими коллегами показали, однако, что это не так. Уже в вопросе употребления и перевода немецкого глагола «erinnern» (что дословно означает по-русски «помнить, вспоминать») не было единства мнений. В то время как мы, немецкие участники и участницы, понимаем под «erinnern» осознанное когнитивное действие, на которое оказывает влияние общественная мода и (не)свобода и которое, таким образом, подвержено изменениям, то русское

⁵² В этой позиции для меня является очевидным то, о чем Бернд Ульрих пишет при упоминании о памятном месте «Сталинград», а именно, что национальная идентичность немцев непосредственно связана с печатью совершенных ими преступлений. Там, где нельзя помнить, где идентичность не должна подкрепляться личными воспоминаниями о прошлом, так как то, о чем действительно помнят, то, о чем надо помнить, или то, что вытесняют из памяти / забывают, возможно, подразумевает укоры совести или даже признание своей вины, там прошлое отказывается служить настоящему и будущему: Призывы, как например, «никогда снова» и ему подобные растворяются и приводят к невежеству. Схожие примеры, я в этом уверена, существуют и с русской стороны, там, где предпочитают не вспоминать, поскольку воспоминания нежелательны.

понимание, выраженное собственно глаголами «вспоминать о чем-нибудь» (sich an etwas erinnern, etwas gedenken), «напомнить о чем-нибудь/что-нибудь» (an etwas erinnern), не четко выражает идею конструирования, по крайней мере, как это представилось нам. Благодаря влиянию постмодернистских деконструктивистских представлений в Германии история как наука стала открытой для понимания ее как собрания равнозначных нарративных текстов, смысл, содержание и принципы трактовки которых изменчивы и во многом зависят от рассказчика и его перспективы. В Волгограде же, в основном, с официальной стороны мы постоянно сталкивались с 'допостмодернистским' воззрением, господствующим отношением к памяти, согласно которому не бывает различных воспоминаний, так как существует *одна* «истинная» история; как будто история понимается как количество: *одно* событие с *одним* обоснованием.

Русское слово «память» переводится на немецкий язык как «Erinnern» или как «Gedächtnis» – в качестве иллюстраций можно сравнить каталог для выставки в музее Карлсхорста «Stalingrad erinnern/Память о Сталинграде». Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что «память» понимается не столько как исходящее от индивида активное действие, сколько как наполненная определенным содержанием позиция коллектива, дающая возможность сделать прошлое настоящим и оценить его: Коллективная память как ритуал идентификации с определенным канонem, который не является обусловленным гетерогенными перспективами того, что пережили и помнят, а программируется свыше.

Мы так до сих пор не спросили, обсуждаются ли во время изучения истории в волгоградских университетах музейно-педагогические теории аутентичности переданной истории и проверяется или исследуется ли достоверность переданной истории. Мне показалось, что некоторые соображения официальной исторической науки не поддерживаются и к тому же являются нежелательными, как например, не навязывает ли в ретроспективе летопись истории определенный смысл некоему хаотичному комплексу не связанных друг с другом случайностей и решений, на которые повлияли люди, или можно ли совсем по-другому трактовать тот или иной эпизод битвы в зависимости от перспективы рассказчика.

С этой предположительной разницей в научно-дискурсивной практике соприкасается еще одно отличие. Кажется, что немецкие студенты расплачиваются отсутствием фактического знания: мы быстро ставим под сомнение рассказы о геройствах в битве под Сталинградом на предмет избитости, констатируем несравнимо большее количество белых пятен в других рассказах и хоть и выражаем ветеранам уважение,

... никакого второго мнения

но невысоко оцениваем пользу от их свидетельских рассказов из-за очевидного использования их официальной пропагандой. С другой стороны, мы все-таки очень мало знаем о Сталинградской битве в отличие от наших русских коллег, знания истории которых, в основном, строятся на изучении фактического материала. Естественно, кажется, что они все знают о битве под Сталинградом: какие геройские дела совершили отдельные бойцы, когда какие решения принимались и какими генералами и т.д. Цена,

которую они за это платят, по моему мнению, заключается в том, что они совсем не получают или получают очень мало средств, способов для интерпретации. История уже написана – теперь ее можно только лишь усваивать, или учить наизусть. И они знают, о чем лучше не спрашивать. И как подтверждение предположения, что не всякая зубрежка фактического материала способствует появлению интереса к истории

или бережному отношению к прошлому, звучат жалобы коллег и интересующейся историей молодежи на то, что волгоградские подростки ничего больше не знают о Сталинградской битве. Мне показалось, что в данном случае воспроизводилось распространенное мнение взрослых о регулировании данной ситуации, но никто не задавался вопросом, что действительно будет способствовать интересу к истории, какие механизмы лучше всего подходят для передачи накопленных воспоминаний. У меня закралось подозрение, что неизменяемое и централизованное изложение истории в музеях является причиной того, почему волгоградская молодежь, которой сегодня сложнее руководить, управлять, возможно, проявляет меньше интереса к истории в общем и к истории города в частности.

В этом контексте заново встает центральный вопрос: Почему мы должны или хотим что-то знать об истории? Что мы должны знать об истории? Какая польза от исторических данных?

Здесь расходятся образы мыслей в двух системах.

Здесь я сталкиваюсь с ключевым отличием между системами, которое, как я думаю, усложняет нашу коммуникацию: Существует различное отношение в вопросах права на субъективное мнение и возможность высказывать критику. В Германии более определены предпосылки для интерпретации, умение Германии, служащее мериллом для определяющих исторических событий, – это более или менее свободно выражено наряду с интерпретациями других инстанций. В настоящее время между ними нет единства мнений, что отражается в спорах историков и общественных дебатах. Накануне нашей первой поездки в Волгоград подтвердилось предположение, что история в России подчинена иерархической системе толкования, в которой государственные инстанции претендуют на первенство при интерпретации – и, в принципе, таковым и обладают. Так, персонал государственного музея-панорамы проверял заранее русских участников на предмет того, достаточными ли фактическими знаниями они обладают, чтобы принимать участие в проекте, в рамках которого проводится анализ выставки музея. Приписка «критический» в связи с нашей задачей «анализа» двух выставок в Волгограде послужила красной тряпкой для работников музея.

«Выбираю службу по контракту»

При попытке объяснить русским музейным работникам нашу задачу, которая заключалась в целенаправленном критическом анализе выставок на предмет памяти русских о Сталинграде, я поймала себя на мысли, что я также думаю о сделанном нам упреке, что мы якобы хотим, в первую очередь, дискредитировать память о русских жертвах. Кстати, у меня складывается такое же впечатление в общении с некоторыми немцами, которые в беседах компенсируют белые пятна в воспоминаниях о Сталинграде через замещение, вытеснение и однобокое освещение событий, а к моим переспросам относятся с непониманием и сомнением. Также у моих русских коллег по мастерской истории я заметила опасение и чувство неловкости, стеснения, которые переходили в упрямство накануне встречи с работниками музея, если речь шла о том, чтобы претендовать на собственную интерпретацию истории. Мы все исходим из существования разницы во мнениях, которую, как кажется, тяжело преодолеть или конструктивно решить.

Так, например, интерес к разоблачению мифов либо совсем не понимается и, соответственно, не разделяется, либо расценивается, в целом, как нападки на традиции и безопасность, спокойствие общества. Сопровождающая наш проект

русский историк неохотно спросила однажды, какую цель преследует разрушение мифов. Прошло какое-то время, прежде чем я сообразила, о чем речь: Если задачей мифа является редуцировать события до рамок идеологизированного рассказа с односторонней, однобокой привязкой к действительности, то я совершаю хорошее дело, разоблачая скрытый (имплицитный) антиплюралистический и некритичный к действиям господствующей власти призыв по созданию не подлежащей сомнению национальной идентичности путем «правильного» толкования истории. Я не хочу быть обязанной верить в то, во что другие хотят заставить меня поверить только потому, что они в этом видят пользу для государства. Между Германией и Россией существует элементарная разница в культуре мнений, споров, дебатов.

Такая оценка «духовных» свобод в Германии и России не должна означать, что я думаю, что при характеристике немецких граждан речь идет о замечательных, политически заинтересованных людях с непредвзятым мнением и критическим настроем по отношению к господствующему строю. Наши русские коллеги не являются некритичными тихонями. Однако критика наших волгоградских коллег в сторону музея-панорамы о том, что он скорее скучен, а выставка неинтересна, формулировалась только вполголоса. Исключительно теоретическая возможность критического участия в переоформлении выставки так же мало рассматривается, как и возможность ее осуществления. Музей-панорама является памятником своего времени и в этом смысле не может, не должен изменяться.

Вывод

Отчасти нескрываемая, от скептической до агрессивной, позиция к работе мастерской истории со стороны музея-панорамы осложняла коммуникацию. Я предполагаю, что данные сложности были вызваны содержательным различием понимания воспоминаний, памяти о Второй мировой войне и/или Великой Отечественной войне. В определенной степени, данная проблематика носит технический характер и затрагивает вопрос, как мы хотим оформить совместную работу с музеями: Какое пространство мы еще не задействовали, какие резервы не исчерпали? Музеи – это не только учреждение, доступное общественности, которое мы посещаем так часто, как хотим. Речь идет о кооперации, вследствие которой через музеи также передаются результаты нашего анализа. Поэтому нам следует стараться вести с музеями конструктивную и приносящую пользу дискуссию и искать возможности, как мы можем убедительно показать, что нашей целью является сенсбилизация общества по отношению к Сталинградской битве и, таким образом, забота о сохранении памяти, воспоминаний о преступниках и жертвах. Каким образом мы хотим достичь запланированных в проекте «рекомендаций по расширению выставок», является в этой связи загадкой. Возможно, уже большим достижением было бы, если бы нам удалось создать флайер (проспект)-практическое руководство с исключительно некритической информацией и поместить его в музей-панораме рядом с кассой. Но хотим ли мы этого?

Рабочая встреча

Базовые отличия в понимании относительно представленности истории тянутся не столько вдоль национально-идеологической разграничительной линии – например, здесь немецкое, там русское мнение – сколько вдоль транснациональной линии поколений. Это утешение, которое привел бывший руководитель Немецко-русского музея в Карлсхорсте Петер Ян, чтобы ободрить нас и настроить на дальнейшие

дискуссии о Сталинградской битве и ее значении. Мотивация для этого у нас существует уже благодаря факту нашего существования: Мы являемся преемниками, наследниками военного поколения, наша идентичность поневоле основывается на пережитом, на воспоминаниях наших предков. Это уже является причиной, чтобы разбираться и дальше, исследовать формы репрезентации истории. Шансы для познания чего-либо нового, благодаря возможности, которую предоставляет для межкультурного обмена наша немецко-русская мастерская истории, являются хорошими!

София Ромадина – Мои мысли о проекте (Февраль 2007)

Сегодня я слушала лекцию о Великой Отечественной войне и поймала себя на мысли о том, что я волей-неволей вспоминаю о проекте и думаю – а что дальше? Кроме того, остается невыясненным вопрос о памяти и воспоминаниях, а это, на мой взгляд, один из самых интересных вопросов. Начать надо с историографии, а потом выработать свою концепцию, основанную на проведенных анкетах, и, возможно, на опросах общественного мнения среди студентов и более старших поколений, среди специалистов и обычных людей, потому что все мы понимаем, что есть огромная разница между наукой и общественной историей. Проблема современной истории в том, что для общества ее формируют не историки, а публицисты, математики, журналисты, поэтому картина получается отнюдь не соответствующая действительности (такова ситуация в России).

На упоминавшейся уже лекции я четко осознала то, что мы знаем много и подробно о Сталинградской битве и не знаем почти ничего о Второй мировой войне и гитлеровской армии, и этот пробел в знаниях русских людей не восполняет ни школьное образование, ни музеи, ни, что самое грустное, профессиональное образование.

5 Анализ музейных экспозиций

Анализ постоянной экспозиции Государственного музея-панорамы Сталинградской битвы, проведенный в рамках работы немецко-русской мастерской истории. Волгоград, февраль 2007 г. (Торстен Хоппе)

Приведенный ниже текст содержит итоги анализа экспозиции волгоградского музея-панорамы Сталинградской битвы, проведенного немецко-русской мастерской истории. Анализ проводился на основании анкетирования, состоявшегося в феврале 2007 г. после совместного посещения музея, при этом его результаты были зафиксированы во время последующей работы в группах. Согласно заявленной цели проекта – мастерской истории – постоянная экспозиция должна была быть изучена на предмет концепции, выполняемой ею миссии, функций. Именно на выполнение этих намерений и был ориентирован составленный совместно перечень вопросов.

В своем нынешнем виде музей был открыт в 1982 г., в то время как его предшественники существовали уже начиная с 1937 г. На площади в 4500 квадратных метров в восьми залах выставлены около 3500 экспонатов. Фирменным знаком музея является панорамное полотно «Поражение фашистских войск под Сталинградом».

Музей-панорама в Волгограде

Архитектура и дизайн музейного комплекса соответствуют тематике и производят впечатление тщательной продуманности; подчеркиваются «торжественность» и «триумфальность» исторического события – победы. Тематическая и хронологическая организация материала отражается и в архитектурном расположении

выставочных залов: восемь пронумерованных залов с небольшим количеством витрин, отражающих хронологию битвы и отличающихся друг от друга по тематике равномерно сгруппированы вокруг «Зала славы». Исходя из количества выставленных экспонатов и их размещения можно выделить тематические акценты, как-то: представители генералитета, оружие, подарки, модель г. Сталинграда.

В темных выставочных залах царит давящая атмосфера. Исключением является просторный «Зал славы»: там светло, и хотя посетитель при входе ощущает себя маленьким, он испытывает чувство свободы. В общем музей напоминает культовое сооружение.

В самом хронологическом расположении залов доминирует тематический принцип, а также взгляд на историческое событие с советской точки зрения. В результате слабой событийно-исторической контекстуализации битвы и строгой избранности тематического оформления залов – «Смелость и мужество», «Уличные бои», «Помощь мирного населения солдатам», «Контрнаступление», «Маршалы и генералы» – экспозиция не оставляет пространства для толкования многих важных и пересекающихся друг с другом (взаимопроникающих) аспектов с различных точек зрения пострадавших во время того события.

Экспозиция скорее заостряет внимание на презентации результатов реальности, уже получившей интерпретацию, и тем самым дает понять, что все было именно так, а не иначе. Представленная таким образом история Сталинградской битвы не поддается толкованию, она не подается как лишь одна из прочих возможных моделей прошлого. Это значит также, что выставка непреднамеренно делает историю с музейно-педагогической точки зрения предметом торга. Другими словами, музейная презентация события полностью совпадает с самим событием. Так, прошлое находит продолжение в настоящем; посетитель попадает в ситуацию, которая постулирует наличие минимальной дистанции между сегодняшним днем и прошедшим событием.

Музейно-педагогическая концепция презентации истории не является абсолютно прозрачной; отсутствуют дидактические ссылки на точку зрения ее организаторов относительно воспоминаний об истории; но глобальный смысл памяти о битве, культ героев сразу становятся понятными.

Наряду с многочисленными фотографиями среди экспонатов выставки находятся оружие, форма и ордена, медицинские инструменты, картографический материал и письменные источники, а также отдельные макеты. До пушек и танков можно дотрагиваться руками, большинство прочих экспонатов, напротив, хранится под стеклом. Более тщательный осмотр затрудняется плохим освещением. Несмотря на то, что некоторые предметы повторяются, и их расположение производит впечатление неоднородности, они все же сгруппированы не совсем в произвольном порядке. Так, целенаправленно были отобраны изображения людей, которые выступают представителями триумфа Советского Союза. В некоторых витринах выставлены также предметы быта, которые являются своеобразными документами истории и принадлежат обычным людям. Поскольку посетитель все же не узнает более подробной, детальной информации относительно выставленных объектов, они служат исключительно иллюстративным материалом.

Экспозиция абсолютно не уделяет внимания культуре памяти и ее изменению. С точки зрения ответственных политических деятелей рассказывается о героической победе Красной армии над фашистами и их союзниками. Страдания мирного населения практически не затрагиваются, избегается также критический взгляд на ведение войны тогдашним руководством Советского Союза.

Целью выставки совершенно очевидно является воспитание патриотизма, посетители должны идентифицировать себя с изображенными героями. Чтобы понять суть экспозиции, посетителям требуется дополнительная информация; явно предполагается, что у них имеются базовые знания о битве или, соответственно, о

Второй мировой войне. Буклет с дополнительной информацией можно приобрести на месте, однако он недостаточно информативен.

Музей-панорама интерпретирует Сталинградскую битву с советской позиции, и он претендует на то, что в нем представлена единственно возможная точка зрения на изображаемое историческое событие. Тем самым музей представляет официальное прочтение истории, другие взгляды систематически не принимаются во внимание. Акцент в экспозиции сделан на культ героев, при этом воспроизводятся мифы и стереотипы о Сталинградской битве, и посредством устройства и архитектурного решения происходит воздействие на эмоциональную сферу проходящих сюда.

Музей «Память»: Концепция, Структура, Судьба (Антон Артамонов)

Музей «Память», о котором пойдет речь ниже, на мой взгляд, не похож на все существующие музеи. Во-первых, здесь в период Сталинградской битвы располагался штаб 6-ой полевой армии Вермахта, а 31 января 1943 г. был пленен её командующий фельдмаршал Паулюс.

А, что во-вторых? Чтобы ответить на этот вопрос, проанализируем музей с нескольких позиций: концепция, структура и дизайн музея.

Концепция музея заключается в попытке показать посетителям войну глазами простого солдата. Для этого в нем представлена униформа, личные вещи и документы, в том числе письма немецких солдат из Сталинградского котла. Поскольку ранее в подвале находился советский, а затем немецкий госпитали, в экспозиции представлены медицинские принадлежности и униформа военных медиков немецкой и советской армий..

Члены мастерской истории, Январь 2007

Недостатки концепции на лицо, т.к. ее как таковую сложно выделить. С одной стороны, музей показывает общие итоги Сталинградской битвы, чаще исходя из количества пленных солдат противника. С другой стороны, он показывает закономерность пленения Паулюса: не только само место обязывает, но и сам факт сдачи фельдмаршала в плен – эпилог Сталинградского сражения. Вместе с тем, музей повествует об этом событии не в полной мере, поскольку нет достаточного обзорного материала, освещающего конкретно этот момент.

Теперь несколько замечаний о структуре.

Экспонаты музея расположены в несколько хаотическом порядке. Например, основной коридор музея загроможден различными вещами, в значительной степени не относящихся к данному помещению. В частности, немецкий мотоцикл. Он никак не вписывается в обстановку музея, тем самым лишняя раз отвлекая посетителя от концепции. Что касается стендов, висящих на стенах, то на них, как правило, не присутствует заголовка, поэтому и определить их тематику без помощи экскурсовода сложно. Наиболее удачны, с моей точки зрения, залы, представляющие немецкого и советского солдата. В них посетитель найдет униформу, личные вещи и предметы снаряжения.

Поскольку само здание довоенное и подвал универмага не подвергался реконструкции, экспонаты выставки очень хорошо вписываются в общую атмосферу. Однако некоторые компоненты экспозиции выполнены не вполне убедительно. Речь идет о комнатах с картонными фигурами солдат, намазанными фосфором, а также комнате, в которой представлена фигура Паулюса, не имеющая даже соответствующей времени формы одежды. Единственный зал, заслуживающий

доверия в этой связи, - это комната с ранеными солдатами: и обстановка помещения, и дверь с навесным замком выглядят очень достойно.

*Инсценировка пленения Фельдмаршала Паулюса,
Январь 2007*

Несмотря на некоторые, в том числе существенные, недостатки, замеченные мною в экспозиции, музей пользуется популярностью среди населения, особенно школьников. В это связи интерес вызывает общественная кампания, развернувшаяся в Волгограде в ответ на решение о закрытии музея. Живое обсуждение судьбы «Памяти» в местных и общероссийских СМИ не обошло стороной и нашу мастерскую. Так, одной из тем для обсуждения на Open Space «Сталинград как место памяти», организованного в рамках нашей мастерской истории, было как раз закрытие музея «Память». Участники дискуссии высказались резко против подобного решения. И под

давлением общественного мнения, администрация города и области обещала разобраться в этом деле и музей к 9 мая будет вновь открыт для посетителей.⁵³

Фотовыставка «Сталинград» в Немецко-русском музее Берлин-Карлсхорст (Торстен Хоппе)

Немецко-русский музей Берлин-Карлсхорст существует с 1995 г. и поддерживается некоммерческим обществом, которое включает в себя как германские, так и российские организации. Он находится в историческом месте, поскольку на этой вилле на окраине столицы в ночь с 8 на 9 мая 1945 г. был подписан акт о безоговорочной капитуляции немецкого вермахта, и тем самым официально окончена Вторая мировая война. До 1949 г. в здании находилась советская военная администрация, 10 октября 1949 г. властные полномочия были переданы здесь первому правительству ГДР. В 1967 г. здание было переделано в «Музей безоговорочной капитуляции фашистской Германии в Великой Отечественной» и выполняло данную функцию до 1994 г.

По случаю 65-ой годовщины Сталинградской битвы в Немецко-русском музее Берлин-Карлсхорст с 23.11.2007 г. по 14.02.2008 г. была показана специальная выставка «Сталинград» Российского информационного агентства «РИА Новости». Немецкие участники мастерской истории могли посетить ее во время двухдневной рабочей встречи в январе 2008 г. В одном зале были выставлены исторические фотографии боев в Сталинграде известных советских военных фотографов и более поздние снимки, которые должны были документально зафиксировать отношение к воспоминаниям о битве. «Темой представленных здесь снимков является

⁵³ На момент окончания нашей документации данной выставки в подвале универмага уже не было. По истечении договора о аренды собственник универмага начал демонтаж помещений подвала под торговые площади и грузовой лифт. После протестов населения против закрытия музея, администрация города и области, обещала открыть музей к 9 мая 2008, путем возвращения подвала в собственность муниципалитета. До сих пор этого не произошло. Теперь вероятно, ничто больше не будет напоминать об этом историческом месте. Пока для таких людей значение денег будет оставаться дороже нашей истории, ее будут продолжать уничтожать.

историческое событие и воспоминания о нем», – говорилось во вступительном тексте, предоставленном музеем. «Созданная «РИА Новости» выставка представляет собой в равной степени продолжение тем «Сталинградская битва» и «Воспоминания о Сталинграде», – можно было прочитать далее.

Сопроводительный текст от «РИА Новости» на русском и немецком языках был менее ориентирован на нейтральность изложения, он начинался словами: «Победа советских войск под Сталинградом является одной из самых славных глав хроники Великой Отечественной войны». К тому же факты были представлены в искаженном виде. Так, немецкие войска, по утверждению авторов текста, потеряли около 1,5 миллионов человек убитыми, ранеными и пленными – цифра, которая слишком велика и вероятно призвана возвеличить победу Красной армии, а также преуменьшить (в сравнении) потери советской стороны.

Черно-белые снимки военных фотографов можно разделить на две категории – аутентичные (выглядящие натурально, правдиво) и те, которые производят впечатление постановочных. К первой группе относятся снимки мирных жителей, а вот особенно те фотографии, которые изображают солдат Красной армии во время боевых действий, частью были явно инсценированы. В завершение экспозиции более поздние фотографии представляют изображения самых известных памятных мест, связанных в Волгограде со Сталинградской битвой: Государственный музей-панораму Сталинградской битвы и мемориал с «Родиной-матерью» на Мамаевом кургане. Выставка передавала без всяких комментариев официальную российскую точку зрения на событие – Сталинградскую битву и связанную с ней культуру воспоминаний.

Несмотря на то, что общественность Германии воспринимает военные действия на Волге как решающий момент во второй мировой войне, вспоминают об этом относительно мало. В Германии ситуация совершенно иная, чем в Волгограде: здесь не существует места, посвященного только этой тематике. В постоянной экспозиции Немецко-русского музея Берлин-Карлсхорст Сталинградская битва хотя и упоминается, однако более глубокого толкования не получает. К тому же остается открытым вопрос, почему специальная выставка «Сталинград» показывается без комментариев, несмотря на явно очень узкий подход, который требует от посетителя наличия некоторых знаний для включения увиденного в более широкий контекст.

От выставочного контекста к контексту проекта. Контекстуальный анализ с точки зрения теории «Второго модерна» (Констанце Штолль)

Наша мастерская истории имела возможность в мае 2007 г., во время первого приезда некоторых русских участников, использовать для рабочих встреч помещения музея в Берлин-Карлсхорсте. В перерывах можно было совершить осмотр постоянной экспозиции, подробную экскурсию с нами провел Петер Ян, который раньше работал экскурсоводом в этом музее. Постоянная экспозиция, единственная в Германии, служит напоминанием исключительно об истребительной войне против Советского Союза. Однако именно Сталинградской битве не посвящен ни один из ее разделов. Битва упоминается в главе «Ход войны в 1941-1944 гг.», там же можно увидеть некоторые изображения битвы.

Данный текст обобщает размышления и итоги деятельности рабочей группы «Контекст». Она была организована в соответствии с избранными нами методами, состоявшими в анализе отдельных аспектов музейной презентации Сталинградской битвы в рамках данной выставки посредством обращения к соответствующим теоретическим разделам.⁵⁴

Собственные размышления на тему контекста

⁵⁴ Помимо группы «Контекст» были еще рабочие группы, занимавшиеся такими аспектами, как «Структура и дизайн», «Текст», и «Экспонаты и изображения».

Наша задача состояла в том, чтобы дать описание того, является ли постоянная экспозиция в музее Карлсхорст, посвященная второй мировой войне, и являющаяся ее частью Сталинградская битва, частью контекста, и если да, то какого именно.

Сначала наши размышления вращались вокруг понятия «контекст» и того, как его следует понимать. Мы интуитивно исходили из такого понимания контекста, который подразумевает современную представляемому событию историческую канву. Мы предполагали найти и получить свидетельства или самим составить представление о том, разъясняется ли дипломатическая предыстория Сталинградской битвы, или битва представлена как логический результат национал-социалистской идеологии и получает таким образом идейную контекстуализацию или, может быть, посетители выставки получают представление о том, какие мнения об этих событиях существуют среди немцев и русских. Таким образом, мы искали ответы на вопрос, как современные событию – Сталинградской битве – исторические условия представляются в результате музейной обработки.

Литература

Во время подготовки нашего семинара я, для обеспечения теоретической базы анализа «контекста», занялась изучением монографии Розмари Бейер-де Хаан «История в воспоминаниях – инсценированная история. Выставки и музеи в эпоху Второго модерна» (Франкфурт/Майн, 2005). Для того чтобы выработать общую базу, я впоследствии, при работе в группах из двух человек, представила результаты своего исследования литературы партнеру – Елене Огарковой.

Работа Бейер-де Хаан подробно изучает различные исторические музеи и их актуальные концепции изображения прошлого как в Европе, так и за ее пределами. Важным при этом является понятие «контекст», при этом он соотносится со временем создания концепции выставки или вновь открытого музея. Это время с его общественно-политическими и прочими характерными особенностями, как следует из книги, оказывает влияние на презентацию истории в рамках выставки или музея в целом и таким образом само налагает отпечаток на историю.

«Контекст» в таком понимании *не* нацелен, как мы предполагали, на современные представленному событию исторические условия. Речь *не* идет об отношении между событием и современными ему обстоятельствами в прошлом в предметной плоскости. Скорее, понятие «контекст» охватывает мета-уровень, исходя из которого описывается отношение между прошедшим событием и временем создания его музейной презентации. Если более пристально взглянуть, становится понятно, что история имплицитно является как некое изменяющееся целое, которое зависит от взглядов и привычек, в том числе и в отношении его описания, времени его возникновения. Этот аспект, за которым стоит предположение о том, что прошлое, или, соответственно, история не может быть единственно истинной, а может быть каждый раз представлена по-новому, является центральным для нашего изучения работы устроителей музейных выставок в Волгограде.

*Бывший директор музея ведет нас
экскурсию по экспозиции: Елена Огаркова,
Петер Ян, Ксения Средняк*

В конкретном случае автор рассматривает наше настоящее с точки зрения европейцев, сегодня его пытаются определить как «второй модерн». «Второй модерн» – это обозначение концепта или, можно еще сказать, конструкта в актуальной научно-исторической дискуссии. С его помощью описывается наше время и свойственные ему обстоятельства, обусловленные общественными, экономическими и политическими факторами. Автор выдвигает тезис, согласно которому эти обстоятельства оказывают воздействие и на музейную коммуникацию, то есть на концепции экспозиций и

порождаемые ими суждения о том или ином специфическом историческом обстоятельстве нашего времени. Целью исследования автора является «сделать более отчетливыми ключевые аспекты перехода первого модерна во «второй» относительно их релевантности для презентации и восприятия истории» (с. 21).

Для того чтобы охарактеризовать общественные и экономико-политические обстоятельства, среди которых сегодня, то есть в эпоху «второго модерна», и придумываются концепции презентации прошлого – например, Сталинградской битвы – автор останавливается на трех понятиях:

- глобализация/глокализация (Glokalisierung): описание/определение сложного единства глобального и локального;
- индивидуализация: предложения и требования к индивиду для того, чтобы он занял место в обществе, культуре и истории;
- инсценировка: значение истории/исторической науки в процессе становления множественной идентификации субъекта.

Они употребляются для описания типичных признаков развития нашего общества и определяют, какое отношение к прошлому и будущему имеет индивид и группы, существующие в нем. Актуальные при данных условиях образцы идентификации отличаются от тех, что были в 18-ом веке, непосредственно после войны или в 1970-е годы.

Соответствующие предварительные суждения

Для нашего анализа выставочного контекста русских военных походов, включая Сталинградскую битву, мы сошлись на том, что будем следовать определению понятия «контекст» «второго модерна» и критериям, предложенным Бейер-де Хаан.

Помимо этого, мы приняли и наше первоначальное интуитивное понимание «контекста». Так, мы решили искать на выставке не только признаки «второго модерна», но и задавать вопросы относительно указаний на общественно-исторические обстоятельства, которые обусловили Сталинградскую битву. В соответствии с этим мы решились на то, чтобы различать исторический контекст и контекст культурный (современный).

Исходя из поставленной задачи мы сформулировали три специфических вопроса, которые должны были стать для нас ключевыми при анализе экспозиции:

- Подготавливается ли посетитель к восприятию контекста, если да, то каким образом?⁵⁵
- В каком виде представлен исторический контекст? Насколько убедительно?
- Какие концептуальные приемы соответствуют признакам «второго модерна», описанного Бейер-де Хаан?

Наши результаты

Для проверки наших результатов оказалось полезным то обстоятельство, что Розмари Бейер-де Хаан выбрала для доказательства своих тезисов в том числе Немецко-русский музей в Берлин-Карлсхорсте. Она относит данный музей вместе с «Historial de Réronne» (во Фландрии) и «Imperial War Museum» (в Лондоне) к категории «Музеи совместно пережитых событий: интеллектуальное преодоление вражды между национальными государствами».

В отношении нашего первого вопроса мы выяснили, что научно-историческая контекстуализация выставки происходит путем разграничения хронологической и синхронной точек зрения. Исторически следующие друг за другом информационные

⁵⁵ Имеется в виду, представлены ли явно выраженные или скрытые ссылки на то, что организаторы выставки придают значение тому, как изображаемая история укладывается в соотношение тогдашних и нынешних общественно-политических условий.

блоки⁵⁶ (хронология) отличаются друг от друга тематическими акцентами (синхрония) и тем самым обретают самостоятельную значимость. Выражаясь иначе: расположение выставочных помещений следует хронологическому порядку, то есть фактически соответствует следовавшим друг за другом событиям; при этом хронологический порядок нарушается расстановкой тематических акцентов, или же он содержит существенные для содержания вставки. Оба первых следующих друг за другом в хронологическом порядке информационных блока – периоды времени с 1917 по 1933 гг. и с 1939 по 1941 гг. дополняются обзором существовавшего тогда (синхронно) феномена – а именно национал-социалистских образов врага. Тем самым информация представляется в соотношении причины и следствия.

Методично убеждаемся, что хронология экспозиции подводит к 1917 г. Тем самым развитие германо-русских отношений прослеживается как часть ухудшения общей обстановки в мире до начала второй мировой войны.

Кроме того, этот жест приглашает к тому, чтобы держать в поле зрения альтернативные варианты развития событий в мире как принципиально возможные. Вероятно, подобный метод может быть описан как аспект «Инсценировка или обратный ход исторической науки»: история как свершившееся прошлое снова появляется на сцене и оживляется посредством рассмотрения различных точек соприкосновения с позиции самых различных взглядов на германо-советские отношения. Приводятся примеры как культурных связей, так и совместных действий Красной армии и вермахта, взаимобмена в области науки. Таким образом, комплексность немецко-русских отношений становится очевидной, и кроме того не принимается упрощенный взгляд на историю. В 16-ти главах, часть из которых далее разделена еще на подпункты – например, обращение с советским мирным населением или русскими и немецкими военнопленными во время войны – выставка охватывает период с 1917 по 50-е годы.

Петер Ян рассуждает о разнообразии отношений между Германией и Россией

Сталинградская битва рассматривается в зале № 5 под заголовком «Ход войны с 1941 по 1944 гг.». Она особо не выделяется тематически, а только получает оценку одного из центральных военных событий между 1941 и 1944 гг. Битва появляется также фрагментарно в зале № 6 «Повседневная жизнь солдат на войне» и в зале № 8 «Советское мирное население во время войны».

В экспозиции бросается в глаза сравнительный подход на то, что в ней представлено – на войну до полного уничтожения против Советского Союза. Такая точка зрения, конечно, оправдана самой организацией, программой немецко-русского музея, ее требует также историческая значимость самого места:⁵⁷ здание использовалось вермахтом как казино для офицеров, во время битвы служило главным штабом советской 5-ой ударной армии, и 8-го мая там была ратифицирована безоговорочная капитуляция Германии накануне событий в Реймсе.⁵⁸ То, что сегодня рассматривается как жест доброй воли двух бывших смертельных врагов и как убедительный

концептуальный метод, который в силах преодолеть стереотипы, стало после воссоединения Германии предметом жестких дискуссий и было подготовлено к выставке о Второй мировой войне в течение трех с половиной лет. Таким образом, объектом выставки являются не только германо-русские отношения, бывшие в прошлом; они в своем развитии, начиная с эпохи холодной войны вплоть до самого

⁵⁶ Которые в свою очередь также располагаются в хронологическом порядке.

⁵⁷ Федеративная Республика Германия и Российская Федерация являются учредителями музея.

⁵⁸ С 1945 по 1949 гг. место пребывания советской администрации в Германии (SMAD), с 1967г.– Музей капитуляции.

объединения Германии и далее, составляют основную часть концепции и присутствуют в настоящем музее, подаваясь с большой долей рефлексии. Петер Ян сформулировал это в своей экскурсии следующим образом: «Выставка представляет как историю одного события, так и историю самого музея». И на самом деле, нам казалось, что здесь достигнут некий коэффициент напряжения между прошлым и настоящим, это делает понятным зависимость «сегодня» от «завтра» и делает ближе протяженный во времени исторический процесс.

Что касается анализа контекста, то бинациональная точка зрения в качестве идейной основы концепции музея⁵⁹ соответствует методам «второго модерна». Значение национального государства как упряжной лошади по отношению к истории отходит на задний план путем использования сравнительного подхода. Конечно, презентация истории не подчиняется в открытой форме преобладающей в рамках той или иной нации концепции. Так, для всей Европы было бы вполне разумным в духе широкого понимания истребительной войны против России осветить также и роль других наций, которые принимали участие в русской кампании, таких, как румыны, итальянцы, хорваты и австрийцы. Локализация (Glokalisierung) не является темой экспозиции, как и тесная взаимосвязь рынков и то обстоятельство, что и Вторая мировая война имела характер экспансии, а точнее говоря была колониальной, захватнической войной, которая привела к глобализации. На переднем плане находится место индивида в истории. При этом делается попытка аккумулировать различные способы восприятия.

За концепцией, согласно которой страны как бывшие враги хранят воспоминания об общей истории, стоит намерение донести до всей Европы не то, что объединяло русских и немцев, а то, разъединило их, превратив в смертельных врагов. При этом история мирного населения занимает ровно столько же места, сколько история солдат. Показанные со всей безжалостностью страдания солдат и простых людей обеих участвовавших в войне сторон препятствуют всякому возвеличиванию и неумолимо подчеркивают бессмысленность военной кампании против России в общем и катастрофические ошибки в оценивании и планировании отдельных военных действий, например, идеи завоевания Сталинграда в частности. Авторы концепции пытаются сделать ключевой мыслью о человеческой солидарности, переходящей официальные границы. Выставка пронизана идеей мира, на что нам и указал Петер Ян.

О победивших и проигравших, или наш проектный контекст: немецкая и русская культуры воспоминаний по отношению друг к другу

В этой связи мне хотелось бы в заключении коротко остановиться на наибольшем различии в подаче музеями информации о Сталинградской битве и ее значении для Второй мировой войны/Великой Отечественной войны. Для российских музеев, в особенности музея-панорамы Сталинградской битвы, выраженное отображение ряда идеологических моментов не свойственно. Анна – юная жительница Волгограда, которая вместе с нами посетила постоянную выставку в музее-панораме Сталинградской битвы – явно в первый раз – удивлялась отсутствию пацифистских и критикующих войну моментов, а также призывов к укреплению мира. Этот же аспект подвергся, как уже было упомянуто, справедливой критике других авторов.

Выставка в музее-панораме в значительной мере отказывается от подобных намеков, которые поясняли бы сегодняшнее понимание, осознание самих себя. Такое упущение наверняка не является случайной оплошностью. Такой метод скорее подчеркивает непосредственность изображаемого события, то, что речь идет об исторической правде, которая не может быть подвергнута интерпретации, о которой можно помнить только так и никак иначе. В результате всей этой критики из поля зрения несправедливо выпадает то, что до сих пор существенно как минимум для поколения российских ветеранов, свидетелей тех событий и просто многих россиян: важнейший мотив празднования дня окончания битвы за Сталинград (или 8 мая) – это наряду с

⁵⁹ Смотри основную информацию на сайте: <http://www.museum-karlshorst.de/html/museum/-ueberuns/index.shtml>.

трауром по неисчислимым жертвам и уничтоженному городу еще и радость от победы Советского Союза. При этом людей сплачивают эмоции, такие, как гордость. Однако следует объективно заметить, что в Германии не так развита традиция радоваться по поводу «Падения третьего рейха». То, что это связано исключительно с общим чувством вины и ущербом, причиненным войной, кажется вполне очевидным. Однако вопросы о том, насколько серьезно удалось сегодня немцам дистанцироваться от ценностей нацистской Германии, а также о том, насколько глубоко они по-прежнему скорбят о проигранной войне, до сих пор актуальны.⁶⁰

С данной точки зрения можно понимать доминирующие темы в соответствующих традициях памяти: бессилие многочисленных жертв и цинизм власть предержащих в немецкой и героизм красноармейцев и генералитета – в русской культуре памяти как последствия войны или наследие подобных последствий.

Резюме по прочитанному: существующие, несмотря на многочисленные различия, параллели в обоих обществах

Дискуссия по поводу выводов, делаемых Бейер-де Хаан, заняла у нашей группы некоторое время. В конце мы все-таки пришли к единому мнению, что существенные признаки «второго модерна» присутствуют в обоих наших меняющихся обществах, хотя и в различном объеме. Для нас это было тем более интересно, что мы скорее привыкли воспринимать общественные и культурные различия обеих стран в соответствии с прежней идеологической, коммунистическо-капиталистической восточно-западной дихотомией.

Гиперреал: Мегамаркет „Real“ в Волгограде и в Гамбурге (перед бункером времен второй мировой войны)

Что касается глобализации/локализации (Glokalisierung), то мы недавно могли сделать яркое наблюдение по поводу открытия торгового центра *real*-, над входом в который красовались типичные для данной сети магазинов красные светящиеся буквы.

Что касается индивидуализации в обществе, то в обеих странах давно перестали быть актуальными традиционные представления о семейной жизни, выборе профессии, отдыхе и проведении досуга, или же они переживают изменения в настоящее время. Они замещались и продолжают замещаться идеалами, которые больше выделяют роль и интересы индивида (по сравнению с коллективом) и подчеркивают реальную или мнимую индивидуальность. При распространении новых идеалов большую роль играет проницаемость границ – касается ли это общения между отдельными людьми

⁶⁰ И в настоящее время откровения, такие, например, как о семье Квандт (см. документальный фильм «Молчание семьи Квандт») наглядно подтверждают, насколько хорошо можно в Германии упорным молчанием и последовательным отказом от воспоминаний о собственной истории во времена национал-социализма поддерживать в течение более чем 60-ти лет после окончания Второй мировой войны грубейшие искажения истории и смещение ролей жертвы и преступника. При общении малознакомых семей технология молчания является чаще правилом, чем исключением.

или проникновения информационного потока в виртуальном пространстве. Русские и немцы часто посещают друг друга и обмениваются более или менее осознанно своим жизненным и житейским опытом, увозя при этом на родину определенные представления.⁶¹

Относительно последнего признака, касающегося исторической науки и понимания истории, развитие германского и российского общества в большинстве случаев отличается друг от друга. В обеих странах интерес к истории носит скорее конъюнктурный характер, об этом свидетельствуют множасьщиеся в средствах массовой информации России и Германии передачи на тему национальной истории. В отношении музейной коммуникации о Второй мировой/Великой Отечественной войне мы наблюдаем следующее: в то время как в экспозициях немецких музеев наличие множества точек зрения стало само собой разумеющимся, в новых экспозициях российских музеев история Великой Отечественной войны по-прежнему представляется с позиции принимающих решения политических субъектов, или воспевается героическое самопожертвование солдат. Презентация прошлого до сих пор инсценируется с опорой на мотив завоеванной славной победы. В поле зрения попадает отдельно взятый солдат Красной армии; в сегодняшней, стремящейся к своей прежней ведущей роли России представляется немыслимым то, что историки и организаторы выставок препарировали бы некогда существовавший советский идеал, когда отдельно взятый индивид выступал представителем готового к самопожертвованию коллектива, защищавшего нацию от врага. Посетителя встречает, как в прежние времена, так и сегодня, предостерегающий жест ставшего образцом для подражания советского человека – жест, который все время пытается придать смысл войне, и при этом параллельно вытеснить связанные с ней страдания и преступления.

В Германии это, естественно, невозможно, исходя из исторической реальности. Несмотря на или, может быть, благодаря ее истории России также была бы к лицу политика памяти и воспоминаний, менее оправдывающая войну, что, однако, трудно выполнимо, пока живы ветераны войны, социализация которых пришлась на советское время. Пока что в России есть немного тех, кто способен распознать и критически рассматривать «оковы войны»⁶². В то время как исторические музеи Германии предлагают все более гибкий и неоднозначный подход к истории, в российских музеях мы встречаем позицию, которая не дезавуирует идеологию как таковую, скорее они выступают исполнителями идеологического заказа, который является наследием советских методов, и частично пытаются соответствовать интересам ныне живущих ветеранов, а также следовать своему гражданскому и патриотическому долгу.

Сравнение: Немецко-русского музея Берлин-Карлсхорст и государственного музей-панорамы. Или: музей как отражение (Елена Огаркова)

Память о Сталинграде подвижна, многолика, неоднозначна. В представлениях послевоенных поколений доля семейной военной хроники постепенно уменьшается, уступает место картине прошлого, представленной в школьных учебниках, фильмах, выставках, мультимедийных продуктах. В ситуации все большей замкнутости академической науки, определенный авторитет сохраняют музеи. Они более доступны

⁶¹ Здесь не должно возникнуть ощущение, будто бы мы думаем, что речь идет об абсолютно гармоничном обмене. Из-за исчезновения ГДР и Советского Союза и после «победы» капиталистического рыночного строя в этом трансфере доминирует запад. Это значит, что российское общество скорее перенимает правила, нормы и практики, принятые на западе, в то время как ценности советского строя и их дальнейшее распространение в действительности вряд ли входят в чьи-либо планы. Развитие в этом направлении воспринимается критично, и прежде всего в самой России.

⁶² Лев Гудков является одним из немногих: <http://www.eurozine.com/articles/2005-05-03-gudkov-de.html>.

и адаптированы для людей, интересующихся историей. Кроме того, традиции посещения музеев семьей, школьными и студенческими группами, по крайней мере в России, очень сильны.

Работа исторической мастерской заключалась в сравнении экспозиций Музея-Панорамы «Сталинградская битва», исторического места пленения штаба 6-й немецкой армии в подвале Центрального универмага и германо-российского музея Берлин-Карлхорст. Обсуждались следующие вопросы: тематика и принципы построения экспозиции, мера открытости для интерпретации события со стороны зрителя, идейная доминанта, информационное обеспечение, рациональные или эмоциональные приоритеты отбора экспонатов и музейного дизайна, ориентация Сталинградской битвы в европейском контексте Второй мировой войны.

Участники проекта подвергли анализу собственные эмоции и чувства, свое восприятие музея через участие в своеобразной ролевой игре: «Я – зритель. Я хочу понять, как рождаются в музее мои представления о Сталинграде?». В ходе работы был сделан

Музей Берлин-Карлхорст: Констанце Штоль и Елена Огаркова

акцент на существовании двух принципов современной музейной методологии. Традиционный, сложившийся в середине XX века, рассчитан на восприятие и формирует чувство сопричастности историческому событию. Этот метод эффективен в воспитательном процессе, формирует патриотизм, что необходимо нашему обществу. Другой предполагает использование в музейной практике методов исторической и культурной антропологии. Музей мыслится как институт познания ценностей прошлого и расшифровки их значений. В этом случае делается акцент на изучение повседневности и субъективного опыта отдельного человека.

Для иностранных граждан музейные экспозиции – шанс увидеть, как помнят Сталинград в России. Тысячи туристов, гостей города посещают Музей-Панораму «Сталинградская битва» и покидают его с самыми разными чувствами и впечатлениями: разочарования, недоумения, восторга, раскаяния. «Я – преступник» – написал в книге отзывов один пожилой немец, не поставив своей подписи. Почему такие разные мнения? Почему мы, волгоградцы, отмечаем архаичность, мрачноватую монотонность залов, но обязательно приходим сюда снова, почему наши дети просят нас об этих встречах?

Экспозиция музея-панорама «Сталинградская битва»

Это место памяти, здесь мы идентифицируем себя с Родиной, с поколением дедов-прадедов. То, что не понятно иностранному зрителю, например фотографии, это чужое: чужие лица, даже чужой способ фотографирования, позирования. А для

российского зрителя это часть семейного фотоальбома. Награды – они есть почти в каждой российской семье. Здесь присутствует магия подлинных вещей того времени. И нужно понимать, что это личные вещи. Через музейные предметы происходит овеществление мифа, деидеологизация прошлого. Эта тонкая, задавленная официозом, но, тем не менее, существующая в экспозиции линия личной судьбы, персональной истории реабилитирует музей и сохраняет его притягательную силу.

Зал, где в ночь 8 на 9 мая 1945 была подписана капитуляция немецких вооруженных сил

Другая причина – отраженное в музейной экспозиции чувство Победы, звездный час Сталинграда. Это чувство, выстраданное и заслуженное – единственная награда погибшим. Сытое поколение потомков отягчено комплексом вины. В нашей традиции памяти эта мысль выражена в словах, что люди должны помнить «какой ценой завоевано счастье». Идентификация с побеждающей стороной – позитивный, конструктивный и перспективный национальный капитал. «Народ-победитель» предпочтительнее, чем «Народ-жертва». 2 февраля 1943 года и 9 мая 1945 года – также и лекарства от депрессии периода развала СССР. Это

национальные праздники, к которым не липнет грязь разоблачений. Это сплывающий современных людей опыт коллективного, общенародного триумфа.

Возможно также понять опасения иностранных зрителей о том, что мы так гордимся Победой, что почти обожествили войну. Культ оружия, культ героев, культ военачальников, культ международного признания Сталинграда. За этим блеском легко скрывать современные проблемы российского общества.

Дидактичность музейной экспозиции возвращает нас во времена понятной, черно-белой истории. Это чувство ностальгии по детству и юности: костры, зарницы, пост №1. Это страна, которую мы потеряли. Что получили взамен? Свободу? Иллюзии? Разочарования? Музей – это портрет общества, это отражение наших убеждений, заблуждений и надежд. 2 февраля 2008 г. музей посетило 2.623 человек. О чем они думали?

Взгляд на германскую перспективу войны Германии против СССР, войны на уничтожение и в этом контексте взгляд на Сталинградскую битву отражает экспозиция Музея Берлин-Карлхорст. Принципы функционирования Музея Берлин-Карлхорст – побуждать интерес общественности к событиям и личностям времен II Мировой войны.

Одна из главных установок сотрудников заключается в том, что музей – это не мавзолей. Задача музея – оставить выбор позиции зрителю. Впрочем, дидактическая функция этого музея не скрыта. Посредством разнообразных (в большинстве не подлинных) экспонатов представлена античеловеческая сущность войны. Акцент сделан на формирование следующей эмоциональной установки – после экскурсии музей должны покидать не юные герои, а те, кто не хочет воевать. Конфликт между страданием человека и логикой политиков и военачальников доминирующая линия музейного повествования.

Идея этого музея – человеческая история. Через личные вещи, мемуары, непропагандистские фотографии, письма рассказать о войне, как о солдатской работе. Пропасть между врагами нивелируется при сравнении того, какие вещи были при себе у советского и немецкого солдата. Как часто солдат был ранен, как был организован быт и досуг, как работала почта, и многие другие темы озвучены в экспозиции. Но музей решительно оспаривает устоявшийся взгляд в немецком обществе и германской

историографии о разделении войны на два уровня – государственный (осуждаемый) и войну простого солдата, которого принято жалеть.

И здесь довольно значительную роль выполняют экспонаты, связанные со Сталинградской битвой. «Сталинградские» артефакты в том или ином контексте присутствуют почти в каждом зале, что наталкивает на мысль о глубоком следе этого события в немецкой памяти.

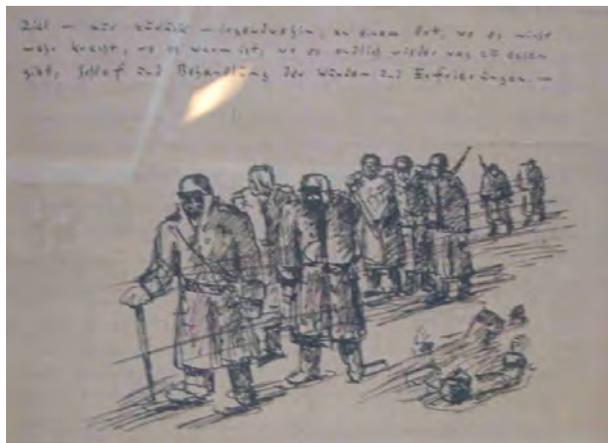
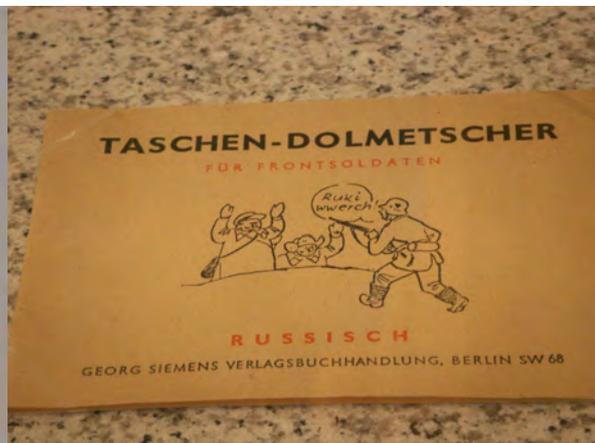

Рисунок из книги воспоминаний о годах войны 1939-1945 немецкого художника Оскара Пауля (Музей Берлин-Карлсхорст)

Немецко-русский разговорник для солдат, 1941 (Музей Берлин-Карлсхорст)

Исходя из концепции, что катастрофа на Волге – не только личная трагедия немецких солдат и генералов, что они боролись и умирали за систему, выстраивается еще одна тематическая линия. Через показ политики уничтожения в Третьем Рейхе музей дискутирует с распространенной в немецкой памяти установкой на героическую жертвенность солдат Вермахта.

6 Форум

О неразрывности, переменах и некоторых неожиданностях. Впечатления о проведении open-space «Сталинград как памятное место в России и Германии», Волгоград, 15 и 16 марта 2008 г. (Хеннинг Хорх)

Намерения

Пребывание в Волгограде в марте 2008 г. было ознаменовано для нас плавным переходом: заканчивающийся проект должен был быть окончательно завершен, и необходимо было инициировать первые шаги по реализации его продолжения. Для завершения последней фазы проекта необходимо было донести до общественности его результаты в виде форума.

Сотрудничество с Государственным музеем-панорамой происходило в узких рамках официальной интерпретации истории, так что альтернативные проекты оказывались практически невозможны. Одновременно с этим мы стали свидетелями того, как наш альтернативный партнер по совместной работе – музей «Память» практически на наших глазах, то есть как раз во время нашего пребывания в Волгограде, был закрыт министерством, в чьей компетенции он находился.

Таким образом, намерение нашей мастерской истории задать определенные вопросы и, возможно, пересмотреть установки, существующие прежде всего в официальной культуре памяти, в как можно более широких рамках, только укрепилось. Метод «открытого пространства» (open-space) предоставляет для этого подходящие приемы, были и предпосылки для удачного проведения такой формы дискуссии: ключевая тема

памятных мест Сталинградской битвы достаточно комплексна и содержит в необходимой мере конфликтный потенциал.⁶³

Реализация

Творческая разрядка при подготовке к Open Space

Как квалифицированный специалист по организации *open space*, Констанце ознакомила всех участников мастерской с данным методом, поскольку он был в новинку как немецким, так и русским участникам. Непосредственно на месте, в Волгограде, было совместно выработано название мероприятия: «Сталинград как место памяти в России и Германии». Интерес к теме и такой форме дискуссии проявили очень разные категории людей: школьники и студенты приходили с учителями и преподавателями, историки по образованию и просто люди,

интересующиеся историей, принимали участие в мероприятии наряду с представителями института Гете и учителями немецкого – при этом показательным был тот факт, что непрерывность проведения мероприятия поддерживалась на должном уровне, особенно благодаря участию студентов и школьников, даже во второй день. Общая тема культуры воспоминаний смешивалась, особенно среди упомянутых участников, с конкретным интересом к немецкому взгляду на воспоминания о войне.

В качестве места проведения мероприятия удалось получить помещения библиотеки им. Горького в центре города. Но поскольку у руководства библиотеки отсутствовало представление о способе проведения подобного мероприятия, необходимо было в начале преодолеть трудности, возникшие при совместной работе. Вступительный доклад сотрудников библиотеки по поводу презентации (абсолютно подходящей по тематике) книги предшествовал *open space*. Мы вынуждены были на это согласиться, хотя у Констанце как организатора мероприятия были сомнения, основанные на личном опыте, относительно того, что подобная односторонняя, построенная в форме монолога презентация может нарушить свободную атмосферу мероприятия. В конце концов, доклад оказался достаточно кратким, и руководство библиотеки показало себя открытым для новых методов ведения дискуссии.

Темы

Разработка тем для обсуждения

Как и положено по методике проведения *open space*, всеми участниками могли быть сформулированы так называемые требования или пожелания. Эти вопросы, или темы (в рамках темы мероприятия) для каждого участника или участницы должны были быть настолько первостепенно значимы, что он или она хотели бы обсудить их с другими или откликнуться на них. Такие пожелания представляют собой предложения, выносимые на дискуссию, которые обрабатываются в открытых рабочих группах, и тем самым

⁶³ О методике проведения *open space* и условиях, при которых организация подобного мероприятия представляется целесообразной, ср. главную страницу *berliner open space cooperative (boscop)* по адресу <http://www.boscop.de> [по состоянию на: 27.03.2008].

формируется содержание *open space*-конференции.

Двадцать два сформулированных пожелания позволяют в целом распознать три тематических направления: вопросы, касающиеся культуры памяти в России и конкретно в Волгограде, вопросы об обмене или сравнении воспоминаний русских и немцев о войне, и более общие темы, которые нацелены на обсуждение определенного опыта, теорий и дефиниций тех или иных понятий. Предметом обсуждения стали помимо прочего конкретные события, как, например, коммерциализация мемориального комплекса Мамаев курган, закрытие музея «Память», сегодняшнее обращение с бывшими участниками войны или тезис типа «Сталинград как брэнд».

С целью провести сравнение были заданы вопросы об оценке и значении Сталинградской битвы и ее участников для немецкой стороны. Показывают ли Сталинград в немецких фильмах, и если да, то как, как Сталинград представлен в музеях и на занятиях в школах? Помимо этого возникли более обобщенные вопросы о механизмах функционирования памяти и воспоминаний, о значении культа героев, а также о сходстве и различиях коммунизма и фашизма. Представляю подробнее две рабочие группы, в которых я сам принимал участие:

Zwei der Arbeitskreise, an denen ich teilgenommen habe, stelle ich kurz näher vor:

- Вопрос «Какое влияние имело на Вас слово «война» в самом раннем детстве?» открыл область, которая простирается от личного эмоционального отношения к слову «война» до интерпретации понятия в свойственном для всего общества, охватывающем не одно поколение контексте (при этом возникает вопрос: «Какая существует связь между личным и коллективным опытом?»). В противовес участнице, инициировавшей данную дискуссию, которая принадлежит к поколению детей, рожденных и выросших во время войны, ее более юные участники в большинстве своем едва ли имели в раннем детстве какое-либо эмоциональное отношение к этому слову или связанным с ним событиям. «Война» возникает для них преимущественно в официальном, медийном или историографическом контексте, и при этом в большинстве случаев воспринимается рационально, эмоциональный аспект возникает в передаче информации о ней близкими родственниками. Так дискуссия постепенно свелась к взаимным расспросам о том, как понимается война и каким образом она в настоящее время представлена в обеих странах. Найденные ответы охватывали спектр от выдержанных в традициях патриотических представлений (в России) до официально предписываемого пацифизма времен ГДР/ФРГ и утвердившегося в настоящее время «постгероического общества» с его общественно-функциональным делегированием военных действий в современной Германии.
- Существует ли такой феномен, как «примирение»? Для начала была предпринята попытка установить, с чем, собственно говоря, связано «примирение». Что может сделать возможным примирение: это «забвение», «преодоление прошлого и отрицательных эмоций», или это «понимание» и «более глубокий взгляд»? В качестве промежуточного результата мы сообщая пришли к пониманию того, что уже любой начатый диалог означает примирение.⁶⁴ Но возможно, для примирения необходима дистанция, которая сегодня имеется у молодого поколения по отношению к событиям, пережитым их предками? Одна из участниц предлагает поразмышлять о том, что процесс

⁶⁴ „Любой диалог – это уже примирение“ (Документация мероприятия *open space* Сталинград как памятное место в России и Германии, Волгоград 15-ое и 16-ое марта 2008, вопрос/тема № 16 «Существует ли такой феномен, как примирение?»).

примирения делают возможным не забвение или временная дистанция, а именно восприятие и изучение прошлого. «Примирение» таким образом становится своеобразным связующим моментом, который инициирует «процесс извлечения уроков» прошлого для настоящего и будущего.

При всем разнообразии пожеланий выкристаллизовались всеобъемлющие темы, среди которых на передний план выступил вопрос о «патриотизме» или, соответственно, понимании данного термина. Например, во время дискуссии «за и против коммерциализации центрального мемориального комплекса Мамаев курган» был зафиксирован тезис о том, что в этом случае речь шла бы о «снижении патриотических чувств». ⁶⁵ А в вопросе об образе Сталинграда в немецких

художественных фильмах разговор зашел в конце концов о различном понимании патриотизма в немецких и русских фильмах. Констатированное различие в этом вопросе стало темой раунда дискуссии «Понимание патриотизма в Германии и России». Согласно высказанным мнениям, патриотизм в Германии чаще всего приравнивается к национализму, частично он связан с милитаризмом, и поэтому часто получает негативную оценку. «Русский патриотизм», согласно мнению одного из участников дискуссии, напротив, закреплён в духовной культуре⁶⁶ и вследствие этого не ограничивается национальными атрибутами, такими, как, например, официальное гражданство.⁶⁷ То, что вопросы часто – то более, то менее отчетливо – заострялись на теме «патриотизма», показывает, насколько актуально исследование данного комплекса проблем. В понимании патриотизма концентрируются свойственные всему обществу моменты и схемы идентификации, которые в конечном счете требуют оформления отношения к ним в ходе дискуссии, при этом помимо прочего обсуждаются вопросы о принадлежности и разграничении.

«Патриотизм» играет важную роль для определения места индивида внутри общества и отношения к «другим обществам». Некоторые аргументы при этом воспроизводят известные (стереотипные) образцы объяснения, как, например, разделение на

⁶⁵ „Унижение чувства патриотизма“ (Документация мероприятия *open space* Сталинград как памятное место в России и Германии, Волгоград 15-ое и 16-ое марта 2008, вопрос/тема № 2 «Что Вы думаете по поводу идеи сделать посещение Мамаева кургана платным?»).

⁶⁶ „In Deutschland ist Nationalismus = Patriotismus. In Russland ist das so etwas Geistiges.“ [„В Германии Национализм = Патриотизм. В России это нечто духовное.“] (Документация мероприятия *open space* Сталинград как памятное место в России и Германии, Волгоград 15-ое и 16-ое марта 2008, вопрос/тема № 9 «Понимание патриотизма в Германии и России»).

⁶⁷ Тезис „Selbst wenn du einen deutschen Pass besitzt, bedeutet das nicht, dass du Deutscher bist.“ [„Если у тебе есть нем. паспорт, это не значит, что ты немец.“] был заявлен в раунде, но не был обсужден в должной мере (Документация мероприятия *open space* Сталинград как памятное место в России и Германии, Волгоград 15-ое и 16-ое марта 2008, вопрос/тема № 9 «Понимание патриотизма в Германии и России»).

«формальную» (западную) и «культурную», читай, «духовную» (восточную) ориентацию в поступках.

Однако именно в диалогах между школьниками, студентами и их учителями, доцентами стало очевидным, что именно в этом пункте существует потребность в разъяснениях, в поле зрения попали альтернативные точки зрения, и они также были вынесены на дискуссию. Интерес к немецкому взгляду на историю и результирующего из него нынешнего отношения к патриотизму, по моему впечатлению, очень оживил обмен мнениями и придал ему новый импульс. Для меня было очень полезным научиться понимать русский взгляд на патриотизм, который передает несколько иной смысл: это совершенное отсутствие национализма, правда, по-прежнему с сильной привязкой к традициям и приматом коллективного долга в сознании. Напоминание о том, что нельзя забывать «героические» подвиги предков, как мне казалось, проглядывало во всем, в том числе и в трактовке понятия «патриотизм». И все же я полагаю, что в результате взаимного обмена мнениями во время *open space* в общем и целом образ «другого/иного» становился более сложным, разветвленным, так что однозначные, и в особенности противоположные интерпретации возникали все с большим трудом.

Личный итог

Для меня было удивительным и завораживающим наблюдать за тем, как хорошо функционировала самоорганизация в очень неоднородных и больших по составу участников группах. Предоставленная возможность самим отвечать за свои действия была принята с благодарностью и широко применена, при этом не возникало необходимости во внешнем руководстве, и мероприятие не погрузилось в хаос.

Для меня впечатляющим стало осознание собственной «узколобости»: если, к примеру, кто-то не придерживался плана или не соблюдались сроки начала отдельных раундов дискуссии, я останавливался, для того чтобы одновременно осознать, что и это «отклонение» представляет собой определенную линию поведения в сложившейся ситуации. Этот опыт был для меня полезным, чтобы снова совершенно осознанно ознакомиться с мнениями и точками зрения других участников и проанализировать мои собственные представления под другим углом зрения.

В конце концов, это было прекрасное чувство – держать в руках распечатанную документацию, представляющую собой протоколы каждого из раундов дискуссии. К тому же мне особенно понравилось то, что в завершении участники обсудили между собой конкретное продолжение своих проектов «Следующие шаги». Насколько непрерывно и успешно будет функционировать эта сеть взаимосвязанных проектов, покажет будущее. Для нашего проекта проведение *open space* означало расширение рамок работы мастерской истории и появление новых, активных ее участников.

7 Итоги

Совместная работа родилась из личного, индивидуального взаимодействия участников и идеи более подробно узнать о «воспоминаниях о Сталинграде».⁶⁸

Во время работы мастерской истории, при проведении проекта столкнулись друг с другом множество различных взглядов, мнений и инициатив. Соответственно и представляемые здесь записи являются довольно разнородными. Наши усилия все время ориентировались на научную точку зрения, однако оставляли достаточно пространства для того, чтобы учесть индивидуальную позицию каждого из участников. В результате этого методы работы и ее итоги явно определяются личными интересами, опытом и контактами участников. Таким образом, удалось получить значительные знания в области изучения культуры памяти в России и Германии в

⁶⁸ См. предисловие, написанной Констанце Штолль.

равной степени путем непосредственных контактов и встреч и научно обоснованных рассуждений.

Личные контакты показали, насколько по-разному можно обращаться с воспоминаниями о Сталинграде: различия есть в Германии и в России, есть они и на уровне разных поколений. Последний факт придает мужества, но и доказывает то, что по ту сторону национального мышления существует нечто общее. Так на чем основываются все эти различия и на чем – сходства?

Музейные выставки представляли собой центр тяжести, точку опоры, на которую были направлены наши вопросы и на базе которых мог возникнуть диалог. Однако диалог состоялся скорее в рамках мастерской истории, в то время как диалог между нами и музеями г. Волгограда находился в состоянии стагнации. Этот негативный опыт нашей совместной работы до сих пор не получил исчерпывающего объяснения, и остается для нас – для кого в большей, для кого в меньшей степени - поводом для раздражения.

Музеи как организации, являющиеся «передатчиками», или «носителями» культуры памяти, представляют общепринятые (в обществе) мотивы и предложения по идентификации.

В Государственном музее-панораме презентация истории связана с призывом помнить о павших и приобретает признаки культа.⁶⁹ Повествование о войне является, кроме того, историей об освобождении от роли жертв и достижения положения победителей – кто возьмет на себе смелость дать иную интерпретацию подобной «истории успеха»?

Постоянная экспозиция в Немецко-русском музее Берлин-Карлсхорст несет посыл извлекать уроки из истории – педагогический прием, за который в послевоенной истории пришлось изрядно побороться. В обоих случаях распознается определенный императив, который в равной степени напоминает о необходимости помнить.

Однако тем самым мы снова пришли к упрощенной, частично дихотомичной схеме. При более пристальном рассмотрении стало возможным заметить, что доминирующая историческая картина принимается не без ограничений, что предложения по идентификации воспринимаются не повсеместно. Прежде всего молодое поколение начинает задавать вопросы относительно традиционной исторической картины. Как показали дискуссии вокруг роли вермахта в истории, в Германии пацифистские настроения, исходящие из уроков истории и разрушения героических образов прошлого, также не являются бесспорным, не вызывающим разногласий моментом. Но эти «отклонения» происходят как раз вне институционализованного комплекса воспоминаний, за пределами музеев. Об этом свидетельствуют существующие в Германии и России различные течения внутри молодежной культуры, группы ревизионистов, «копатели» и прочие.

Сравнение было центральной движущей силой, основным методом, применявшимся с целью сделать наглядными различия и сходства. «Эффект» такого сравнительного подхода состоит в раскрытии структур и механизмов в каждом случае особых исторических, общественных и культурных взаимосвязей. Это означает, что каждая и каждый из нас начал воспринимать себя как личность, на которую наложила отпечаток культура воспоминаний, существующая в наших собственных обществах. Работа с личными, существующими в рамках семьи воспоминаниями дала нам возможность распознать и по необходимости подвергнуть критике те из них, которые были переняты автоматически, без оценок и споров. Хотя, к примеру, истории наших семей остались болезненными темами, которые не были рассказаны в широком кругу и не выносились на открытое обсуждение, все же некоторые участники поделились такими семейными историями друг с другом. Мы наблюдали и подвергали анализу как нашу глубоко личную, так и существующую в обществе культуру памяти.

⁶⁹ Ср. с эссе Сандры Дальке.

Сравнительная перспектива сделала кроме того понятным, как различное воспитание в области истории и различные способы сохранения памяти влияют на применяемые подходы и точки зрения. Мы отметили, что заметное различие в воспоминаниях русских и немцев о Сталинградской битве состояло в том, что русские участники обладали большим объемом фактических знаний, а немецкие участники гораздо больше интересовались теоретическими обоснованиями и вопросами по обсуждаемой проблематике. История самого события битвы с воспроизводимыми конкретными данными и эпизодами в памятном месте – г. Сталинграде/Волгограде имеют непосредственное отношение к повседневной жизни жителей города. Несмотря на то что некоторые, прежде всего молодые россияне считают, что живая история тускнеет, становясь частью ритуалов и официальной культуры воспоминаний, тем не менее явно чувствовалось, что потребность в сохранении истории у многих жителей города преобладает.

Немецкие участники и участницы были время от времени явно удивлены выраженным положительным отношением их коллег к патриотизму и к обязанности чтить память советских героев.

Русские участницы и участники напротив постоянно удивлялись тому, что почитание героизма солдат вермахта в Германии клеймится как попытка возрождения неонацизма.

Одновременно с этим стало ясным, что в *обеих* странах наблюдается сенсационный недостаток специальной дискуссии на тему «Память о войне» в широких кругах общественности. Доминирующими являются упрощенные популярные и частично научно-популярные изображения в некоторых средствах массовой информации. Пересмотр устоявшихся исторических образов «здесь и там» остается рискованным предприятием – и тем более в случае, если это грозит вылиться в конфликт между поколениями.⁷⁰

Изучение специальных вопросов по тематике памяти/воспоминаний⁷¹ способствовало пересечению содержательного уровня и «уровня связей/отношений». Например, через языковую проблематику, и в частности двояким образом: язык стал не просто практическим инструментом в обмене (мнениями) русской и немецкой групп,⁷² для содержательного уровня было важным осознать языковые различия и тонкости: «Gedächtnis» и «Erinnerung» в немецком контексте не эквивалентны пониманию слов «память» и «воспоминание» в русском.⁷³

Основополагающим аспектом, который на протяжении всей работы влиял на проводимое нами сравнение, был взгляд на «Сталинград» как в непосредственной близости, так и дистанцировано от данного памятного места. И это не только с географической или временной точки зрения: в России и в Волгограде сама битва имеет самостоятельное, где-то ключевое, и прежде всего прямое (не опосредованное) значение. Взаимодействие ритуалов памяти, институционализованной памяти и обычной повседневной жизни обосновывает ее вовлеченность и активное участие в оформлении социальной и культурной памяти.⁷⁴ При этом в равной степени проявляются и содержательные напластования в обозначении города и связанными с ним ассоциациями типа «город-герой», «обычный крупный российский город», «место памяти» и др.⁷⁵

⁷⁰ См. также эссе Констанце Штолль.

⁷¹ Как и анализ историографии в обеих странах, концепты культур воспоминаний, социальной, культурной памяти и т.д. см. также статьи Ребекки Блуме и Ксении Средняк.

⁷² См. сообщение Елены Огарковой о работе мастерской истории.

⁷³ Ср. с эссе Констанце Штолль и Ксении Средняк.

⁷⁴ Ср. со статьей Ксении Средняк „Сталинград как памятное место в русской исторической науке“.

⁷⁵ См. также эссе Мартина Подолака.

В Германии связь битвы с сегодняшним Волгоградом менее отчетлива. «Сталинград» – это понятие, слово-заместитель, которое обычно связывают с ужасами Второй мировой войны, но оно может также обретать в иных (идеологических) контекстах новые значения и смыслы.⁷⁶

В итоге Сталинград/Волгоград представляется связующим пунктом, если вообще не точкой соприкосновения, где отчетливость непосредственности переживания (на месте) становится ясной, очевидной.

В эссе, статьях и отчетах всех участников на передний план выходит отношение к рассказам о событиях прошлого, исходящее из непосредственного, личного опыта. Словоупотребление и разговор по поводу памяти о войне, а также понятия, которыми можно обозначить переживания и описать места, которых касаются воспоминания, подвергаются при этом обстоятельной критике на основании собственного опыта, приобретенного в мастерской истории. Так, пережитые события и встречи в Волгограде, Берлине и Россоске становятся определяющим фоном для работы с историей и памятью о войне. Таким образом могут подниматься и становиться предметом дискуссии открытые вопросы – например, о проблематике примирения⁷⁷. Мы ознакомились с национальными и поколенческими границами, и частично преодолели их.

Во время совместной работы проявились некоторые различия в способе воспоминаний; мы использовали общие дискуссии для обмена мнениями и постепенного медленного сближения различных позиций. Опыт сопоставления собственной точки зрения на историю с другим взглядом показал нам, как ценны и важны открытость, умение оперировать аргументами и способность принимать и допускать различные мнения и суждения для мирного диалога между нами.

8 Литература

Немецкая литература

Aleksievič, Svetlana A.: *Der Krieg hat kein weibliches Gesicht*. Berlin (BvT) 2004.

Arnold, Sabine R.: „Ich bin sicher noch lebendig und gesund“. Briefe von den Fronten des sowjetischen Großen Vaterländischen Krieges“. In: Detlef Vogel; Wolfram Wette (Hg.): *Andere Helme - andere Menschen? Heimerfahrung und Frontalltag im Zweiten Weltkrieg. Ein internationaler Vergleich*. (=Schriften der Bibliothek für Zeitgeschichte, N.F., 2). Essen (Klartext) 1995.

Arnold, Sabine R.: *Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis. Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat*. (=Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur, 17). Bochum (Projekt-Verl.) 1998.

Assmann, Aleida: *Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses*. München (Beck) 2006.

Assmann, Aleida: *Geschichte im Gedächtnis. Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung*. (=Krupp-Vorlesungen zu Politik und Geschichte am Kulturwissenschaftlichen Institut im Wissenschaftszentrum Nordrhein-Westfalen, 6). München (Beck) 2007.

Assmann, Jan: „Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität“. In: Jan Assmann; Tonio Hölscher (Hg.): *Kultur und Gedächtnis*. Frankfurt am Main (Suhrkamp) 1988, 9–19.

Assmann, Jan: *Religion und kulturelles Gedächtnis. Zehn Studien*. München (Beck) 2000.

Assmann, Jan; Hölscher, Tonio (Hg.): *Kultur und Gedächtnis*. Frankfurt am Main (Suhrkamp) 1988.

Beevor, Antony: *Stalingrad*. London (Viking) 1998.

Beier-de Haan, Rosmarie: *Erinnerte Geschichte - inszenierte Geschichte. Ausstellungen und Museen in der Zweiten Moderne*. Frankfurt am Main (Suhrkamp) 2005.

Berding, Helmut; Heller, Klaus; Speitkamp, Winfried (Hg.): *Krieg und Erinnerung. Fallstudien zum 19.*

⁷⁶ Ср. со статьей Ребекки Блуме „Сталинград как памятное место в немецкой исторической науке“

⁷⁷ См. также эссе Петера Буковски.

- und 20. Jahrhundert. (=Formen der Erinnerung, 4). Göttingen (Vandenhoeck & Ruprecht) 2000.
- Bernd, Ulrich: „Stalingrad“. In: Etienne Francois; Hagen Schulze (Hg.): *Deutsche Erinnerungsorte*. 3 Bde. München (Beck) 2001, Bd. 2, 332–348.
- Beyer, Wilhelm Raimund: *Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war*. Frankfurt a.M. (Athenäum) 1987.
- Blume, Rebekka: „Stalingrad reloaded. Kriegs-„Rekonstruktionen‘ in Wolgograd“. In: *Kultura*, 1 (2008), 14f. Online verfügbar unter http://www.kultura-rus.de/kultura_dokumente/artikel/deutsch/k1_2008_DT_Blume.pdf (zuletzt geprüft am 06.05.2008).
- Bonwetsch, Bernd: „Ich habe an einem völlig anderen Krieg teilgenommen‘. Die Erinnerung an den ‚Großen Vaterländischen Krieg‘ in der Sowjetunion“. In: Helmut Berding; Klaus Heller; Winfried Speitkamp (Hg.): *Krieg und Erinnerung. Fallstudien zum 19. und 20. Jahrhundert*. (=Formen der Erinnerung, 4). Göttingen (Vandenhoeck & Ruprecht) 2000, 145–168.
- Carcenac-Lecomte, Constanze: „Pierre Nora und ein deutsches Pilotprojekt“. In: Constanze Carcenac-Lecomte et al. (Hg.): *Steinbruch Deutsche Erinnerungsorte. Annäherung an eine deutsche Gedächtnisgeschichte*. Frankfurt am Main (Lang) 2000, 13–26.
- Carcenac-Lecomte, Constanze et al. (Hg.): *Steinbruch Deutsche Erinnerungsorte. Annäherung an eine deutsche Gedächtnisgeschichte*. Frankfurt am Main (Lang) 2000.
- Chor'kov, Anatolij: „Die sowjetische Gegenoffensive bei Stalingrad“. In: Jürgen Förster (Hg.): *Stalingrad. Ereignis - Wirkung - Symbol*. München, Zürich (Piper) ²1993, 53–74.
- Cornelißen, Christoph: „Was heißt Erinnerungskultur? Begriff - Methoden - Perspektiven“. In: *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 54, 10 (2003), 548–563.
- Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst (Hg.): Mascha, Nina, Katjuscha. Frauen in der Roten Armee 1941 – 1945. [Ausstellung: 15. November 2002 – 23. Februar 2003]. Berlin (Links) 2002.
- Ebert, Jens: „Memoiren und andere Dokumente“. In: Jens Ebert: *Stalingrad - eine deutsche Legende. Zeugnisse einer verdrängten Niederlage*. Reinbek bei Hamburg (Rowohlt) 1992, 147–163.
- Ebert, Jens: *Stalingrad - eine deutsche Legende. Zeugnisse einer verdrängten Niederlage*. Reinbek bei Hamburg (Rowohlt) 1992.
- Ebert, Jens: „Erziehung vor Stalingrad‘. Die Schlacht in der ostdeutschen Mentalitätsgeschichte“. In: Peter Jahn (Hg.): *Stalingrad erinnern. Stalingrad im deutschen und im russischen Gedächtnis*. [Ausstellung: 15. November 2003 – 29. Februar 2004]. Berlin (Links) 2003, 16–23.
- Ebert, Jens (Hg.): *Feldpostbriefe aus Stalingrad. November 1942 bis Januar 1943*. Göttingen (Wallstein) 2003.
- Ferretti, Maria: „Unversöhnliche Erinnerung. Krieg, Stalinismus und die Schatten des Patriotismus“. In: Manfred Sapper; Volker Weichsel (Hg.): *Kluffen der Erinnerung. Rußland und Deutschland 60 Jahre nach dem Krieg*. (=Osteuropa, 4-6/2005). Berlin (BWV) 2005, 45–55.
- Flacke, Monika (Hg.): *Mythen der Nationen. 1945 - Arena der Erinnerungen*. Mainz (von Zabern) 2004.
- Förster, Jürgen (Hg.): *Stalingrad. Ereignis - Wirkung - Symbol*. München, Zürich (Piper) ²1993.
- François, Etienne: „Von der wiedererlangten Nation zur ‚Nation wider Willen‘. Kann man eine Geschichte der deutschen ‚Erinnerungsorte‘ schreiben?“. In: Etienne François; Hannes Siegrist; Jakob Vogel (Hg.): *Nation und Emotion. Deutschland und Frankreich im Vergleich - 19. und 20. Jahrhundert*. (=Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft, 110). Göttingen (Vandenhoeck & Ruprecht) 1995, 93–107.
- François, Etienne; Siegrist, Hannes; Vogel, Jakob (Hg.): *Nation und Emotion. Deutschland und Frankreich im Vergleich - 19. und 20. Jahrhundert*. (=Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft, 110). Göttingen (Vandenhoeck & Ruprecht) 1995.
- François, Etienne; Schulze, Hagen (Hg.): *Deutsche Erinnerungsorte*. 3 Bde. München (Beck) 2001.
- Frei, Norbert: „Stalingrad‘ im Gedächtnis der (West-)Deutschen“. In: Peter Jahn (Hg.): *Stalingrad erinnern. Stalingrad im deutschen und im russischen Gedächtnis*. [Ausstellung: 15. November 2003 – 29. Februar 2004]. Berlin (Links) 2003, 8–15.
- Große-Kracht, Klaus: „Gedächtnis und Geschichte: Maurice Halbwachs – Pierre Nora“. In: *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 47 (1996), 21–31.
- Grossman, Vasilij S.: *Leben und Schicksal. Roman*. Berlin (Claassen) 2007.
- Gudkov, Lev: „Die Fesseln des Sieges. Rußlands Identität aus der Erinnerung an den Krieg“. In: Manfred Sapper; Volker Weichsel (Hg.): *Kluffen der Erinnerung. Rußland und Deutschland 60 Jahre nach dem Krieg*. (=Osteuropa, 4-6/2005). Berlin (BWV) 2005, 56–72.
- Halbwachs, Maurice: *Das Gedächtnis und seine sozialen Bedingungen*. Frankfurt am Main

- (Suhrkamp) 1985.
- Heesen, Anke te; Lutz, Petra (Hg.): *Dingwelten. Das Museum als Erkenntnisort*. (=Schriften des Deutschen Hygiene-Museums Dresden, 4). Köln e.a. (Böhlau) 2005.
- Hettling, Manfred: „Täter und Opfer? Die deutschen Soldaten in Stalingrad“. In: *Archiv für Sozialgeschichte*, 35 (1995), 515–531.
- Hoffmann, Martin: „Der Zweite Weltkrieg in der offiziellen sowjetischen Erinnerungskultur“. In: Helmut Berding; Klaus Heller; Winfried Speitkamp (Hg.): *Krieg und Erinnerung. Fallstudien zum 19. und 20. Jahrhundert*. (=Formen der Erinnerung, 4). Göttingen (Vandenhoeck & Ruprecht) 2000, 129–143.
- Hösler, Joachim: „Aufarbeitung der Vergangenheit? Der Große Vaterländische Krieg in der Historiographie der UdSSR und Rußlands“. In: Manfred Sapper; Volker Weichsel (Hg.): *Kluffen der Erinnerung. Rußland und Deutschland 60 Jahre nach dem Krieg*. (=Osteuropa, 4-6/2005). Berlin (BWV) 2005, 115–125.
- Jahn, Peter (Hg.): *Stalingrad erinnern. Stalingrad im deutschen und im russischen Gedächtnis*. Berlin (Links) 2003.
- Karp, Ivan; Lavine, Steven D. (Hg.): *Exhibiting cultures. The poetics and politics of museum display*. Washington, London (Smithsonian Institution Press) 1991.
- Kehrig, Manfred: *Stalingrad. Analyse und Dokumentation einer Schlacht*. (=Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte, 15). Stuttgart (DTV) ³1979.
- Klosa, Jürgen; Klosa-Burmeister, Karin: *Eine Generation verabschiedet sich. Geschichten, Erlebnisse und Stationen ehemaliger Weltkriegssoldaten aus dem heutigen Übach-Palenberg*. Übach-Palenberg (Klosa) 2004.
- Kluge, Alexander: *Schlachtbeschreibung. Der organisatorische Aufbau eines Unglücks*. München (Goldmann) 1982.
- Konsalik, Heinz G.: *Der Arzt von Stalingrad. Roman*. Klagenfurt (Kaiser) 2007.
- Krumeich, Gerd; Brandt, Susanne (Hg.): *Schlachtenmythen. Ereignis - Erzählung - Erinnerung*. (=Europäische Geschichtsdarstellungen, 2). Köln (Böhlau) 2003.
- Kumpfmüller, Michael: *Die Schlacht von Stalingrad. Metamorphosen eines deutschen Mythos*. München (Fink) 1995.
- Kurilo, Ol'ga V. (Hg.): *Der Zweite Weltkrieg im deutschen und russischen Gedächtnis*. Berlin (Avinus) 2006.
- Kurilo, Ol'ga V. (Hg.): *Der Zweite Weltkrieg im Museum. Kontinuität und Wandel*. Berlin (Avinus) 2007.
- Langenohl, Andreas: *Erinnerung und Modernisierung. Die öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des neuen Rußland*. (=Formen der Erinnerung, 7). Göttingen (Vandenhoeck & Ruprecht) 2000.
- Lotman, Jurij M.: „Kultur - Information - Sprache“. In: Jurij M. Lotman: *Kunst als Sprache. Untersuchungen zum Zeichencharakter von Literatur und Kunst*. Hrsg. von Klaus Städtke. Leipzig (Reclam) 1981, 23–33.
- Lotman, Jurij M.: *Kunst als Sprache. Untersuchungen zum Zeichencharakter von Literatur und Kunst*. Hrsg. von Klaus Städtke. Leipzig (Reclam) 1981.
- Merridale, Catherine: *Steinerne Nächte. Leiden und Sterben in Russland*. München (Blessing) 2001.
- Merridale, Catherine: *Iwans Krieg. Die Rote Armee 1939 bis 1945*. Frankfurt am Main (Fischer) 2004.
- <Nekrasov, Viktor P.> Nekrassow, Viktor: *Stalingrad. Roman*. Berlin (Aufbau) ²2002.
- Nora, Pierre: „Zwischen Geschichte und Gedächtnis - Die Gedächtnisorte“. In: Pierre Nora: *Zwischen Geschichte und Gedächtnis*. (=Kleine kulturwissenschaftliche Bibliothek, 16). Berlin (Wagenbach) 1990, 11–33.
- Nora, Pierre: *Zwischen Geschichte und Gedächtnis*. (=Kleine kulturwissenschaftliche Bibliothek, 16). Berlin (Wagenbach) 1990.
- Oesterle, Günter (Hg.): *Erinnerung, Gedächtnis, Wissen. Studien zur kulturwissenschaftlichen Gedächtnisforschung*. (=Formen der Erinnerung, 26). Göttingen (Vandenhoeck & Ruprecht) 2005.
- Overy, Richard J.: *Russlands Krieg. 1941 - 1945*. Reinbek bei Hamburg (Rowohlt) 2003.
- Platt, Kristin; Dabag, Mihran (Hg.): *Generation und Gedächtnis. Erinnerungen und kollektive Identitäten*. Opladen (Leske + Budrich) 1995.
- Proskouriakov, Alexandre: *Das soziale Bewusstsein und die Wahrnehmung des Krieges der deutschen und russischen Soldaten im Zweiten Weltkrieg im Vergleich. Am Beispiel der Schlacht um Stalingrad*. Diss. Konstanz 2003. Online verfügbar unter <http://deposit.ddb.de/cgi-bin/dokserv?idn=968909574> (zuletzt geprüft am 05.04.2008).

- Reichel, Peter: „Opfer und Helden: Stalingrad“. In: Peter Reichel: Erfundene Erinnerung. Weltkrieg und Judenmord in Film und Theater. München et al. (Hanser) 2004, 83–98.
- Reichel, Peter: Erfundene Erinnerung. Weltkrieg und Judenmord in Film und Theater. München et al. (Hanser) 2004.
- Renner, Rolf Günter: „Hirn und Herz. Stalingrad als Gegenstand ideologischer und literarischer Diskurse“. In: Jürgen Förster (Hg.): Stalingrad. Ereignis - Wirkung - Symbol. München, Zürich (Piper) ²1993, 472–492.
- Rüsen, Jörn: „Für eine Fachdidaktik historischer Museen“. In: Jörn Rüsen; Wolfgang Ernst; Heinrich Th. Grütter (Hg.): Geschichte sehen. Beiträge zur Ästhetik historischer Museen. (=Geschichtsdidaktik: Studien, Materialien, N.F.). Pfaffenweiler (Centaurus) 1988, 9–20.
- Rüsen, Jörn; Ernst, Wolfgang; Grütter, Heinrich Th. (Hg.): Geschichte sehen. Beiträge zur Ästhetik historischer Museen. (=Geschichtsdidaktik: Studien, Materialien, N.F.). Pfaffenweiler (Centaurus) 1988.
- Sapper, Manfred; Weichsel, Volker (Hg.): Kluften der Erinnerung. Rußland und Deutschland 60 Jahre nach dem Krieg. (=Osteuropa, 4-6/2005). Berlin (BWV) 2005.
- Scheliha, Wolfram v.: „'Stalingrad' in der sowjetischen Erinnerung“. In: Peter Jahn (Hg.): Stalingrad erinnern. Stalingrad im deutschen und im russischen Gedächtnis. [Ausstellung: 15. November 2003 – 29. Februar 2004]. Berlin (Links) 2003, 24–32.
- Scherrer, Jutta: „Siegesmythos versus Vergangenheitsaufarbeitung“. In: Monika Flacke (Hg.): Mythen der Nationen. 1945 - Arena der Erinnerungen. Mainz (von Zabern) 2004, 619–670.
- Scholze, Jana: Medium Ausstellung. Lektüren musealer Gestaltungen in Oxford, Leipzig, Amsterdam und Berlin. Bielefeld (Transcript) 2004.
- Thomas, Nicholas: Entangled objects. Exchange, material culture, and colonialism in the Pacific. Cambridge, Mass. (Harvard Univ. Press) 1991.
- Tumarkin, Nina: The living & the dead. The rise and fall of the cult of World War II in Russia. New York, NY (Basic Books) 1994.
- Ueberschär, Gerd R.: „Stalingrad. Eine Schlacht des Zweiten Weltkrieges“. In: Wolfram Wette; Gerd R. Ueberschär (Hg.): Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt am Main (Fischer TB) 1992, 18–42.
- Ulrich, Bernd: Stalingrad. München (Beck) 2005.
- Vogel, Detlef: „Die deutschen und österreichischen Stalingradbünde. Schritte vom Mythos zur Realität“. In: Wolfram Wette; Gerd R. Ueberschär (Hg.): Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt am Main (Fischer TB) 1992, 247–253.
- Vogel, Detlef; Wette, Wolfram (Hg.): Andere Helme - andere Menschen? Heimerfahrung und Frontalltag im Zweiten Weltkrieg. Ein internationaler Vergleich. (=Schriften der Bibliothek für Zeitgeschichte, N.F., 2). Essen (Klartext-Verl.) 1995.
- Wegner, Bernd: „Vom Lebensraum zum Todesraum. Deutschlands Kriegsführung zwischen Moskau und Stalingrad“. In: Jürgen Förster (Hg.): Stalingrad. Ereignis - Wirkung - Symbol. München, Zürich (Piper) ²1993, 17–37.
- Wegner, Bernd: „Der Mythos ‚Stalingrad‘ (19. November 1942 – 2. Februar 1943)“. In: Gerd Krumeich; Susanne Brandt (Hg.): Schlachtenmythen. Ereignis - Erzählung - Erinnerung. (=Europäische Geschichtsdarstellungen, 2). Köln (Böhlau) 2003, 183–197.
- Weiner, Amir: Making sense of war. The Second World War and the fate of the Bolshevik Revolution. Princeton (Princeton Univ. Press) ²2002.
- Welzer, Harald: Das soziale Gedächtnis. Geschichte, Erinnerung, Tradierung. Hamburg (Hamburger Ed.) 2001.
- Welzer, Harald: „Die Gegenwart der Vergangenheit. Geschichte als Arena der Politik“. In: Manfred Sapper; Volker Weichsel (Hg.): Kluften der Erinnerung. Rußland und Deutschland 60 Jahre nach dem Krieg. (=Osteuropa, 4-6/2005). Berlin (BWV) 2005, 9–18.
- Welzer, Harald (Hg.): Der Krieg der Erinnerung. Holocaust, Kollaboration und Widerstand im europäischen Gedächtnis. (=Die Zeit des Nationalsozialismus, 17227). Frankfurt am Main (Fischer) 2007.
- Welzer, Harald; Moller, Sabine; Tschuggnall, Karoline: ‚Opa war kein Nazi‘. Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis. (=Die Zeit des Nationalsozialismus, 15515). Frankfurt/Main (Fischer TB) ³2002.
- Wette, Wolfram; Ueberschär, Gerd R. (Hg.): Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht.

- Frankfurt am Main (Fischer TB) 1992.
- Wieder, Joachim: Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten. München (Herbig) ⁴1993 (Erstveröff. 1962).
- Wrochem, Oliver von: „Stalingrad erinnern. Zur Historisierung eines Mythos“. In: Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History (Online-Ausgabe), 1, 2 (2004). Online verfügbar unter <http://www.zeithistorische-forschungen.de/16126041-Wrochem-2-2004> (zuletzt geprüft am 06.04.2008).

Российская литература

- Абалихин Б. С. Историческая победа: Из записей в книгах отзывов посетителей Волгоградского государственного музея, обороны и памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане // Советские архивы. 1973. № 1. С. 74–80.
- Аргасцева С. А. Проекты восстановления Сталинграда, выполненные в военные годы как памятник культурного наследия страны // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.): Сборник научных статей по итогам Международной научной конференции, посвященной 60-летию Сталинградской битвы. Волгоград, 15–17 апреля 2003 г. / под ред. д.и.н., проф. Е. Г. Блосфельд. Волгоград: „Перемена“, 2003. - в 2 ч. Ч. 2. С. 214–227.
- Баркова Э. В. Феномен Сталинграда: пространство-время ликования и памяти // Стрежень: Научный ежегодник / Под ред. М. М. Загорюлько. - Вып. 3. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 217–225.
- Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. Российско-германская конференция историков в Волгограде (май 1995 г.). Москва: Памятники исторической мысли, 1997.
- Вторая мировая война: традиции, преемственность, новации в изучении и преподавании. Сб. науч. ст. Волгоград, 2001.
- Главная высота России. К 30-летию памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы. Волгоград, 1997.
- Голоса сердец (отзывы посетителей, хранящиеся в альбомах Памяти в зале Воинской славы на Мамаевом кургане). Волгоград, 1985.
- История России: на перекрестке мнений: сб. науч. ст. по итогам III межрегиональных ист. чтений, посвящ. памяти Б. С. Абалихина. Волгоград, 2-3 марта 2006 г. - Волгоград: Изд-во ВГПУ Перемена, 2007.
- Лавринова Т. И. Мемуарная литература о Сталинградской битве как источник патриотического воспитания старшеклассников и студентов. // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.): Сборник научных статей по итогам Международной научной конференции, посвященной 60-летию Сталинградской битвы. Волгоград, 15–17 апреля 2003 г. / под ред. д.и.н., проф. Е. Г. Блосфельд. Волгоград: „Перемена“, 2003. - в 2 ч. Ч. 2. С. 295–300.
- Музей: страницы истории через призму современности: Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию музея г. Волгограда, 16 мая 2007 г. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007.
- Ощепков П. Т. По дорогам боевой славы: Маршруты походов. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1971.
- Павлова Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве / Монография. Волгоград: Перемена, 2005.
- Памятники и памятные места Волгограда: Справочник. Волгоград: Универсал, 1991.
- Память Сталинграда. Фотоальбом / Худ. ред. и сост. В. Жуков. Волгоград: Издательская группа „Вика плюс“, 2008.
- Сгибнева О. И., Хорошева Г. И. Поле солдатской славы // 60 лет Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне. Уроки и выводы. Материалы научно-практической конференции 19 ноября 2002 г. Москва: Книга и бизнес, 2003. С. 294–307.
- Солдаты XX века. Посвящается 60-летию Сталинградской битвы. Москва: Мегалит, 2003. - В 2-х т. Вып. 3.
- Сталинград. Событие. Воздействие. Символ: сб. ст. / Под ред. Ю. Фёрстера. Москва: „Прогресс-Академия“, 1994.
- Сталинградская битва: Хроника, факты, люди: [В 2 кн.] / Жилин В. А., Греджев В. А., Саксонов О. В., Черногор В. Ю. Москва: Олма-Пресс, 2002- (Архив). Кн. 1. - 2002; Кн. 2. - 2002.

- Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ / Сост. Виноградов В. К. и др. Москва: Звонница-МГ, 2000.
- Только миг... Фотоальбом / Сост.: Б. Г. Усик, В. Г. Булаева, Л. А. Бетина; Под ред. Б. Г. Усика. Волгоград: ГУ Издатель, 2004.
- Фрадлина Е. М. Патриотизм в контексте современного мировоззрения // 60 лет Сталинградской битве в Великой Отечественной войне. Уроки и выводы. Материалы научно-практической конференции 19 ноября 2002 г. Москва: Книга и бизнес, 2003. С. 308–314.
- Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. энциклопедия / под ред. М. М. Загоруйко: Адм. Волг. обл., Вол. гос. ун-т, Ин-т военной истории Мин. обор. РФ., Гос. Музей-панорама „Сталинградская битва“. Волгоград: Издатель, 2007.
- Янушкина Ю. В. Структура пространственных связей в архитектуре Сталинграда как модель советской культуры 40–50-х гг. // Стрежень: Научный ежегодник / Под ред. М. М. Загоруйко. Вып. 3. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 192–205.
- Окончание войны в Сталинграде и Кельне. 1943–1945 гг. Материалы научной конференции, Волгоград, апрель 1995 года. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997.
- Першин Н. И. Память и уроки Сталинградской битвы // Стрежень: Научный ежегодник / Под ред. М. М. Загоруйко. - Вып. 3. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 16–21.
- Дети, пережившие ад: воспоминания узников фашистских концлагерей; стихи из концлагеря; повести / [сост. Е. Е. Таланин]. Волгоград: Издатель, 2004.
- Но был один, который не стрелял. Сборник воспоминаний и размышлений граждан России и Германии о событиях второй мировой войны и гуманном отношении отдельных людей друг к другу. / Сост. Брыскина. Волгоград: Издатель, 2005.
- Книга Памяти: в 2 т. Т. 1. Кн. 1. Сталинградцы в бою и труде. 1941–1945 гг. Воспоминания. Документы. Фотографии / Сост. В. И. Томарев, Г. М. Головкин. Волгоград: Комитет по печати, 1994.
- Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 3: Вторая мировая война: ист. очерк. - 2-е изд. / Науч. руководитель Л. В. Поздеева, отв. ред. Е. Н. Кульков. Москва: Наука, 2005.

9 Ссылки

Приведенные далее ссылки на другие Интернет-ресурсы – это указания без комментариев на иные источники информации, которые были или могли бы быть полезны в связи с темой обсуждения. Исходя из системных свойств Интернета, не может быть заявлен и соблюден критерий полноты или сконцентрированности на самых значимых информационных предложениях. Приведенный здесь обзор – это зафиксированные на момент подготовки данных документов доступные Интернет-ресурсы.

Projektförderung

Stiftung „Erinnerung, Verantwortung und Zukunft“
<http://www.stiftung-evz.de/>

Robert Bosch Stiftung
<http://www.bosch-stiftung.de>

Museen und Ausstellungen

Panorama-Museum „Die Schlacht von Stalingrad“
<http://panorama.volgadmin.ru/>

Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst
<http://www.museum-karlshorst.de/>

Lebendiges virtuelles Museum Online (LeMO)
<http://www.dhm.de/lemo/>

Выставка „Spuren – Следы. Немцы и русские в истории“ – Государственный Исторический Музей
<http://www.shm.ru/ev3882983.html>

Ausstellung „Spuren – Sledy. Deutsche und Russen in der Geschichte“ – Stiftung Haus der Geschichte der BRD
<http://www.hdg.de/index.php?id=3535>

Themenschwerpunkte

Themenheft „Erinnern und Verschweigen“ der Bundeszentrale für politische Bildung
http://www.bpb.de/publikationen/P2SV42,0,Nr_14_Erinnern_und_Verschweigen.html

Themenschwerpunkt „Konstruktion der Erinnerung“ des Goethe-Instituts
<http://www.goethe.de/ges/ztg/dos/dos/ern/deindex.html>

Zeitgeschichte online: „Die russische Erinnerung an den Großen Vaterländischen Krieg“
<http://www.zeitgeschichte-online.de/md=Russische-Erinnerung-Beitraege>

Thema „Stalingrad“ im Netzwerk H-Museum (mit weiterführenden Links)
<http://www.h-net.org/~museum/stalingrad.html>

„Stalingrad – der totale Krieg“ auf SPIEGEL-ONLINE
<http://www.spiegel.de/netzwelt/web/0,1518,k-3433,00.html>

Themensammlung des Nachrichtendienstes für Historiker
http://www.nfhdata.de/cgi-local/frame/indexpage.pl?http://www.nfhdata.de/premium/thema/02_stalingrad.shtml

Dossier „Eine Stadt mit drei Geschichten“ der Deutschen Welle
<http://www.dw-world.de/dw/article/0,,766745,00.html>

Fernsehdocumentation „Stalingrad“ des Rundfunk Berlin-Brandenburg
http://www.rbb-online.de/_/doku/beitrag_jsp/key=6865031.html

Private Homepages

Webseite mit unterschiedlichen Materialien über Stalingrad
<http://www.euroantiquariat.de/stalingrad.htm>

„Stalingrad“ im Geschichtsunterricht (Wigbert Benz)
<http://hometown.aol.de/histbildung/homepage/geschichte.html>

Tagungen und Konferenzen

Symposium „Kulturelles Gedächtnis im 21. Jahrhundert“ (Karlsruhe, 2005)
http://www.uvka.de/univerlag/volltexte/2005/91/pdf/ZAR_Schriftenreihe_1.pdf

Kolloquium zum 60. Jahrestag der Schlacht von Stalingrad (Potsdam, 2003)
http://www.2i.westhost.com/bg/0_2.html